

АЛЕКСАНДР
БЛОК

АЛЕКСАНДР БЛОК

2

1880 · 1980



АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М. А. ДУДИНА

В. Н. ОРЛОВА

А. А. СУРКОВА

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1980

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 2

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1907 • 1921

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1980

ББК 84.3Р1

Б70

СОСТАВЛЕНИЕ И ПРИМЕЧАНИЯ
ВЛ. ОРЛОВА

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И. ИСАКОВИЧ

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА
Н. НЕФЕДОВА

Б $\frac{70401-063}{028(01)-80}$ подписное 4702010100

© Примечания, оформление. Издательство «Художественная литература», 1980 г.



СТИХОТВОРЕНИЯ

Н. Н. В.

Я в дольний мир вошла, как в ложу.
Театр взволнованный погас.
И я одна лишь мрак тревожу
Живым огнем крылатых глаз.

Они поют из темной ложи:
«Найди. Люби. Возьми. Умчи».
И все, кто властен и ничтожен,
Опустят предо мной мечи.

И все придут, как волны в море,
Как за грозой идет гроза.
Пылайте, траурные зори,
Мои крылатые глаза!

Взор мой — факел, к высям кинут,
Словно в небо опрокинут
Кубок темного вина!
Тонкий стан мой шелком схвачен.
Темный жребий вам назначен,
Люди! Я стройна!

Я — звезда мечтаний нежных,
И в венце метелей снежных
Я плыву, скользя...
В серебре метелей кроюсь,
Ты горишь, мой узкий пояс —
Млечная стезя!

1 января 1907

СНЕЖНАЯ МАСКА

Посвящается Н. Н. В.

СНЕГА

2. СНЕЖНОЕ ВИНО

И вновь, сверкнув из чаши винной,
Ты поселила в сердце страх
Своей улыбкою невинной
В тяжелозмеиных волосах.

Я опрокинут в темных струях
И вновь вдыхаю, не любя,
Забытый сон о поцелуях,
О снежных вьюгах вокруг тебя.

И ты смеешься дивным смехом,
Змеишься в чаше золотой,
И над твоим собольим мехом
Гуляет ветер голубой.

И как, глядясь в живые струи,
Не увидеть себя в венце?
Твои не вспомнить поцелуи
На запрокинутом лице?

29 декабря 1906

3. СНЕЖНАЯ ВЯЗЬ

Снежная мгла взвилась.
Легли сутробы кругом.

Да. Я с тобой незнаком.
Ты — стихов моих пленная вязь.

И тайно сплетая вязь,
Нити снежные тку и плету.

Ты не первая мне предалась
На темном мосту.

Здесь — электрический свет.
Там — пустота морей,
И скована льдами злая вода.

Я не открою тебе дверей.
Нет.
Никогда.

И снежные брызги влача за собой,
Мы летим в миллионы бездн...
Ты смотришь всё той же пленной душой
В купол всё тот же — звездный...

И смотришь в печали,
И снег синей...

Темные дали,
И блистательный бег саней...

И когда со мной встречаются
Неизбежные глаза, —

Глуби снежные вскрываются,
Приближаются уста...

Вышина. Глубина. Снеговая тишь.
И ты молчишь.
И в душе твоей безнадежной
Та же легкая, пленная грусть.

О, стихи зимы среброснежной!
Я читаю вас наизусть.

3 января 1907

4. ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

В снежной пене — предзакатная —
Ты встаешь за мной вдали,
Там, где в дали невозвратные
Повернули корабли.

Не видать ни мачт, ни паруса,
Что манил от снежных мест,

И на дальнем храме безрадостно
Догорел последний крест.

И на этот путь оснеженный
Если встанешь — не сойдешь.
И душою безнадежной
Безотзывное поймешь.

Ты услышишь с белой пристани
Отдаленные рога.
Ты поймешь растущий издали
Зов закованной в снега.

3 января 1907

5. НА СТРАЖЕ

Я — непокорный и свободный.
Я правлю вольною судьбой.
А Он — простерт над бездной водной
С подъятой к небесам трубой.

Он видит все мои измены,
Он исчисляет все дела.
И за грядой туманной пены
Его труба всегда светла.

И, опустивший меч на струи,
Он не смежит упорный взор.
Он стережет все поцелуи,
Паденья, клятвы и позор.

И Он потребует ответа,
Подъемля засветлевший меч.
И канет темная комета
В пучины новых темных встреч.

3 января 1907

6. ВТОРОЕ КРЕЩЕНИЕ

Открыли дверь мою метели,
Застыла горница моя,

И в новой снеговой купели
Крещен вторым крещеньем я.

И, в новый мир вступая, знаю,
Что люди есть, и есть дела,
Что путь открыт наверно к раю
Всем, кто идет путями зла.

Я так устал от ласк подруги
На застывающей земле.
И драгоценный камень выюги
Сверкает льдиной на челе.

И гордость нового крещенья
Мне сердце обратила в лед.
Ты мне сулишь еще мгновенья?
Пророчишь, что весна придет?

Но посмотри, как сердце радо!
Заграждена снегами твердь.
Весны не будет, и не надо:
Крещеньем третьим будет — Смерть.

3 января 1907

7. НАСТИГНУТЫЙ МЕТЕЛЮ

Вьюга пела.
И кололи снежные иглы.
И душа леденела.
Ты меня настигла.

Ты запрокинула голову в высь.
Ты сказала: «Глядись, глядись,
Пока не забудешь
Того, что любишь».

И указала на дальние города линии,
На поля снеговые и синие,
На бесцельный холод.

И снежных вихрей подъятый молот
Бросил нас в бездну, где искры неслись,
Где снежинки пугливо вились...

Какие-то искры,
Каких-то снежинок неверный полет...
Как быстро — так быстро
Ты надо мной
Опрокинула свод
Голубой...

Метель взвилась,
Звезда сорвалась,
За ней другая...
И звезда за звездой
Понеслась,
Открывая
Вихрям звездным
Новые бездны.

В небе вспыхнули темные очи
Так ясно!
И я позабыл приметы
Страны прекрасной —
В блеске твоём, комета!
В блеске твоём, среброснежная ночь!

И неслись опустошающие
Непомерные года,
Словно сердце застывающее
Закатилось навсегда.

Но бредет за дальним полюсом
Солнце сердца моего,
Льдяным скованное поясом
Безначалья твоего.

Так взойди ж в морозном инее,
Непомерный свет — заря!
Подними над далью синей
Жезл померкшего царя!

3 января 1907

8. НА ЗОВ МЕТЕЛЕЙ

Белоснежней не было зим
И перистей тучек.
Ты дала мне в руки
Серебряный ключик,
И владел я сердцем твоим.
Тихо всходил над городом дым.
Умирали звуки.

Белые встали сугробы,
И мраки открылись.
Выплыл серебряный серп.
И мы уносились,
Обреченные оба
На ущерб.

Ветер взвихрил снега.
Закатился серп луны.
И пронзительным взором
Ты измерила даль страны,
Откуда звучали рога
Снежным, метельным хором.

И мгла заломила руки,
Заломила руки в высь.
Ты опустила очи,
И мы понеслись.
И навстречу вставали новые звуки:
Летели снега,
Звенели рога
Налетающей ночи.

3 января 1907

9. ЕЕ ПЕСНИ

Не в земной темнице душевной
Я гублю.
Душу вверх ладье воздушной —
Кораблю.
Ты пойми душой послушной,
Что люблю.

Взор твой ясный к выси звездной
Обрати.
И в руке твой меч железный
Опусти.
Сердце с дрожью бесполезной
Украти.
Вихри снежные над бездной
Закрути.

Рукавом моих метелей
Задушу.
Серебром моих веселий
Оглушу.
На воздушной карусели
Закружу.
Пряжей спутанной кудели
Обовью.
Легкой брагой снежных хмелей
Напою.

4 января 1907

10. КРЫЛЬЯ

Крылья легкие раскину,
Стены воздуха раздвину,
Страны дальние покину.

Вейтесь, искристые нити,
Льдинки звездные, плывите,
Вьюги дальние, вздохните!

В сердце — легкие тревоги,
В небе — звездные дороги,
Среброснежные чертоги.

Сны метели светлосмешной,
Песни вьюги легковесной,
Очи девы чародейной.

И какие-то печали
Издали,
И туманные скрижали
От земли.

И покинутые в дали
Корабли.
И какие-то за мысом
Паруса.
И какие-то над морем
Голоса.

И расплеснут меж мирами,
Над забытыми пирами —
Кубок долгой страстной ночи,
Кубок темного вина.

4 января 1907

11. ВЛЮБЛЕННОСТЬ

И опять твой сладкий сумрак, влюбленность.
И опять: «Навеки. Опusti глаза твои».
И дней туманность, и ночная бессонность,
И вдали, в волнах, вдали — пролетевшие ладьи...

И чему-то над равнинами снежными
Улыбнувшаяся задумчиво заря.
И ты, осенившая крылами белоснежными
На вечный покой отходящего царя.

Ангел, гневно брови изламывающий,
Два луча — два меча скрестил в вышине.
Но в гневах стали звенящей и падающей
Твоя улыбка струится во мне.

4 января 1907

12. НЕ НАДО

Не надо кораблей из дали,
Над мысом почивает мрак.
На снежносинем покрывале
Читаю твой условный знак.

Твой голос слышен сквозь метели,
И звезды сыплют снежный прах.
Ладьи ночные пролетели,
Ныряя в ледяных струях.

И нет моей завидней доли —
В снегах забвенья догореть,
И на прибрежном снежном поле
Под звонкой вьюгой умереть.

Не разгадать живого мрака,
Которым стан твой окружен.
И не понять земного знака,
Чтоб не нарушить снежный сон.

4 января 1907

13. ТРЕВОГА

Сердце, слышишь
Легкий шаг
За собой?

Сердце, видишь:
Кто-то подал знак,
Тайный знак рукой?

Ты ли? Ты ли?
Вьюги плыли,
Лунный серп застыл...

Ты ль нисходишь?
Ты ль уводишь, —
Ты, кого я полюбил?

Над бескрайнными снегами
Возлетим!
За туманными морями
Догорим!

Птица вьюги
Темнокрылой,
Дай мне два крыла!

Чтоб с тобою, сердцу милой,
В серебристом лунном круге
Вся душа изнемогла!

Чтоб огонь зимы палящей
Сжег грозящий
Дальний крест!

Чтоб лететь стрелой звенящей
В пропасть черных звезд!

4 января 1907

14. ПРОЧЬ!

И опять открыли солнца
Эту дверь.
И опять влекут от сердца
Эту тень.

И опять, остерегая,
Знак дают,
Чтобы медленный растаял
В келье лед.

«Кто ты? Кто ты?
Скован дремой,
Пробудись!

От дремоты
Незнакомой
Исцелись!

Мы — целители истомы,
Нашей медленной заботе
Покорись!

В златоверхие хоромы,
К созидающей работе
Воротись!»

— Кто вы? Кто вы?
Рая дщери!
Прочь! Летите прочь!

Кто взломал мои засовы?
Ты кому открыла двери,
Задремав, служанка-ночь?

Стерегут мне келью совы, —
Вам забвенью и потере
Не помочь!

На груди — снегов оковы,
В ледяной моей пещере —
Вихрей северная дочь!

Из очей ее крылатых
Светит мгла.
Трехвенечная тиара
Вкрут чела.
Золотистый уголь в сердце
Мне вожгла!

Трижды северное солнце
Обошло подвластный мир!
Трижды северные фьорды
Знали тихий лёт ночей!
Трижды красные герольды
На кровавый звали пир!
Мне — мое открыло сердце
Снежный мрак ее очей!

Прочь лети, святая стая,
К старой двери
Умирающего рая!
Стерегите, злые звери,
Чтобы ангелам самим
Не поднять меня крылами,
Не вскружить меня хвалами,
Не пронзить меня Дарами
И Причастием своим!

У меня в померкшей келье —
Два меча.

У меня над ложем — знаки
Черных дней.

И струит мое веселье.
Два луча.

То горят и дремлют маки
Злых очей.

8 января 1907

15. И ОПЯТЬ СНЕГА

И опять, опять снега
Замели следы...

Над пустыней снежных мест
Дремлют две звезды.

И поют, поют рога.
Над парами злой воды
Вьюга строит белый крест,
Рассыпает снежный крест,
Одинокий смерч.

И вдали, вдали, вдали,
Между небом и землей
Веселится смерть.

И за тучей снеговой
Задремали корабли —
Опрокинутые в твердь
Станы снежных мачт.

И в полях гуляет смерть —
Снеговой трубач...

И вздымает вьюга смерч,
Строит белый, снежный крест,
Заметает твердь...

Разрушает снежный крест
И бежит от снежных мест...
И опять глядится смерть
С беззакатных звезд...

8 января 1907

16. ГОЛОСА

(Двое проносятся в сфере метелей)

О н

Нет исхода выюгам певучим!
Нет заката очам твоим звездным!
Рукою, поднятой к тучам,
Ты влечешь меня к безднам!

О н а

О, настигай! О, догони!
Померкли дни.
Столетия минут.
Земля остынет.
Луна опрокинет
Свой лик к земле!

О н

Кто жребий мой вынет,
Тот опрокинут
В бездонной мгле!

О н а

Оставь тревоги,
Метель в дороге
Тебя застигла.
Ласкают вьюги,
Ты — в лунном круге,
Тебя пронзили снежные иглы!

О н

Сердце — громада
Горной лавины —
Катится в бездны...
Ты гибели рада,
Дева пучины
Звездной!

Она

Я укачала
Царей и героев...
Слушай снега!
Из снежного зала,
Из надзвездных покоев
Поют боевые рога!

Он

Меч мой железный
Утонул в серебряной вьюге...
Где меч мой? Где меч мой!

Она

Внимай! Внимай! Я — ветер встречный!
Мы — в лунном круге!
Мы — в бездне звездной!

Он

Прости, отчизна!
Здравствуй, холод!
Отвори мне застывшие руки!

Она

Слушай, слушай трубные звуки!
Кто молод, —
Расстанься с дольною жизнью!

Он

Прости! Прости!
Остыло сердце!
Где ты, солнце?

(Вьюга вздымает белый крест)

8 января 1907

17. В СНЕГАХ

И я затянут
Лентой млечной!
Тобой обманут,
О, Вечность!

Подо мной растянут
В дали бесконечной
Твой узор, Бесконечность,
Темница мира!

Узкая лира,
Звезда богини,
Снежно стонет
Мне.

И корабль закатный
Тонет
В нежно-синей
Глубине.

9 января 1907

МАСКИ

18. ПОД МАСКАМИ

А под маской было звездно.
Улыбалась чья-то повесть,
Короталась тихо ночь.

И задумчивая совесть,
Тихо плавая над бездной,
Уводила время прочь.

И в руках, когда-то строгих,
Был бокал стеклянных влаг.
Ночь сходила на чертоги,
Замедляя шаг.

И позвякивали миги,
И звенела влага в сердце,

И дразнил зеленый зайчик
В догоревшем хрустале.

А в шкапу дремали книги.
Там — к резной старинной дверце
Прилепился голый мальчик
На одном крыле.

9 января 1907

19. БЛЕДНЫЕ СКАЗАНЬЯ

— Посмотри, подруга, эльф твой
Улетел!
— Посмотри, как быстролетны
Времена!

Так смеется маска маске,
Злая маска, к маске скромной
Обратясь:
— Посмотри, как темный рыцарь
Скажет сказки третьей маске...

Темный рыцарь вокруг девицы
Заплетает вязь.

Тихо шепчет маска маске,
Злая маска — маске скромной...
Третья — смущена...

И еще темней — на темной
Завесе окна
Темный рыцарь — только мнится...

И стрельчатые ресницы
Опускает маска вниз.
Снится маске, снится рыцарь...
— Темный рыцарь, улыбнись...

Он рассказывает сказки,
Опершись на меч.
И она внимает в маске.
И за ними — тихий танец
Отдаленных встреч...

Как горит ее румянец!
Странен профиль темных плеч!
 А за ними — тихий танец
 Отдаленных встреч.

И на завесе оконной
 Золотится
Луч, протянутый от сердца —
 Тонкий цепкий шнур.

И потерянный, влюбленный
 Не умеет прицепиться
Улетевший с книжной дверцы
 Амур.

9 января 1907

20. СКВОЗЬ ВИННЫЙ ХРУСТАЛЬ

В длинной сказке
 Тайно кроясь,
Бьет условный час.

В темной маске
 Прорезь
Ярких глаз.

Нет печальной покрывала,
 Тоньше стана нет...

— Вы любезней, чем я знала,
 Господин поэт!

— Вы не знаете по-русски,
 Госпожа моя...

На плече за тканью тусклой,
На конце ботинки узкой
 Дремлет тихая змея.

9 января 1907

21. В УГЛУ ДИВАНА

Но в камине дозвенели
Угольки.

За окошком догорели
Огоньки.

И на व्यюжном море тонут
Корабли.

И над южным морем стонут
Журавли.

Верь мне, в этом мире солнца
Больше нет.

Верь лишь мне, ночное сердце,
Я — поэт!

Я какие хочешь сказки
Расскажу,

И какие хочешь маски
Приведу.

И пройдут любые тени
При огне,

Странных очерки видений
На стене.

И любой колени склонит
Пред тобой...

И любой цветок уронит
Голубой...

9 января 1907

22. ТЕНИ НА СТЕНЕ

Вот прошел король с зубчатым
Пляшущим венцом.

Шут прошел в плаще крылатом
С круглым бубенцом.

Дамы с шлейфами, пажамы,
В розовых тенях.

Рыцарь с темными цепями
На стальных руках.

Ах, к походке вашей, рыцарь,
Шел бы длинный меч!

Под забралом вашим, рыцарь,
Нежный взор желанных встреч!

Ах, петуший гребень, рыцарь,
Ваш украсил шлем!

Ах, скажите, милый рыцарь,
Вы пришли зачем?

К нашим сказкам, милый рыцарь,
Приклоните слух...

Эти розы, милый рыцарь,
Подарил мне друг.

Эти розаны — мне, рыцарь,
Милый друг принес...

Ах, вы сами в сказке, рыцарь!
Вам не надо роз...

9 января 1907

23. НАСМЕШНИЦА

Подвела мне брови красным,
Поглядела и сказала:
«Я не знала:

Тоже можешь быть прекрасным,
Темный рыцарь, ты!»

И, смеясь, ушла с другими.
А под сводами ночными
Плыли тени пустоты,
Догорали хрустали.

Тени плыли, колдовали,
Струйки винные дремали,
И вдали
Заливалось утро криком
Петуха...
И летели тройки с гиком...

И она пришла опять
И сказала: «Рыцарь, что ты?
Это — сны твоей дремоты...
Что ты хочешь услышать?
Ночь глуха.
Ночь не может понимать
Петуха».

10 января 1907

24. ОНИ ЧИТАЮТ СТИХИ

Смотри: я спутал все страницы,
Пока глаза твои цвели.
Большие крылья снежной птицы
Мой ум метелью замели.

Как странны были речи маски!
Понятны ли тебе? — Бог весть!
Ты твердо знаешь: в книгах — сказки,
А в жизни — только проза есть.

Но для меня неразделимы
С тобою — ночь и мгла реки,
И застывающие дымы,
И рифм веселых огоньки.

Не будь и ты со мною строгой,
И маской не дразни меня.
И в темной памяти не трогай
Иного — страшного — огня.

10 января 1907

25. НЕИЗБЕЖНОЕ

Тихо вывела из комнат,
Затворила дверь.

Тихо. Сладко. Он не вспомнит,
Не запомнит, что теперь.

Вьюга память похоронит,
Навсегда затворит дверь.

Сладко в очи поглядела
Взором как стрела.

Слушай, ветер звезды гонит,
Слушай, пасмурные кони
Топчут звездные пределы
И кусают удила...

И под маской — так спокойно
Расцвели глаза.

Неизбежно и спокойно
Взор упал в ее глаза.

13 января 1907

26. ЗДЕСЬ И ТАМ

Ветер звал и гнал погоню,
Черных масок не догнал...
Были верны наши кони,
Кто-то белый помогал...

Заметал снегами сани,
Коней иглами дразнил,
Строил башни из тумана,
И кружил, и пел в тумане,
И из снежного бурана
Оком темным сторожил.

И метался ветер быстрый
По бурьянам,

И снопами мчались искры
По туманам, —
Ветер масок не догнал,
И с высот серебровоздушных
Тучу белую сорвал...

И в открытых синих безднах
Обозначились две тени,
Улетающие в дали
Незнакомой стороны...

Станных очерки видений
В черных масках танцовали —
Были влюблены.

13 января 1907

27. СМЯТЕНИЕ

Мы ли — пляшущие тени?
Или мы бросаем тень?
Снов, обманов и видений
Догоревший полон день.

Не пойму я, что нас манит,
Не поймешь ты, что со мной,
Чей под маской взор туманит
Сумрак вьюги снеговой?

И твои мне светят очи
Наяву или во сне?
Даже в полдне, даже в дне
Разметались космы ночи...

И твоя ли неизбежность
Совлекла меня с пути?
И моя ли страсть и нежность
Хочет вьюгой изойти?

Маска, дай мне чутко слушать
Сердце темное твое,
Возврати мне, маска, душу,
Горе светлое мое!

13 января 1907

28. ОБРЕЧЕННЫЙ

Тайно сердце просит гибели.
Сердце легкое, скользи...
Вот меня из жизни вывели
Снежным серебром стези...

Как над тою дальней прорубью
Тихий пар струит вода,
Так своею тихой поступью
Ты свела меня сюда.

Завела, сковала взорами
И рукою обняла,
И холодными призорами
Белой смерти предала...

И в какой иной обители
Мне влачиться суждено,
Если сердце хочет гибели,
Тайно просится на дно?

12 января 1907

29. НЕТ ИСХОДА

Нет исхода из вьюг,
И погибнуть мне весело.
Завела в очарованный круг,
Серебром своих вьюг занавесила...

Тихо смотрит в меня,
Темноокая.

И, колеблемый вьюгами Рока,
Я взвиваюсь, звеня,
Пропадаю в метелях...

И на снежных постелях
Спят цари и герсы
Минувшего дня
В среброснежном покое —
О, Твои, Незнакомая, снежные жертвы!

И приветно глядят на меня:
«Восстань из мертвых!»

13 января 1907

30. СЕРДЦЕ ПРЕДАНО МЕТЕЛИ

Сверкни, последняя игла,
В снегах!

Встань, огнедышащая мгла!
Взмети твой снежный прах!

Убей меня, как я убил
Когда-то близких мне!

Я всех забыл, кого любил,
Я сердце вьюгой закрутил,
Я бросил сердце с белых гор,
Оно лежит на дне!

Я сам иду на твой костер!
Сжигай меня!

Пронзай меня,
Крылатый взор,
Иглою снежного огня!

13 января 1907

31. НА СНЕЖНОМ КОСТРЕ

И взвился костер высокий
Над распятым на кресте.
Равнодушны, снежнооки,
Ходят ночи в высоте.

Молодые ходят ночи,
Сестры — пряжи снежных зим,
И глядят, открывши очи,
Завивают белый дым.

И крылатыми очами
Нежно смотрит высота.
Вейся, легкий, вейся, пламень,
Увивайся вокруг креста!

В снежной маске, рыцарь милый,
В снежной маске ты гори!
Я ль не пела, не любила,
Поцелуев не дарила
От зари и до зари?

Будь и ты моей любовью,
Милый рыцарь, я стройна,
Милый рыцарь, снежной кровью
Я была тебе верна.

Я была верна три ночи,
Завивалась и звала,
Я дала глядеть мне в очи,
Крылья легкие дала...

Так гори, и яр и светел,
Я же — легкою рукой
Размету твой легкий пепел
По равнине снеговой.

13 января 1907

32. УСТАЛОСТЬ

Кому назначен темный жребий,
Над тем не властен хоровод.
Он, как звезда, утонет в небе,
И новая звезда взойдет.

И краток путь средь долгой ночи,
Друзья, близка ночная твердь!
И даже рифмы нет короче
Глухой, крылатой рифмы: *смерть*.

И есть ланит живая алость,
Печаль свиданий и разлук...

Но есть паденье, и усталость,
И торжество предсмертных мук.

14 февраля 1907

33-35. НЕНУЖНАЯ ВЕСНА

1

Отсеребрилась; отзвучала...
И вот из-за домов, пьяна,
В пустую комнату стучала
Ненужно ранняя весна.

Она сера и неумыта,
Она развратна до конца.
Как свиньи тычутся в корыта,
Храпит у моего крыльца.

И над неубранной постелью
Склонилась, давит мне на грудь,
И в сердце, смятое метелью,
Бесстыдно хочет заглянуть.

Ну, что же! Стисну зубы, встречу,
И, выбрав хитрый, ясный миг,
Ее заклятьем изувечу
И вырву пожелтелый клык!

Пускай трясет визгливым рылом:
Зачем непростеной вошла,
Куда и солнце не входило,
Где ночь метельная текла!

2

В глазах ненужный день так ярок,
Но в сердце неотлучно — ночь.
За красоту мою — в подарок
Старуха привела мне дочь.

«Вот, проводи с ней дни и ночи:
Смотри, она стройна, как та.
Она исполнит всё, что хочешь:
Она бесстыдна и проста».

Смотрю. Мой взор — слепой и зоркий.
«Она красива, дочь твоя.
Вот, погоди до Красной Горки:
Тогда с ней повенчаюсь я».

3

Зима прошла. Я болен.
Я вновь в углу, средь книг.
Он, кажется, доволен,
Досужий мой двойник.

Да мне-то нет досуга
Болтать про всякий вздор.
Мы поняли друг друга?
Ну, двери на запор.

Мне гости надоели.
Скажите, что грущу.
А впрочем, на неделе —
Лишь одного впущу:

Того, кто от занятий
Утратил цвет лица,
И умер от заклятий
Волшебного кольца.

18 марта 1907

36

Придут незаметные белые ночи.
И душу вытравят белым светом.
И бессонные птицы выключают очи.
И буду ждать я с лицом воздетым.

Я буду мертвый — с лицом поднятым.
Придет, кто больше на свете любит:
В мертвые губы меня поцелует,
Закроет меня благовонным платом.

Придут другие, разрыхлят глыбы,
Зароют, — уйдут беспокойно прочь:

Они обо мне помолиться могли бы,
Да вот — помешала белая ночь!

18 марта 1907

37

Ушла. Но гиацинты ждали,
И день не разбудил окна,
И в легких складках женской шали
Цвела ночная тишина.

В косых лучах вечерней пыли,
Я знаю, ты придешь опять
Благоуханьем нильских лилий
Меня пленять и опьянять.

Мне слабость этих рук знакома,
И эта шепчущая речь,
И стройной талии истома,
И матовость покатых плеч.

Но в имени твоём — безмерность,
И рыжий сумрак глаз твоих
Таит змеиную неверность
И ночь преданий грозových.

И, миру должному подвластна,
Меж всех — не знаешь ты одна,
Каким раденьям ты причастна,
Какою верой крещена.

Войди, своей не зная воли,
И, добрая, в глаза взгляни,
И темным взором острой боли
Живое сердце полосни.

Вползи ко мне змеей ползучей,
В глухую полночь оглуши,
Устами томными замучай,
Косою черной задуши.

31 марта 1907

За холмом отзвенели упругие латы,
 И копье потерялось во мгле.
 Не сияет и шлем — золотой и пернатый —
 Всё, что было со мной на земле.

Встанет утро, застанет раскинувшим руки,
 Где я в небо ночное смотрел.
 Солнцебоги, смеясь, напрягут свои луки,
 Обольют меня тучами стрел.

Если близкое утро пророчит мне гибель,
 Неужели твой голос молчит?
 Чую, там, под холмами, на горном изгибе
 Лик твой молнийный гневом горит!

Воротясь, ты направишь копье полуночи
 Солнцебогу веселому в грудь.
 Я увижу в змеиных кудрях твои очи,
 Я услышу твой голос: «Забудь».

Надо мною ты в сием своем покрывале,
 С исцеляющим жалом — змея...
 Мы узнаем с тобою, что прежде знавали,
 Под неверным мерцаньем копья!

2 апреля 1907

Зачатый в ночь, я в ночь рожден,
 И вскрикнул я, прозрев:
 Так тяжек матери был стон,
 Так черен ночи зев.

Когда же сумрак поредел,
 Унылый день повлек
 Клубок однообразных дел,
 Безрадостный клубок.

Что быть должно — то быть должно,
 Так пела с детских лет

Шарманка в низкое окно,
И вот — я стал поэт.

Влюбленность расцвела в кудрях
И в ранней грусти глаз.
И был я в розовых цепях
У женщин много раз.

И всё, *как быть должно*, пошло:
Любовь, стихи, тоска;
Всё приняла в свое русло
Спокойная река.

Как ночь слепа, так я был слеп,
И думал жить слепой...
Но раз открыли темный склеп,
Сказали: *Бог с тобой*.

В ту ночь был белый ледоход,
Разлив осенних вод.
Я думал: «Вот, река идет».
И я пошел вперед.

В ту ночь река во мгле была,
И в ночь и в темноту
Та — незнакомая — пришла
И встала на мосту.

Она была — живой костер
Из снега и вина.
Кто раз взглянул в желанный взор,
Тот знает, кто она.

И тихо за руку взяла
И глянула в лицо.
И маску белую дала
И светлое кольцо.

«Довольно жить, оставь слова,
Я, как метель, звонка,
Иною жизнью жива,
Иным огнем ярка».

Она зовет. Она манит.
В снегах земля и твердь.
Что мне поет? Что мне звенит?
Иная жизнь! Глухая смерть?

12 апреля 1907

40

В темной комнате ты обещена,
Светлой улице ты предана,
Ты идешь, красивая женщина,
Ты пьяна!

Шлейф ползет за тобой и треплется,
Как змея, умирая в пыли...
Видишь ты: в нем жизнь еще теплится!
Запыли!

12 апреля 1907

41

Моей матери

Я насадил мой светлый рай
И оградил высоким тыном,
И в синий воздух, в дивный край
Приходит мать за милым сыном.

«Сын, милый, где ты?» — Тишина.
Над частым тыном солнце зреет,
И медленно и верно греет
Долину райского вина.

И бережно обходит мать
Мои сады, мои заветы,
И снова кличет: «Сын мой! Где ты?»,
Цветов стараясь не измять...

Всё тихо. Знает ли она,
Что сердце зреет за оградой?
Что прежней радости не надо
Вкусившим райского вина?

Апрель 1907

Ты пробуждалась утром рано
И покидала милый дом.
И долго, долго из тумана
Копье мерцало за холмом.

А я, чуть отрок, слушал толки
Про силу дивную твою,
И шевелил мечей осколки,
Тобой разбросанных в бою.

Довольно жить в разлуке прежней —
Не выйдешь из дому с утра.
Я всё влюбленной и мятежной
Смотрю в глаза твои, сестра!

Учи меня дневному бою —
Уже не прежний отрок я,
И миру тесному открою
Полет свободного копья!

Апрель (?) 1907

С каждой весною пути мои круче,
Мертвенней сумрак очей.
С каждой весною ясней и певучей
Таинства белых ночей.

Месяц ладью опрокинул в последней
Бледной могиле, — и вот
Стертые лица и пьяные бредни...
Карты... Цыганка поет.

Смехом волнуемый черным и громким
Был у нас пламенный лик.
Свет набежал. Промелькнули потемки.
Вот он: бесстрастен и дик.

Видишь, и мне наступила на горло,
Душит красавица ночь...

Краски последние смыла и стерла...
Что ж? Если можешь, пророчь.

Ласки мои неумелы и грубы.
Ты же — нежнее, чем май.
Что же? Целуй в помертвелые губы.
Пояс печальный снимай.

7 мая 1907

44

Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему приник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую молву:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.

30 мая 1907

45

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни зги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хриплый голос.
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...

Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твоею кровью,
Созреет новая любовь.

3 июня 1907

46

Тропами тайными, ночными,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не сыщут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый иерей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит *времен величье*
И *розоперстая судьба!*
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жесть!

3 июня 1907

47. ДЕВУШКЕ

Ты перед ним — что стебель гибкий,
Он пред тобой — что лютый зверь.
Не соблазняй его улыбкой,
Молчи, когда стучится в дверь.

А если он ворвется силой,
За дверью стань и стереги:
Успеешь — в горнице немилой
Сухие стены подожги.

А если близок час позорный,
Ты повернись лицом к углу,
Свяжи узлом платок свой черный
И в черный узел спрячь иглу.

И пусть игла твоя вонзится
В ладони грубые, когда
В его руках ты будешь биться,
Крича от боли и стыда...

И пусть в угаре страсти грубой
Он не запомнит, сторяча,
Твои оттиснутые зубы
Глубоким шрамом вдоль плеча!

6 июня 1907

Сырое лето. Я лежу
В постели — болен. Что-то подступает
Горячее и жгучее в груди.
А на усадьбе, в тѣнях светлой ночи,
Собаки с лаем носятся вкруг дома.
И меж своих — я сам не свой. Меж кровных
Бескровен — и не знаю чувств родства.
И люди опостылели немногим
Лишь меньше, чем убитый мной комар.
И свечкою давно озарено
То место в книжке, где профессор скучный,
Как ноющий комар, — поет мне в уши,
Что женщина у нас угнетена
И потому сходна судьбой с рабочим.
Постой-ка! Вот портрет: седой профессор —
Прилизанный, умытый, тридцать пять
Изданий книги выпустивший! Стой!

Ты говоришь, что угнетен рабочий?
Постой: весной я видел смельчака,
Рабочего, который смело на смерть
Пойдет, и с ним — друзья. И горны замолчат,
И останутся работы разом
На фабриках. И жирный фабрикант
Поклонится рабочим в ноги. Стой!
Ты говоришь, что женщина — раба?
Я знаю женщину. В ее душе
Был сноп огня. В походке — ветер.
В глазах — два моря скорби и страстей.
И вся она была из легкой персти —
Дрожащая и гибкая. Так вот,
Профессор, четырех стихий союз
Был в ней одной. Она могла убить —
Могла и воскресить. А ну-ка, ты
Убей, да воскреси потом! Не можешь?
А женщина с рабочим могут.

20 июня 1907

49. ПЕСЕЛЬНИК

Там за лесом двадцать девок
Расцветало краше дня.

Сергей Городецкий

Я — песельник. Я девок вывожу
В широкий хоровод. Я с ветром ворожу.
Я голосом тот край, где синь туман, бужу,
Я песню длинную прилежно вывожу.

Ой, дальний край! Ты — мой! Ой, косыньку
развей!
Ой, девка, заводи в глухую топь весной!
Эй, девка, собирай лесной туман косой!
Эй, песня, веселей! Эй, сарафан, алей!

Легла к земле косой, туманится росой...
Яр темных щек загар, что твой лесной пожар..
И встала мне женой... Ой, синь туман, ты — мой!
Ал сарафан — пожар, что девичий загар!

24 июня 1907

В этот серый летний вечер,
 Возле бедного жилья,
 По тебе томится ветер,
 Черноокая моя!

Ты в каких степях гуляла,
 Дожидалась до звезды,
 Не дождавшись, обнимала
 Прутья ивы у воды?

Разлюбил тебя и бросил,
 Знаю — взял, чего хотел,
 Бросил, вскинул пару весел,
 Уплывая, не запел...

Долго ль песни заунывной
 Ты над берегом ждала,
 И какой реке разливной
 Душу-бурю предала?

25 июня 1907

51-54. ВОЛЬНЫЕ МЫСЛИ

(Посв. Г. Чулкову)

1. О СМЕРТИ

Всё чаще я по городу брожу.
 Всё чаще вижу смерть — и улыбаюсь
 Улыбкой рассудительной. Ну, что же?
 Так я хочу. Так свойственно мне знать,
 Что и ко мне придет она в свой час.

Я проходил вдоль скачек по шоссе.
 День золотой дремал на грудах щебня,
 А за глухим забором — ипподром
 Под солнцем зеленел. Там стебли злаков
 И одуванчики, раздутые весной,
 В ласкающих лучах дремали. А вдали
 Трибуна придавила плоской крышей
 Толпу зевак и модниц. Маленькие флаги

Пестрели там и здесь. А на заборе
Прохожие сидели и глазели.

Я шел и слышал быстрый гон коней
По грунту легкому. И быстрый топот
Копыт. Потом — внезапный крик:
«Упал! Упал!» — кричали на заборе,
И я, вскочив на маленький пенек,
Увидел всё зараз: вдали летели
Жокеи в пестром — к тонкому столбу.
Чуть-чуть отстав от них, скакала лошадь
Без седока, взметая стремяна.
А за листвою кудрявеньких березок,
Так близко от меня — лежал жокей,
Весь в желтом, в зеленях весенних злаков,
Упавший навзничь, обратив лицо
В глубокое ласкающее небо.
Как будто век лежал, раскинув руки
И ногу подогнув. Так хорошо лежал.
К нему уже бежали люди. Издали,
Поблескивая медленными спицами, ландо
Катилось мягко. Люди подбежали
И подняли его...

И вот повисла
Беспомощная желтая нога
В обтянутой рейтузе. Завалилась
Им на плечи куда-то голова...
Ландо подъехало. К его подушкам
Так бережно и нежно приложили
Цыплячью желтизну жокея. Человек
Вскочил неловко на подножку, замер,
Поддерживая голову и ногу,
И важный кучер повернул назад.
И так же медленно вертелись спицы,
Поблескивали козла, оси, крылья...

Так хорошо и вольно умереть.
Всю жизнь скакал — с одной упорной мыслью,
Чтоб первым доскакать. И на скаку
Запнулась запыхавшаяся лошадь,
Уж силой ног не удержать седла,
И утлые взмахнулись стремяна,
И полетел, отброшенный толчком...

Ударился затылком о родную,
Весеннюю, приветливую землю,
И в этот миг — в мозгу прошли все мысли.
Единственные нужные. Прошли —
И умерли. И умерли глаза.
И труп мечтательно глядит наверх.

Так хорошо и вольно.

Однажды брел по набережной я.
Рабочие возили с барок в тачках
Дрова, кирпич и уголь. И река
Была еще синей от белой пены.
В отстегнутые ворота рубах
Глядели загорелые тела,
И светлые глаза привольной Руси
Блестели строго с почерневших лиц.
И тут же дети голыми ногами
Месили груды желтого песку,
Таскали — то кирпичик, то полено,
То бревнышко. И прятались. А там
Уже сверкали грязные их пятки,
И матери — с отвислыми грудями
Под грязным платьем — ждали их, ругались
И, надавав затрепчин, отбирали
Дрова, кирпичики, бревёшки. И тащили,
Согнувшись под тяжелой ношей, вдаль.
И снова, воротясь гурьбой веселой,
Ребятки начинали воровать:
Тот бревнышко, другой — кирпичик...

И вдруг раздался всплеск воды и крик:
«Упал! Упал!» — опять кричали с барки.
Рабочий, ручку тачки отпустив,
Показывал рукой куда-то в воду,
И пестрая толпа рубах неслась
Туда, где на траве, в камнях булыжных,
На самом берегу — лежала сотка.
Один тащил багор.

А между свай,
Забитых возле набережной в воду,
Легко покачивался человек
В рубахе и в разорванных портках.

Один схватил его. Другой помог,
И длинное растянутое тело,
С которого ручьем лилась вода,
Втащили на берег и положили.
Городовой, гремя о камни шашкой,
Зачем-то щеку приложил к груди
Намокшей, и прилежно слушал,
Должно быть, сердце. Собрался народ,
И каждый вновь пришедший задавал
Одни и те же глупые вопросы:
Когда упал, да сколько пролежал
В воде, да сколько выпил?
Потом все стали тихо отходить,
И я пошел своим путем, и слушал,
Как истовый, но выпивший рабочий
Авторитетно говорил другим,
Что губит каждый день людей вино.

Пойду еще бродить. Покуда солнце,
Покуда жар, покуда голова
Тупа, и мысли вялы...

Сердце!

Ты будь вожатаем моим. И смерть
С улыбкой наблюдай. Само устанешь,
Не вынесешь такой веселой жизни,
Какую я веду. Такой любви
И ненависти люди не выносят,
Какую я в себе ношу.

Хочу,

Всегда хочу смотреть в глаза людские,
И пить вино, и женщин целовать,
И яростью желаний полнить вечер,
Когда жара мешает днем мечтать
И песни петь! И слушать в мире ветер!

2. НАД ОЗЕРОМ

С вечерним озером я разговор веду
Высоким ладом песни. В тонкой чаще
Высоких сосен, с выступов песчаных,
Из-за могил и склепов, где огни

Лампад и сумрак дымно-сизый, —
Влюбленные ему я песни шлю.

Оно меня не видит — и не надо.
Как женщина усталая, оно
Раскинулось внизу и смотрит в небо,
Туманится, и даль поит туманом,
И отняло у неба весь закат.
Все исполняют прихоти его:
Та лодка узкая, ласкающая гладь,
И тонкоствольный строй сосновой рощи,
И семафор на дальнем берегу,
В нем отразивший свой огонь зеленый —
Как раз на самой розовой воде.
К нему ползет трехглазая змея
Своим единственным стальным путем,
И, прежде свиста, озеро доносит
Ко мне — ее ползучий, хриплый шум.
Я на уступе. Надо мной — могила
Из темного гранита. Подо мной —
Белеющая в сумерках дорожка.
И кто посмотрит снизу на меня,
Тот испугается: такой я неподвижный,
В широкой шляпе, средь ночных могил,
Скрестивший руки, стройный и влюбленный
в мир

Но некому взглянуть. Внизу идут
Влюбленные друг в друга: нет им дела
До озера, которое внизу,
И до меня, который наверху.
Им нужны человеческие вздохи,
Мне нужны вздохи сосен и воды.
А озеру — красавице — ей нужно,
Чтоб я, никем не видимый, запел
Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

Прошли все пары. Сумерки синей,
Белей туман. И девичьего платья
Я вижу складки легкие внизу.
Задумчиво прошла она дорожку
И одиноко села на ступеньки
Могила, не заметивши меня...

Я вижу легкий профиль. Пусть не знает,
Что знаю я, о чем пришла мечтать
Тоскующая девушка... Светлеют
Все окна дальних дач: там — самовары,
И синий дым сигар, и плоский смех...
Она пришла без спутников сюда...
Навернос, наверное прогонит
Затянутого в китель офицера
С вихляющим задом и ногами,
Завернутыми в трубочки штанов!
Она глядит как будто за туманы,
За озеро, за сосны, за холмы,
Куда-то так далёко, так далёко,
Куда и я не в силах заглянуть...

О, нежная! О, тонкая! — И быстро
Ей мысленно приискиваю имя:
Будь Аделиной! Будь Марией! Теклой!
Да, Теклой!.. — И задумчиво глядит
В клубящийся туман... Ах, как прогонит!..
А офицер уж близко: белый китель,
Над ним усы и пуговица-нос,
И плоский блин, приплюснутый фуражкой.
Он подошел... он жмет ей руку!.. смотрят
Его гляделки в ясные глаза!..
Я даже выдвинулся из-за склепа...
И вдруг... протяжно чмокает ее,
Дает ей руку и ведет на дачу!

Я хохочу! Вбегаю вверх. Бросаю
В них шишками, песком, визжу, пляшу
Среди могил — незримый и высокий...
Кричу: «Эй, Фёкла! Фёкла!» — И они
Испуганы, сконфужены, не знают,
Откуда шишки, хохот и песок...
Он ускоряет шаг, не забывая
Вихлять проворно задом, и она,
Прижавшись крепко к кителью, почти
Бегом бежит за ним...

Эй, доброй ночи!
И, выбегая на крутой обрыв,
Я отражаюсь в озере... Мы видим
Друг друга: «Здравствуй!» — я кричу...

И голосом красавицы — леса
Прибрежные ответствуют мне: «Здравствуй!»
Кричу: «Прощай!» — они кричат: «Прощай!»
Лишь озеро молчит, влача туманы,
Но явственно на нем отражены
И я, и все союзники мои:
Ночь белая, и бог, и твердь, и сосны...

И белая задумчивая ночь
Несет меня домой. И ветер свищет
В горячее лицо. Вагон летит...
И в комнате моей белеет утро.
Оно на всем: на книгах и столах,
И на постели, и на мягком кресле,
И на письме трагической актрисы:
«Я вся усталая. Я вся больная.
Цветы меня не радуют. Пишите...
Простите и сожгите этот бред...»

И томные слова... И длинный почерк,
Усталый, как ее усталый шлейф...
И томностью пылающие буквы,
Как яркий камень в черных волосах.

Шувалово

3. В СЕВЕРНОМ МОРЕ

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями. Потом
Погонщики вывозят их в кибитках,
Кокетливо закрытых парусиной,
На мелководье. Там, переменяв
Забавные тальеры и мундиры
На легкие купальные костюмы,
И дряблость мускулов и грудей обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

А там — закат из неба сотворил
Глубокий многоцветный кубок. Руки
Одна заря закинула к другой,
И сестры двух небес прядут один —
То розовый, то голубой туман.
И в море утопающая туча
В предсмертном гневe мечет из очей
То красные, то синие огни.

И с длинного, протянутого в море,
Подгнившего, сереющего мола,
Прочтя все надписи: «Навек с тобой»,
«Здесь были Коля с Катей», «Диодор
Иеромонах и послушник Исидор
Здесь были. Дивны божии дела», —
Прочтя все надписи, выходим в море
В пузатой и смешной моторной лодке.

Бензин пытит и пахнет. Два крыла
Бегут в воде за нами. Вьется быстрый след,
И, обогнув скучающих на пляже,
Рыбачьи лодки, узкий мыс, маяк,
Мы выбегаем многоцветной рябью
В просторную ласкающую соль.

На горизонте, за спиной, далёко
Безмолвным заревом стоит пожар.
Рыбачий Вольный остров распростерт
В воде, как плоская спина морского
Животного. А впереди, вдали —
Огни судов и сноп лучей бродячих
Прожектора таможенного судна:
И мы уходим в голубой туман.
Косым углом торчат над морем вехи,
Метелками фарватер оградив,
И далёко — от вехи и до вехи —
Рыбачьих шхун маячат паруса...

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.
На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценной фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

На острогрудой, в полной тишине,
В причудливых сплетениях снастей,
Сидят, скрестивши руки, люди в светлых
Панамах, сдвинутых на строгие черты.
А посреди, у самой мачты, молча,
Стоит матрос, весь темный, и глядит.

Мы огибаем яхту, как прилично,
И вежливо и тихо говорит
Один из нас: «Хотите на буксир?»
И с важной простотой нам отвечает
Суровый голос: «Нет. Благодарю».

И, снова обогнув их, мы глядим
С молитвенной и полною душою
На тихо уходящий силуэт
Красавицы под всеми парусами...
На драгоценный камень фероньеры,
Горящий в смуглых сумерках чела.

Сестрорецкий курорт

4. В ДЮНАХ

Я не люблю пустого словаря
Любовных слов и жалких выражений:
«Ты мой», «Твоя», «Люблю», «Навеки твой»
Я рабства не люблю. Свободным взором
Красивой женщине смотрю в глаза
И говорю: «Сегодня ночь. Но завтра —
Сияющий и новый день. Приди.
Бери меня, торжественная страсть.
А завтра я уйду — и запою».

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней — всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен — нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

Так думал я, блуждая по границе
Финляндии, вникая в темный говор
Небрityх и зеленоглазых финнов.

Стояла тишина. И у платформы
Готовый поезд разводил пары.
И русская таможенная стража
Лениво отдыхала на песчаном
Обрыве, где кончалось полотно.
Там открывалась новая страна —
И русский бесприютный храм глядел
В чужую, незнакомую страну.

Так думал я. И вот она пришла
И встала на откосе. Были рыжи
Ее глаза от солнца и песка.
И волосы, смолистые как сосны,
В отливах синих падали на плечи.
Пришла. Скрестила свой звериный взгляд
С моим звериным взглядом. Засмеялась
Высоким смехом. Бросила в меня
Пучок травы и золотую горсть
Песку. Потом — вскочила
И, прыгая, помчалась под откос...

Я гнал ее далёко. Исцарапал
Лицо о хвой, окровавил руки
И платье изорвал. Кричал и гнал
Ее, как зверя, вновь кричал и звал,
И страстный голос был как звуки рога.
Она же оставляла легкий след
В зыбучих дюнах, и пропала в соснах,
Когда их заплела ночная синь.

И я лежу, от бега задыхаясь,
Один, в песке. В пылающих глазах
Еще бежит она — и вся хохочет:
Хохочут волосы, хохочут ноги,
Хохочет платье, вздутое от бега...
Лежу и думаю: «Сегодня ночь
И завтра ночь. Я не уйду отсюда,
Пока не затравлю ее, как зверя,
И голосом, зовущим, как рога,
Не прегражу ей путь. И не скажу:
«Моя! Моя!» — И пусть она мне крикнет:
«Твоя! Твоя!»

Дюны
Июнь — июль 1907

Везде — над лесом и над пашней,
И на земле, и на воде —
Такою близкой и вчерашней
Ты мне являешься — везде.

Твой стан под душной летней тучей,
Твой стан, закутанный в меха,
Всегда пою — всегда певучий,
Клубясь туманами стиха.

И через годы, через воды,
И на кресте и во хмелю,
Тебя, Дитя моей свободы,
Подруга Светлая, люблю.

8 июля 1907

В густой траве пропадешь с головой.
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: «Здравствуй, князь.

Вот здесь у меня — куст белых роз.
Вот здесь вчера — повилика вилась.
Где был, пропадал? что за весть принес?
Кто любит, не любит, кто гонит нас?»

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне» —
И опять за травой колокольчик звенит...

12 июля 1907

57-59. ОСЕННЯЯ ЛЮБОВЬ

1

Когда в листве сырой и ржавой
Рябины заалееет гроздь, —
Когда палач рукой костлявой
Вобьет в ладонь последний гвоздь, —

Когда над рябью рек свинцовой,
В сырой и серой высоте,
Пред ликом родины суровой
Я закачаюсь на кресте, —

Тогда — просторно и далёко
Смотрю сквозь кровь предсмертных слез,
И вижу: по реке широкой
Ко мне плывет в челне Христос.

В глазах — такие же надежды,
И то же рубище на нем.
И жалко смотрит из одежды
Ладонь, пробитая гвоздем.

Христос! Родной простор печален!
Изнемогаю на кресте!
И челн твой — будет ли причален
К моей распятой высоте?

2

И вот уже ветром разбиты, убиты
Кусты облетелой ракиты.

И прахом дорожным
Угрюмая старость легла на ланитах.

Но в темных орбитах
Взглянули, сверкнули глаза невозможным,

И радость, и слава —
Всё в этом сиянии бездонном,
И дальном.

Но смятые травы
Печальны,
И листья крутятся в лесу обнаженном...

И снится, и снится, и снится:
Бывалое солнце!
Тебя мне всё жальче и жальче...

О, глупое сердце,
Смеющийся мальчик,
Когда перестанешь ты биться?

3

Под ветром холодные плечи
Твои обнимать так отратно:
Ты думаешь — нежная ласка,
Я знаю — восторг мятежа!

И теплятся очи, как свечи
Ночные, и слушаю жадно —
Шевелится страшная сказка,
И звездная дышит межа...

О, в этот сияющий вечер
Ты будешь всё так же прекрасна,
И, верная темному раю,
Ты будешь мне светлой звездой!

Я знаю, что холоден ветер,
Я верю, что осень бесстрастна!
Но в темном плаще не узнают,
Что ты пиновала со мной!..

И мчимся в осенние дали,
И слушаем дальние трубы,
И мерим ночные дороги,
Холодные выси мои...

Часы торжества миновали —
Мои опьяненные губы
Целуют в предсмертной тревоге
Холодные губы твои.

3 октября 1907

Когда я создавал героя,
 Кремень дробя, пласты деля,
 Какого вечного покоя
 Была исполнена земля!
 Но в зацветающей лазури
 Уже боролись свет и тьма,
 Уже металась в синей буре
 Одежды яркая кайма...
 Щит ослепительно сверкущий
 Сиял в разрыве синих туч,
 И светлый меч, пронзая тучи,
 Разил, как неуклонный луч...
 Еще не явлен лик чудесный,
 Но я провижу лик — зарю,
 И в очи молнии небесной
 С чудесным трепетом смотрю!

3 октября 1907

61

Всюду ясность божия,
 Ясные поля,
 Девушки пригожие,
 Как сама земля.

Только верить хочешь всё,
 Что на склоне лет
 Ты, душа, воротись
 В самый ясный свет.

3 октября 1907 (Февраль 1908)

62

В те ночи светлые, пустые,
 Когда в Неву глядят мосты,
 Они встречались как чужие,
 Забыв, что есть простое *ты*.

И каждый был красив и молод,
 Но, окрыляясь пустотой,

Она таила странный холод
Под одичалой красотой.

И, сердцем вечно строгим меря,
Он не умел, не мог любить.
Она любила только зверя
В нем раздражить — и укротить.

И чуждый — чуждой жал он руки,
И север сам, спеша помочь
Красивой нежности и скуке,
В день превращал живую ночь.

Так в светлоте ночной пустыни,
В объятья ночи не спеша,
Гляделась в купол бледно-синий
Их обреченная душа.

10 октября 1907 (24 декабря 1913)

63. СНЕЖНАЯ ДЕВА

Она пришла из дикой дали —
Ночная дочь иных времен.
Ее родные не встречали,
Не просиял ей небосклон.

Но сфинкса с выщербленным ликом
Над исполинскою Невой
Она встречала легким вскриком
Под бурей ночи снеговой.

Бывало, вьюга ей осыпет
Звездами плечи, грудь и стан,—
Всё снится ей родной Египет
Сквозь тусклый северный туман.

И город мой железно-серый,
Где ветер, дождь, и зыбь, и мгла,
С какой-то непонятной верой
Она, как царство, приняла.

Ей стали нравиться громады,
Уснувшие в ночной глуши,

И в окнах тихие лампы
Слились с мечтой ее души.

Она узнала зыбь и дымы,
Огни, и мраки, и дома —
Весь город мой непостижимый —
Непостижимая сама.

Она дарит мне перстень вьюги
За то, что плащ мой полон звезд,
За то, что я в стальной кольчуге,
И на кольчуге — строгий крест.

Она глядит мне прямо в очи,
Хваля неробкого врага.
С полей ее холодной ночи
В мой дух врываются снега.

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь.

И я, как вождь враждебной рати,
Всегда закованный в броню,
Мечту торжественных объятий
В священном трепете храню.

17 октября 1907

64

И я провел безумный год
У шлейфа черного. За муки,
За дни терзаний и невзгод
Моих волос касались руки,
Смотрели темные глаза,
Дышала синяя гроза.

И я смотрю. И синим кругом
Мои глаза обведены.
Она зовет печальным другом.
Она рассказывает сны.

И в темный вечер, в долгий вечер
За окнами кружится ветер.

Потом она кончает прясть
И тихо складывает пряжу.
И перешла за третью стражу
Моя нерадостная страсть.
Смотрю. Целую черный волос,
И в сердце льется темный голос.

Так провожу я ночи, дни
У шлейфа девы, в тихой зале.
В камине умерли огни,
В окне быстрее заплясали
Снежинки быстрые — и вот
Она встает. Она уйдет.

Она завязывает туго
Свой черный шелковый платок,
В последний раз ласкает друга,
Бросая ласковый намек,
Идет... Ее движенья быстры,
В очах, тускнея, гаснут искры.

И я прислушиваюсь к стуку
Стеклянной двери вдалеке,
И к замирающему звуку
Углей в потухшем камельке...
Потом — опять бросаюсь к двери,
Бегу за ней... В морозном сквере

Вздыхает по дорожкам ночь.
Она тихонько огибает
За клумбой клумбу; отступает;
То подойдет, то прыгнет прочь...
И дальний шум почти не слышен,
И город спит, морозно пышен...

Лишь в воздухе морозном — гулко
Звонят шаги. Я узнаю
В неверном свете переулка
Мою прекрасную змею:
Она ползет из света в свету,
И вьется шлейф, как хвост кометы..

И, настигая, с новым жаром
Шепчу ей нежные слова,
Опять кружётся голова...
Далеким озарен пожаром,
Я перед ней, как дикий зверь...
Стучит зевающая дверь, —

И, словно в бездну, в лоно ночи
Вступаем мы... Подъем наш крут...
И бред. И мрак. Сияют очи.
На плечи волосы текут
Волной свинца — чернее мрака...
О, ночь мучительного брака!..

Мятеж мгновений. Яркий сон.
Напрасных бешенство объятий, —
И звонкий утренний трезвон:
Толпятся ангельские рати
За плотной завесой окна,
Но с нами ночь — буйна, хмельна...

Да! с нами ночь! И новой властью
Дневная ночь объемлет нас,
Чтобы мучительною страстью
День обессиленный погас, —
И долгие часы над нами
Она звенит и бьет крылами...

И снова вечер...

21 октября 1907

65–75. ЗАКЛЯТИЕ ОГНЕМ И МРАКОМ

За всё, за всё тебя благодарю я:
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне.

Лермонтов

1

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!

Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Принимаю тебя, неудача,
И удача, тебе мой привет!
В заколдованной области плача,
В тайне смеха — позорного нет!

Принимаю бессонные споры,
Утро в завесах темных окна,
Чтоб мои воспаленные взоры
Раздражала, пьянила весна!

Принимаю пустынные веси!
И колодцы земных городов!
Осветленный простор поднебесий
И томления рабских трудов!

И встречаю тебя у порога —
С буйным ветром в змеиных кудрях,
С неразгаданным именем бога
На холодных и сжатых губах...

Перед этой враждующей встречей
Никогда я не брошу щита...
Никогда не откроешь ты плечи...
Но над нами — хмельная мечта!

И смотрю, и вражду измеряю,
Ненавидя, кляня и любя:
За мученья, за гибель — я знаю —
Всё равно: принимаю тебя!

24 октября 1907

2

Приявший мир, как звонкий дар,
Как злата горсть, я стал богат.
Смотрю: растёт, шумит пожар —
Глаза твои горят.

Как стало жутко и светло!
Весь город — яркий сноп огня.

Река — прозрачное стекло,
И только — нет меня...

Я здесь, в углу. Я там, распят.
Я пригвожден к стене — смотри!
Горят глаза твои, горят,
Как черных две зари!

Я буду здесь. Мы все сгорим:
Весь город мой, река, и я...
Крести крещеньем огненным,
О, милая моя!

26 октября 1907

3

Я неверную встретил у входа:
Уронила платок — и одна.
Никого. Только ночь и свобода.
Только жутко стоит тишина.

Говорил ей несвязные речи,
Открывал ей все тайны с людьми,
Никому не поведал о встрече,
Чтоб она прошептала: возьми...

Но она ускользающей птицей
Полетела в ненастье и мрак,
Где взвился огневой багряницей
Засыпающий праздничный флаг.

И у светлого дома, тревожно,
Я остался вдвоем с темнотой.
Невозможное было возможно,
Но возможное — было мечтой.

23 октября 1907

4

Перехожу от казни к казни
Широкой полосой огня.
Ты только невозможным дразнишь,
Немыслимым томишь меня...

И я, как темный раб, не смею
В огне и мраке потонуть.
Я только робкой тенью вею,
Не смея в небо заглянуть...

Как ветер, ты целуешь жадно,
Как осень, шлейфом шелестя,
Храня в темнице безотрадной
Меня, как бедное дитя...

Рабом безумным и покорным
До времени таюсь и жду
Под этим взором, слишком черным,
В моем пылающем бреду...

Лишь утром смею покидать я
Твое высокое крыльцо,
А ночью тонет в складках платья
Мое безумное лицо...

Лишь утром вóронам бросаю
Свой хмель, свой сон, свою мечту...
А ночью снова — знаю, знаю
Твою земную красоту!

Что быть бесстрастным? Что — крылатым?
Сто раз бичуй и укори,
Чтоб только быть на миг проклятым
С тобой — в огне ночной зари!

Октябрь 1907

5

Пойми же, я спутал, я спутал
Страницы и строки стихов,
Плащом твои плечи окутал,
Остался с тобою без слов...

Пойми, в этом сумраке — магом
Стою над тобою и жду
Под бьющимся праздничным флагом,
На страже, под ветром, в бреду...

И ветер поет и пророчит
Мне в будущем — сон голубой...
Он хочет смеяться, он хочет,
Чтоб ты веселилась со мной!

И розы, осенние розы
Мне снятся на каждом шагу
Сквозь мглу, и огни, и морозы,
На белом, на легком снегу!

О будущем ветер не скажет,
Не скажет осенний цветок,
Что милая тихо развяжет
Свой шелковый, черный платок...

Что только звенящая снится
И душу палящая тень...
Что сердце — летящая птица...
Что в сердце — щемящая лень...

21 октября 1907

6

В бесконечной дали корридоров
Не она ли там пляшет вдали?
Не меня ль этой музыкой споров
От нее в этот час отвели?

Ничего вы не скажете, люди,
Не поймете, что темен мой храм.
Трепетанья, вздыхания груди
Воспаленным открыты глазам.

Сердце — легкая птица забвений
В золотой пролетающий час:
То она, в опьянении кружений,
Пляской тризну справляет о вас.

Никого ей не надо из скромных,
Ей не ум и не глупость нужны,
И не любит, наверное, темных,
Прислоненных, как я, у стены...

Сердце, взвейся, как легкая птица,
Полети ты, любовь разбуди,
Истومي ты истомой ресницы,
К бледно-смуглым плечам припади!

Сердце бьется, как птица томится —
То вдали закружилась она —
В легком танце, летящая птица,
Никому, ничему не верна...

23 октября 1907

7

По улицам метель метет,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подает
И кто-то улыбается.

Ведет — и вижу: глубина,
Гранитом темным сжатая.
Течет она, поет она,
Зовет она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между —
И буду в струйном лепете.

И шепчет он — не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одинок,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»

Бегу. Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!
Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст раkitовый!

Там воля всех вольнее воля
Не приневолит вольного,
И болей всех больнее боль
Вернет с пути окольного!

26 октября 1907

8

О, что мне закатный румянец,
Что злые тревоги разлук?
Всё в мире — кружащийся танец
И встречи трепещущих рук!

Я бледные вижу ланиты,
Я поступь лебяжью ловлю,
Я слушаю говор открытый,
Я тонкое имя люблю!

И новые сны, залетая,
Тревожат в усталом пути...
А всё пелена снеговая
Не может меня занести...

Неситесь, кружитесь, томите,
Снежинки — холодная весть...
Души моей тонкие нити,
Порвитесь, развейтесь, сгорите...

Ты, холод, мой холод, мой зимний,
В душе моей — страстное есть...
Стань, сердце, вздыхающий схимник,
Умрите, умрите, вы, гимны...

Вновь летит, летит, летит,
Звенит, и снег крутит, крутит,
Налетает вихрь
Снежных искр...

Ты виденьем, в пляске нежной,
Посреди подруг
Обошла равниной снежной
Быстротечный
Бесконечный круг...

Слышу говор твой открытый,
Вижу бледные ланиты,
В ясный взор гляжу...

Всё, что не скажу,
Передам одной улыбкой...
Счастье, счастье! С нами ночь!
Ты опять тропою зыбкой
Улетаешь прочь...
Заметая, запевая,
Стан твой гибкий
Вихрем туча снеговая
Обдала,
Отняла...

И опять метель, метель
Вьёт, поет, кружит...
Всё — виденья, всё — измены...
В снежном кубке, полном пены,
Хмель
Звенит...
Заверти, замчи,
Сердце, замолчи,
Замети девичий след —
Смерти нет!
В темном поле
Бродит свет!
Горькой доле —
Много лет...

И вот опять, опять в возвратный
Пустилась пляс...
Метель поет. Твой голос — внятный.
Ты понеслась
Опять по кругу,
Земному другу
Сверкнув на миг...

Какой это танец? Каким это светом
Ты дразнишь и мáнишь?
В кружении этом
Когда ты устанешь?
Чьи песни? И звуки?
Чего я боюсь?

Щемящие звуки
И — вольная Русь?..

И словно мечтанье, и словно круженье,
Земля убегает, вскрывается твердь,
И словно безумье, и словно мученье,
Забвенье и удаль, смятенье и смерть, —
Ты мчишься! Ты мчишься!
Ты бросила руки
Вперед...
И песня встает...
И странным сияньем сияют черты...
Удалая пляска!
О, песня! О, удаль! О, гибель! О, маска.
Гармоника — ты?

1 ноября 1907

9

Гармоника, гармоника!
Эй, пой, визжи и жги!
Эй, желтенькие лютики,
Весенние цветки!

Там с посвистом да с присвистом
Гуляют до зари,
Кусточки тихим шелестом
Кивают мне: смотри.

Смотрю я — руки вскинула,
В широкий пляс пошла,
Цветами всех осыпала
И в песне изошла...

Неверная, лукавая,
Коварная — пляши!
И будь навек отравой
Растраченной души!

С ума сойду, сойду с ума,
Безумствуя, люблю,
Что вся ты — ночь, и вся ты — тьма,
И вся ты — во хмелю...

Что душу отняла мою,
Отравой извела,
Что о тебе, тебе пою,
И песням нет числа!..

9 ноября 1907

10

Работай, работай, работай:
Ты будешь с уродским горбом
За долгой и честной работой,
За долгим и честным трудом.

Под праздник — другим будет сладко,
Другой твои песни споет,
С другими лихая солдатка
Пойдет, подбочась, в хоровод.

Ты знай про себя, что не хуже
Другого плясал бы — вон как!
Что мог бы стянуть и потуже
Свой золотом шитый кушак!

Что ростом и станом ты вышел
Статнее и краше других,
Что та молодница — повыше
Других молодниц удалых!

В ней сила играющей крови,
Хоть смуглые щеки бледны,
Тонки ее черные брови,
И строгие речи хмельны...

Ах, сладко, как сладко, так сладко
Работать, пока рассветет,
И знать, что лихая солдатка
Ушла за село, в хоровод!

26 октября 1907

11

И я опять затих у ног —
У ног давно и тайно милой,

Заносит вьюга на порог
Пожар метели белокрылой...

Но имя тонкое твое
Твердить мне дивно, больно, сладко...
И целовать твой шлейф украдкой,
Когда метель пост, пост...

В хмельной и злой своей темнице
Заночевало, сердце, ты,
И тихие твои ресницы
Смежили снежные цветы.

Как будто, на середине бега,
Я под метелью изнемог,
И предо мной возник из снега
Холодный, неживой цветок...

И с тайной грустью, с грустью нежной,
Как снег спадает с лепестка,
Живое имя Девы Снежной
Еще слетает с языка...

8 ноября 1907

76

Меня пытали в старой вере.
В кровавый прѣсвет колеса
Гляжу на вас. Чтѣ — взяли, звери?
Чтѣ встали дыбом волоса?

Глаза уж не глядят — клоками
Кровавой кожи я покрыт.
Но за ослепшими глазами
На вас иное поглядит.

27 октября 1907

77. ИНОК

Никто не скажет: я безумен.
Поклон мой низок, лик мой строг.

Не позовет меня игумен
В ночи на строгий свой порог.

Я грустным братьям — брат примерный,
И рясу черную несу,
Когда с утра походкой верной
Сметаю с бледных трав росу.

И, подходя ко всем иконам,
Как строгий и смиренный брат,
Творю поклон я за поклоном
И за обрядами обряд.

И кто поймет, и кто узнает,
Что ты сказала мне: молчи...
Что воск души блаженной тает
На яром пламени свечи...

Что никаких молитв не надо,
Когда ты ходишь по реке
За монастырскою оградой
В своем монашеском платке.

Что вот — меня цветистым хмелем
Безумно захлестнула ты,
И потерял я счет неделям
Моей преступной красоты.

6 ноября 1907

Она пришла с заката.
Был плащ ее заколот
Цветком нездешних стран.

Звала меня куда-то
В бесцельный зимний холод
И в северный туман.

И был костер в полночи,
И пламя языками
Лизало небеса.

Сияли ярко очи,
И черными змеями
Распуталась коса.

И змеи окрутили
Мой ум и дух высокий
Распяли на кресте.

И в вихре снежной пыли
Я верен черноокой
Змеиной красоте.

8 ноября 1907

79. КЛЕОПАТРА

Открыт паноптикум печальный
Один, другой и третий год.
Толпою пьяной и нахальной
Спешим... В гробу царица ждет.

Она лежит в гробу стеклянном,
И не мертва и не жива,
А люди шепчут неустанно
О ней бесстыдные слова.

Она раскинулась лениво —
Навек забыть, навек уснуть...
Змея легко, неторопливо
Ей жалит восковую грудь...

Я сам, позорный и продажный,
С кругами синими у глаз,
Пришел взглянуть на профиль важный,
На воск, открытый напоказ...

Тебя рассматривает каждый,
Но, если б гроб твой не был пуст,
Я услышал бы не однажды
Надменный вздох истлевших уст:

«Кадите мне. Цветы рассыпьте.
Я в незапамятных веках
Была царицею в Египте.
Теперь — я воск. Я тлен. Я прах». —

«Царица! Я пленен тобою!
Я был в Египте лишь рабом,
А ныне суждено судьбою
Мне быть поэтом и царем!

Ты видишь ли теперь из гроба,
Что Русь, как Рим, пьяна тобой?
Что я и Цезарь — будем оба
В веках равны перед судьбой?»

Замолк. Смотрю. Она не слышит.
Но грудь колышется едва
И за прозрачной тканью дышит...
И слышу тихие слова:

«Тогда я исторгала грозы.
Теперь исторгну жгучей всех
У пьяного поэта — слезы,
У пьяной проститутки — смех».

16 декабря 1907

80

Стучится тихо. Потом погромче.
Потом смеется.
И смех всё ярче, желанней, звонче,
И сердце бьется.

Я сам не знаю,
О чем томится
Мое жильё?

Не сам впускаю
Такую птицу
В окно свое!

И что мне снится
В моей темнице,
Когда поет
Такая птица?

Прочь из темницы
Куда зовет?

24 декабря 1907 (1915?)

Всю жизнь ждала. Устала ждать.
И улыбнулась. И склонилась.
Волос распущенная прядь
На плечи темные спустилась.

Мир не велик и не богат —
И не глядеть бы взором черным!
Ведь только люди говорят,
Что надо ждать и быть покорным...

А здесь — какая-то свирель
Поет надрывно, жалко, тонко:
«Качай чужую колыбель,
Ласкай немилого ребенка...»

Я тоже — здесь. С моей судьбой,
Над лирой, гневной, как секира,
Такой приниженный и злой,
Торгуюсь на базарах мира...

Я верю мгле твоих волос
И твоему великолепию.
Мой сырый дух — твой верный пес,
У ног твоих грохочет цепью...

И вот опять, и вот опять,
Встречаясь с этим темным взглядом,
Хочу по имени назвать,
Дышать и жить с тобою рядом...

Мечта! Что жизни сон глухой?
Отрава — вслед иной отраве...
Я изменю тебе, как той,
Не изменяя, не лукавя...

Забавно жить! Забавно знать,
Что под луной ничто не ново!
Что мертвому дано рождать
Бушующее жизнью слово!

И никому заботы нет,
Что людям дам, что ты дала мне,
А люди — на могильном камне
Начертят прозвище: *Поэт*.

13 января 1903

82

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите всё о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий всё по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Всё же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

6 февраля 1908

Она пришла с мороза,
 Раскрасневшаяся,
 Наполнила комнату
 Ароматом воздуха и духов,
 Звонким голосом
 И совсем неуважительной к занятиям
 Болтовней.

Она немедленно уронила на пол
 Толстый том художественного журнала,
 И сейчас же стало казаться,
 Что в моей большой комнате
 Очень мало места.

Всё это было немножко досадно
 И довольно нелепо.
 Впрочем, она захотела,
 Чтобы я читал ей вслух «Макбэта».

Едва дойдя до *пузырей земли*,
 О которых я не могу говорить без волнения,
 Я заметил, что она тоже волнуется
 И внимательно смотрит в окно.

Оказалось, что большой пестрый кот
 С трудом лепится по краю крыши,
 Подстерегая целующихся голубей.

Я рассердился больше всего на то,
 Что целовались не мы, а голуби,
 И что прошли времена Паоло и Франчески.

6 февраля 1908

Я миновал закат багряный,
 Ряды строений миновал,
 Вступил в обманы и туманы, —
 Огнями мне сверкнул вокзал...

Я сдавлен давкой человечьей,
Едва не отеснен назад...
И вот — ее глаза и плечи,
И черных перьев водопад...

Проходит в час определенный,
За нею — карлик, шлейф влача...
И я смотрю вослед, влюбленный,
Как пленный раб — на палача...

Она проходит — и не взглянет,
Пренебрежением казня...
И только карлик не устанет
Глядеть с усмешкой на меня.

Февраль 1908

85. НЕ ПРИШЕЛ НА СВИДАНИЕ

Поздним вечером ждала
У кисейного окна
Вплоть до раннего утра.

Нету милого — ушла.
Нету милого — одна.
Даль мутна, светла, сыра.

Занавесила окно,
Засветила огонек,
Наклонилась над столом...

Загляни еще в окно!
Загляни еще разок!
Загляни одним глазком!

Льется, льется холодок.
Догорает огонек.

«Как он в губы целовал...
Как невестой называл...»

Рано, холодно, светло.
Ветер ломится в стекло.

Посмотри одним глазком,
Что там с миленьким дружком?..

Белый саван — снежный плат.
А под платом — голова...
Тяжело проспать в гробу.

Ноги вытянулись в ряд...
Протянулись рукава...
Ветер ломится в трубу...

Выйди, выйди из ворот...
Лейся, лейся, ранний свет,
Белый саван, распухай...

Приподымеешь белый край —
И сомнений больше нет:
Провалился мертвый рот.

*Февраль 1908
Ревель*

86

Душа! Когда устанешь верить?
Весна, весна! Она томна,
Как тайна приоткрытой двери
В кумирню золотого сна...

Едва, подругу покидая,
Ушел я в тишину и тень,
И вот опять — зовет другая,
Другая вызывает день...

Но мглой весеннею повито
Всё, что кипело здесь в груди...
Не пой, не требуй, Маргарита,
В мое ты сердце не гляди...

26 марта 1908

87

И я любил. И я изведal
Безумный хмель любовных мук,

И пораженья, и победы,
И имя: *враг*; и слово: *друг*.

Их было много... Чтó я знаю?
Воспоминая, тени сна...
Я только странно повторяю
Их золотые имена.

Их было много. Но одною
Чертой соединил их я,
Одной безумной красотой,
Чье имя: страсть и жизнь моя.

И страсти таинство свершая,
И поднимаясь над землей,
Я видел, как идет другая
На ложе страсти роковой...

И те же ласки, те же речи,
Постылый трепет жадных уст,
И примелькавшиеся плечи...
Нет! Мир бесстрастен, чист и пуст!

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал!

30 марта 1908 (Январь 1912)

88

Их было много — дев прекрасных.
Ущелья гор, хребты холмов
Полны воспоминаний страстных
И потаенных голосов...

Они влеклись в дорожной пыли
Отвека ведомым путем,
Они молили и грозили
Кинжалом, ядом и огнем...

Подняв немые покрывала,
Они пасли стада мои,

Когда я крепко спал, усталый,
А в далях плакали ручьи...

И каждая прекрасной ложью
Со мною связана была,
И каждая заветной дрожью
Меня томила, жгла и жгла...

Но над безумной головою
Я бич занес, собрал стада
И вышел горною тропою,
Чтоб не вернуться — никогда!

Здесь тишина. Здесь ходят тучи.
И ветер шелестит травой.
Я слушаю с заветной кручи
Их дольний ропот под горой.

Когда, топча цветы лазури
Копытом черного коня,
Вернусь, как царь в дыханьи бури, —
Вы не узнаете меня!

Март 1908

89

Свирель запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свирель поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?..

22 мая 1908

90

В глубоких сумерках собора
Прочитан мною свиток твой:
Твой голос — только стон из хора,
Стон протяженный и глухой.

И испытать тебя мне надо:
Их много, ищущих меня,
Неповторяемого взгляда,
Неугасимого огня.

И вот тебе ответный свиток
На том же месте, на стене,
За то, что много страстных пыток
Узнал ты на пути ко мне.

Кто я, ты долго не узнаешь,
Ночами глаз ты не сомкнешь,
Ты, может быть, как воск, истаеть,
Ты смертью, может быть, умрешь.

Твои стенанья и мученья,
Твоя тоска — что мне до них?
Ты — только смутное виденье
Миров далеких и глухих.

Смотри, ты многого ль достоин?
Смотри, как жалок ты и слаб,
Трусливый и безвестный воин,
Ленивый и лукавый раб!

И если отдаленным эхом
Ко мне дойдет твой вздох «люблю»,
Я громовым холодным смехом
Тебя, как плетью, опалю!

25 мая 1908 (1917)

82

Май жестокий с белыми ночами!
 Вечный стук в ворота: выходи!
 Голубая дымка за плечами,
 Неизвестность, гибель впереди!
 Женщины с безумными очами,
 С вечно смятой розой на груди! —
 Пробудись! Пронзи меня мечами,
 От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким крутом
 В хороводе пламенном пройти,
 Пить вино, смеяться с милым другом
 И венки узорные плести,
 Раздарить цветы чужим подругам,
 Страстью, грустью, счастьем изойти, —
 Но достойней за тяжелым плугом
 В свежих росах поутру идти!

28 мая 1908

Всё помнит о весле вздыхающем
 Мое блаженное плечо...
 Под этим взором убегающим
 Не мог я вспомнить ни о чем...

Твои движения несмелые,
 Неверный поворот руля...
 И уходящий в ночи белые
 Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
 Печальный стан рыбацких шхун...
 И в золоте восходном тающий
 Бесцельный путь, бесцельный выюн...

28 мая 1908

93. ВСТРЕЧНОЙ

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет...
Твой муж — презрительный эстет.

Не потому ль насмешлив он,
Что подозрителен без меры?
Следит, кому отдашь поклон...
А я... что мне его химеры!
Сегодня я в тебя влюблен!

Ты вероломством, лестью, ложью,
Как ризами, облечена...
Скажи мне, верная жена,
Дрожала ль ты заветной дрожью,
Была ли тайно влюблена?

И неужели этот сонный,
Ревнивый и смешной супруг
Шептал тебе: «Поедем, друг...»,
Тебя закутав в плэд зеленый
От зимних петербургских вьюг?

И неужели после бала
Твой не лукавил томный взгляд,
Когда воздушный свой наряд
Ты с плеч покатых опускала,
Изведав танца легкий яд?

2 июня 1908 (1912)

94–98. НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скудной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О, Русь моя! Жена моя! До боли
 Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней воли
 Пронзил нам грудь.

Наш путь — степной, наш путь — в тоске безбрежной,
 В твоей тоске, о, Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
 Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
 Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
 И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
 Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
 И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
 Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
 Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
 Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
 Несется вскачь!

7 июля 1908

2

Мы, сам-друг, над степью в полночь стали.
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горячий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взиграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: «Остри свой меч,
Чтоб недаром биться с татарвою,
За святое дело мертвым лечь!»

Я — не первый воин, не последний,
Долго будет родина больна.
Помяни ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июля 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою, —
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем вещим
В криках лебедей.

С полунóчи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клекот над татарским станом
Угрожал бедой,
А Непрядва убралась туманом,
Что княжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня
Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спутнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда, наутро, тучей черной
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековой тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, пропали без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековой тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,
Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый тоскою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мгlistой ночной вышине.

Вздываются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

«Явись, мое дивное диво!
Быть светлым меня научи!»
Вздывается конская грива...
За ветром зывают мечи...

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молнии боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьем станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

23 декабря 1908

99

Я помню длительные муки:
Ночь догорала за окном;
Ее заломленные руки
Чуть брезжили в луче дневном.

Вся жизнь, ненужно изжитая,
Пытала, унижала, жгла;

А там, как призрак возрастая,
День обозначил купола;

И под окошком участились
Прохожих быстрые шаги;
И в серых лужах расходились
Под каплями дождя круги;

И утро длилось, длилось, длилось...
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем бурных слез.

9 июля 1908 (1 января 1911)

100. ЗА ГРОБОМ

Божья мать *Утоли мои печали*
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом — в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пылили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем — бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венки случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому не нужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,

Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

6 июля 1908

101-103. МЭРИ

1

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых перий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи,
Укрась мое жилье,
Пусть будут те же речи
Про вольное житье,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!

Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучающаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенести!

2

Жениха к последней двери
Проводив,
О негаданной потере
Погрустив,
Встала Мэри у порога,
Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
Мэри, спой.

Спой о жизни одиноко
Прожитой...
Спой о том, что не свершил он,
Для чего от нас спешил он
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть
Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...

Мы о Мэри грустим и поем,
А вверху, в водоеме твоём,
Тихий господи,
И не счесть светлых рос,
Не заплесть желтых кос
Тучки утренней.

17 июля 1908 (1911?)

104. ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!

А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что́ делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены пропитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что́ делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что́ делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастливые кости сгниют,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем не повинных ребят
Годами рожденья и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

105. ПОЭТЫ

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали цинично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и рьяно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленились со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе ж не доступно всё это!..

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

24 июля 1908

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало
На тройке бешеной своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

30 июля 1908

Усните блаженно, заморские гости, усните,
Забудьте, что в клетке, где бьемся, темней и темнее...
Что падают звезды, чертя серебристые нити,
Что пляшут в стакане вина золотистые змеи...

Когда эти нити соткутся в блестящую сетку,
И винные змеи сплетутся в одну бесконечность,

Поднимут, закрутят и бросят ненужную клетку
В бездонную пропасть, в какую-то синюю вечность.

30 июля 1908

108

Когда замрут отчаянье и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, гредишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страстной,
Каким являлся мне. Смотри:

Всё та же ты, какой цвела когда-то,
Там, над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнувшей зари.

1 августа 1908 (8 февраля 1914)

109. ЗАБЫВШИЕ ТЕБЯ

И час настал. Свой плащ скрутило время,
И меч блеснул, и стены разошлись.
И я пошел с толпой — туда, за всеми,
В туманную и злую высь.

За кручами опять открылись кручи,
Народ роптал, вожди лишились сил.
Навстречу нам шли грозовые тучи,
Их молний сноп дробил.

И руки повисали, словно плети,
Когда вокруг сжимались кулаки,
Грозящие громам, рыдали дети,
И жены кутались в платки.

И я, без сил, отстал, ушел из строя,
За мной — толпа сопутников моих,

Нам не сияло небо голубое,
И солнце — в тучах грозových.

Скитались мы, беспомощно роптали,
И прежних хижин не могли найти,
И, у ночных костров сходясь, дрожали,
Надеясь отыскать пути...

Напрасный жар! Напрасные скитанья!
Мечтали мы, мечтанья разлюбя.
Так — суждена безрадостность мечтанья
Забывшему Тебя.

1 августа 1908 (8 февраля 1914)

110

Твое лицо мне так знакомо,
Как будто ты жила со мной.
В гостях, на улице и дома
Я вижу тонкий профиль твой.
Твои шаги звенят за мною,
Куда я ни войду, ты там.
Не ты ли легкою стопою
За мною ходишь по ночам?
Не ты ль проскальзываешь мимо,
Едва лишь в двери загляну,
Полувоздушна и незрима,
Подобна виденному сну?
Я часто думаю, не ты ли
Среди погоста, за гумном,
Сидела, молча, на могиле
В платочке ситцевом своем?
Я приближался — ты сидела,
Я подошел — ты отошла,
Спустилась к речке и запела...
На голос твой колокола
Откликнулись вечерним звоном...
И плакал я, и робко ждал...
Но за вечерним перезвоном
Твой милый голос затихал...
Еще мгновенье — нет ответа,

Платок мелькает за рекой...
Но знаю горестно, что где-то
Еще увидимся с тобой.

1 августа 1908

III. РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

18 октября 1908

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастье мое — на тройке
В серебристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Серебристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышна...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным-пьяна... пьяным-пьяна...

26 октября 1908

Часовая стрелка близится к полночи.
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым годом, сердце! Я люблю вас тайно,
Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни догоревшей.

4 ноября 1908 (2 января 1914)

Старинные розы
Несу, одинок,
В снега и в морозы,
И путь мой далек.
И той же тропой,

С мечом на плече,
Идет он за мною
В туманном плаще.
Идет он и знает,
Что снег уже смят,
Что там догорает
Последний закат,
Что нет мне исхода
Всю ночь напролет,
Что больше свобода
За мной не пойдет.
И где, запоздалый,
Сыщу я ночлег?
Лишь розы на талый
Падают снег,
Лишь слезы на алый
Падают снег.
Тоскуя смертельно,
Помочь не могу.
Он розы бесцельно
Затопчет в снегу.

4 ноября 1908 (2 января 1914)

115

Вот он — ветер,
Звонящий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Ветлы придорожной...

Вот — что ты мне сулила:
Могила.

4 ноября 1908

116

Ночь — как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырая каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День — как день; ведь решена задача
Все умрут.

4 ноября 1908

117

Ты так светла, как снег невинный.
Ты так бела, как дальний храм.
Не верю этой ночи длинной
И безысходным вечерам.

Своей душе, давно усталой,
Я тоже верить не хочу.
Быть может, путник запоздалый,
В твой тихий терем постучу.

За те погибельные муки
Неверного сама простишь,
Изменнику протянешь руки,
Весной далекой наградишь.

8 ноября 1908

118

Своими горькими слезами
Над нами плакала весна.
Огонь мерцал за камышами,
Дразня лихого скакуна...

Опять звала бесцельно и напрасно
Ты, отданная мне давно!..
Но ветром буйным, ветром встречным
Твое лицо опалено...

Опять — бессильно и напрасно
Ты отстранялась от огня...
Но даже небо было страстно.
И небо было за меня!.

И стало всё равно, какие
Лобзать уста, ласкать плеча,
В какие улицы глухие
Гнать удалого лихача...

И всё равно, чей вздох, чей шепот.
Быть может, здесь уже не ты...
Лишь скакуна неровный топот,
Как бы с далекой высоты...

Так — сведены с ума мгновеньем —
Мы отдавались вновь и вновь,
Гордясь своим уничтоженьем,
Твоим превратностям, любовь!

Теперь, когда мне звезды ближе.
Чем та неистовая ночь,
Когда еще безмерно ниже
Ты пала, униженья дочь,

Когда один с самим собою
Я проклиная каждый день, —
Теперь проходит предо мною
Твоя *развенчанная тень*...

С благоволеньем? Иль с укором?
Иль ненавидя, мстя, скорбя?
Иль хочешь быть мне приговором? -
Не знаю: я забыл тебя.

20 ноября 1908 (Осень 1910)

Уже над морем вечереет,
 Уж ты мечтой меня томишь,
 И с полуночи ветер веет
 Через неласковый камыш.

Огни на мачтах зажигая,
 Уходят в море корабли,
 А ты, ночная, ты, земная,
 Опять уносишь от земли.

Ты вся пленительна и лжива,
 Вся — в отступающих огнях,
 Во мгле вечернего залива,
 В легко-туманных пеленах.

Позволь и мне огонь прибрежный
 Тебе навстречу развести,
 В венок страстной и неизбежный —
 Цветок влюбленности вплести...

Обетование неложно:
 Передо мною — ты опять.
 Душе влюбленной невозможно
 О сладкой смерти не мечтать.

24 ноября 1908

Не могу тебя не звать,
 Счастье мое!
 Имя нежное твоё
 Сладко повторять!

Вся ты — бурная весна,
 Вся ты — мной одним пьяна,
 Не беги же прочь!
 Хочешь дня —
 Приходит ночь...
 Не избегнешь ты меня!

Золотистая коса, расплетись!
В эти жадные глаза заглядись!
Долгожданная гроза, разразись!

30 ноября 1908 (1918)

121

Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью —
Беспечальное житье!

Но низка земная келья,
Бледно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намашет страстной болью,
Черным крыльем воронье!

Всё размучен я тобою,
Подколодная змея!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься в дальние края!
Оплетишь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрик воронья!

7 декабря 1908

122

Я не звал тебя — сама ты
Подошла.
Каждый вечер — запах мяты,
Месяц узкий и щербатый,
Тишь и мгла.

Словно месяц встал из далей,
Ты пришла

В ткани легкой, без сандалий,
За плечами трепетали
Два крыла.

На траве, едва примятой,
Легкий след.
Свежий запах дикой мяты,
Неживой, голубоватый
Ночи свет.

И живу с тобою рядом,
Как во сне.
И живу под бледным взглядом
Долгой ночи,
Словно месяц там, над садом,
Смотрит в очи
Тишине.

7 декабря 1908

123

Грустя и плача и смеясь,
Звонят ручьи моих стихов
У ног твоих,
И каждый стих
Бежит, плетет живую вязь,
Своих не зная берегов.

Но сквозь хрустальные струи
Ты далека мне, как была...
Поют и плачут хрустали...
Как мне создать черты твои,
Чтоб ты прийти ко мне могла
Из очарованной дали?

8 декабря 1908

124

Опустишь, занавеска линиялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирала степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленым отравляла вином!

Как цыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой ли косами йссиня-черными,
Ой ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шепоте, в забытии,
Неземные ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спалена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого целовал — не моя вина,
Ты, кому обещался, — прости...

30 декабря 1908

125

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутятся проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дому ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрал я со стола.

30 декабря 1908

126

Не затем величал я себя паладином,
Не затем ведь и ты приходила ко мне,
Чтобы только рыдать над потухшим камином.
Чтобы только плясать при умершем огне!

Или счастье вправду неверно и быстро?
Или вправду я слаб уже, болен и стар?
Нет! В золе еще бродят последние искры,
Есть огонь, чтобы вспыхнул пожар!

30 декабря 1908

127

Ты из шепота слов родилась,
В вечереющий сад забралась
И осыпала вишневый цвет,
Прозвенел твой весенний привет.
С той поры, что ни ночь, что ни день.
Надо мной твоя легкая тень,
Запах белых цветов средь садов,
Шелест легких шагов у прудов,
И тревожной бессонницы прочь
Не прогонишь в прозрачную ночь.

Май 1903 — декабрь 1908

128. ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За летом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чем звенит, о чем, о чем?
Что плач осенний значит?

И низких нищих деревень
Не счесть, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, нищая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чем ты горько плачешь?

1 января 1909

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.

Я вишеньем белым
Качнусь над тобой.

Зеленой звездой
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

1 января 1909

Не венчал мою голову траурный лавр
В эти годы пиров и скорбей.
Празднй слух был исполнен громами литавр,
Сердце — музыкой буйных страстей.

Светлой ангельской лжи не знавал я отрав,
Не бродил средь божественных чаш.
Сон мой длился века, все виденья собрав
В свой широкий, полунощный плащ.

И когда вам мерцает обманчивый свет,
Знайте — вновь он совется во тьму.
Беззакатного дня, легковёрные, нет.
Я ночного плаща не сниму.

22 января 1909

Под шум и звон однообразный,
 Под городскую суету
 Я ухожу, душою праздный,
 В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознания
 И забываю, что и как...
 Кругом — снега, трамваи, зданья,
 А впереди — огни и мрак.

Что, если я, замороженный,
 Сознания оборвавший нить,
 Вернусь домой уничиженный, —
 Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
 Путеводительный маяк,
 Простишь ли мне мои метели,
 Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
 Будить мои колокола,
 Чтобы распутица ночная
 От родины не увела?

2 февраля 1909

Я сегодня не помню, что было вчера,
 По утрам забываю свои вечера,
 В белый день забываю огни,
 По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас
 Перед смертью, в торжественный час.
 И тогда — в духоте, в тесноте
 Слишком больно мечтать
 О былой красоте
 И не мочь:
 Хочешь встать —
 И ночь.

3 февраля 1909

Покойник спать ложится
 На белую постель.
 В окне легко кружится
 Спокойная метель.
 Пуховым ветром мчится
 На снежную постель.

Снежинок легкий пух
 Куда летит, куда?
 Прошли, прошли года,
 Прости, бессмертный дух,
 Мятежный взор и слух!
 Настало *никогда*.

И отдых, милый отдых
 Легко прильнул ко мне.
 И воздух, вольный воздух
 Вздохнул на простыне.
 Прости, крылатый дух!
 Лети, бессмертный пух!

3 февраля 1909 (1912?)

Так. Буря этих лет прошла.
 Мужик поплелся бороздою
 Сырой и черной. Надо мною
 Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
 Опять весна мне шепчет: *встань...*
 И я целую богомольно
 Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
 И слишком молодеет кровь,
 Когда за тучкой легкоперой
 Сквозит мне первая любовь...

*Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!*

14 февраля 1909 (Февраль 1914)

135

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного — и нам.

15 февраля 1909 (7 февраля 1914)

136

Уж вечер светлой полосой
На хладных рельсах догорал.
Ты, стройная, с тугой косою
Прошла по черным пятнам шпал.
Твой быстрый взор огнем докучным
Меня обжег и ослепил.
Мгновенье... громом однозвучным
Нас черный поезд разделил...
Когда же чуть дрожащим звоном
Пропели рельсы: не забудь,
И семафор огнем зеленым
Мне указал свободный путь,—
Уж ты далёко уходила,
Уже теряла цвет трава...
Там пыль взвилась, там ночь вступила
В свои туманные права...

Тревожный свист и клубы дыма
За поворотом на горе...
Напрасный миг, проплывший мимо.
Огонь зеленый на заре.

1 марта 1909

137. НА СМЕРТЬ МЛАДЕНЦА

Когда под заступом холодным
Скрипел песок и яркий снег,
Во мне, печальном и свободном,
Еще смирялся человек.

Пусть эта смерть была понятна —
В душе, под песни панихид,
Уж проступали злые пятна
Незабываемых обид.

Уже с угрозой сжималась
Доселе добрая рука.
Уж подымалась и металась
В душе отравленной тоска...

Я подавлю глухую злобу,
Тоску забвению предам.
Святому маленькому гробу
Молиться буду по ночам.

Но — быть коленопреклоненным,
Тебя благодарить, скорбя? —
Нет. Над младенцем, над *блаженным*
Скорбеть я буду без Тебя.

2 марта 1909

138

Здесь в сумерки в конце зимы
Она да я — лишь две души.
«Останься, дай посмотрим мы,
Как месяц канет в камыши».
Но в легком свисте камыша,
Под налетевшим ветерком,

Прозрачным синеньким ледком
Подернулась ее душа....
Ушла — и нет другой души,
Иду, мурлычу: тра-ля-ля...
Остались: месяц, камыши,
Да горький запах миндаля.

27 марта 1909

139

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданием,
Которое он в землю вбил,
Над смрадом, смертью и страданием
Трезвонят до потери сил...

Над мировой чепухой;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховой,
В которой ты была в ту ночь.

30 марта 1909. Ревель
(Весна 1911)

140

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суета,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.

Верни мне, жизнь, хоть смех беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

Март 1909

141

Дохнула жизнь в лицо могилой —
Мне страстной бурей не вздохнуть.
Одна мечта с упрямой силой
Последний открывает путь:

Пои, пои свои творенья
Незримым ядом мертвеца,
Чтоб гневной зрелостью презренья
Людские отравлять сердца.

Март 1909

142

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастьем своим!

Когда ж ни скукой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью,—

Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томленья,
А жизнь, не зная истребленья,
Так — только замедляет шаг.

Март 1909

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминая и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909

Какая дивная картина
Твоя, о, север мой, твоя!
Всегда бесплодная равнина,
Пустая, как мечта моя!

Здесь дух мой, злобный и упорный
Тревожит смехом тишину;
И, откликаясь, ворон черный
Качает мертвую сосну;

Внизу хлопочут водопады,
Точа гранит и корни древ;
И на камнях поют наяды
Беспольный гимн безмужних дев;

И в этом гуле вод холодных,
В постылом крике воронья,
Под рыбьим взором дев бесплодных
Тихонько тлеет жизнь моя!

Март 1909

Ты в комнате один сидишь.
 Ты слышишь?
 Я знаю: ты теперь не спишь...
 Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?
 Не бойся!
 Я твой давно забытый час,
 Стучусь — откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,
 Мятежный!
 Я всё равно к тебе войду,
 Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:
 Ты был так молод...
 Ты сел на белого коня,
 И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда —
 В янтарь закатный!
 Немудрый, знал ли ты тогда
 Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —
 Что толку в споре?
 Ты помнишь первую любовь
 И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
 Так низко?
 Утешься: ветер за окном —
 То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
 Твой день был ярок?
 Я саван царственный принес
 Тебе в подарок!

Март 1909

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

Sic finit occulte sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile tempus
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.*

*Надпись под часами в церкви
Santa Maria Novella (Флоренция)*

146. РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бrenно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спишь, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,
Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далёко отступило море,
И розы оцепили вал,

* Так незаметно многих уничтожают годы,
Так приходит к концу всё сущее в мире;
Увы, увы, невозвратно минувшее время,
Увы, торопится смерть неслышным шагом.

(Лат.) — Ред.

Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтает.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Май — июнь 1909

147

Почиет в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там — виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равеннских девушек — весна.

Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Галла! — страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!

Июнь 1909 (27 февраля 1914)

148. ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солнцем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

3 июля 1909

149–151. ВЕНЕЦИЯ

1

С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далёко,
С нею забыл я близких...

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести...

Адриатической любви —
Моей последней —
Прости, прости!

9 мая 1909 (16 января 1914)

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугуновой,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утопил в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галлерей,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользкий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

Август — октябрь 1909

Слабеет жизни гул упорный,
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветер сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохну ль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецейской девы
Канцонной нежной слух плена,

Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне — велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было, — живо
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

Август — сентябрь 1909

152. ПЕРУДЖИЯ

День полувеселый, полустрадный,
Голубая гарь от Умбрских гор.
Вдруг — минутный ливень, ветер прохладный,
За окном открытым — громкий хор.

Там — в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:
Кто-то смуглою рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

На корзине — белая записка:
«...Questa sera... * монастырь Франциска...»

Июнь 1909 (5 мая 1911)

* Нынче вечером (ит.). — Ред.

153–159. ФЛОРЕНЦИЯ

1

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Bella, * смейся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звонят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Мэдицей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,
Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчеи!

Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквах –
Весь груз тоски многоэтажный –
Сгинь в очистительных веках!

Май – июнь, ноябрь 1909

2

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин?

* Красавица (*ит.*) – распространенное в Италии название Флоренции. – Ред.

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глуши;
Уйти в твой древний зной и в нежность
Своей стареющей души...

Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909 (5 мая 1911)

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,
Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит навеки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубую
Унесет меня волной...

Июнь 1909 (17 марта 1914)

4

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.

О, безысходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжусь.

Июнь 1909 (27 февраля 1914)

5

Окна ложные на небе черном,
И прожектор на древнем дворце.

Вот проходит она — вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Июнь 1909 (17 марта 1914)

6

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком челноке искусства
От скуки мира уплывешь.

17 мая 1909 (11 февраля 1914)

7

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Канцоной площадной.

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

Август 1909

160

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севэра.
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
Некрасивой женщины под дрожащими тополями.

*15 мая 1909. Settignano
(16 января 1914)*

161. MADONNA DA SETTIGNANO

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские дымные дали
И очертания гор.

Желтый платок твой разубран цветами —
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику — мне?
Страстно твердить твое имя, Мария
Здесь, на чужой стороне?

3 июля 1909

162. ФЬЁЗОЛЕ

Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьёзоле когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?

Июнь 1909 (27 февраля 1914)

163. СИЕНА

В лоне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни — свечи божества.

О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел
Вероломство и измена —
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Ограды со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Исполняют образа,
Где коварные мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит младенцу буря,
Пусть грозит младенцу враг, —
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощурия!..

7 июня 1909 (1914)

164. СИЕНСКИЙ СОВОР

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, —
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь — Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело,
Довольный возрастом своим.
Здесь под резцом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот — мальчик над цветком и с птицей,
Вот — муж с пергаментом в руках,
Вот — дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух колюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристально-ясный час любви.

Июнь 1909 (5 мая 1911)

165

Искусство — ноша на плечах,
Зато как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь

Переливается певуче,
 Бросающую в жар любовь
 Поймать за тучкою летучей,
 И грезить, будто жизнь сама
 Встает во всем шампанском блеске
 В мурлыкающем нежно треске
 Мигающего سینما! *
 А через год — в чужой стране:
 Усталость, город неизвестный,
 Толпа, — и вновь на полотне
 Черты француженки прелестной! .

Июнь 1909. Foligno
 (4 марта 1914)

166

Глаза, опущенные скромно,
 Плечо, закрытое фатой...
 Ты многим кажешься святой,
 Но ты, Мария, вероломна...

Быть с девой — быть во власти ночи,
 Качаться на морских волнах...
 И не напрасно эти очи
 К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
 Поставил с братией ее —
 Подальше от мечты греховной,
 В молитвенное забытьё...

Однако, братьям надоело

Конец преданьям и туманам!
 Теперь — во всех церквях она
 Равно — монахам и мирянам
 На поруганье предана...

* Кинематограф (фр.). — Ред.

Но есть один вздыхатель тайный
Красы божественной — поэт...
Он видит твой необычайный,
Немеркнувший, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И ты, чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В твою ласкающую высь!

12 июня 1909 (12 февраля 1914)

167. БЛАГОВЕЩЕНИЕ

С детских лет — видения и грезы,
Умбрии ласкающая мгла.
На оградах вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый ниц...

Темноликий ангел с дерзкой ветвью
Молвит: «Здравствуй! Ты полна красоты!»
И она дрожит пред страстной вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я ли, я ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — незнаемую болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволия —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый, —
Он провидит страстной муки крест
И твердит: «Profani, procul ite,
Nec amoris locus sacer est».*

*Май — июль 1909
Perugia — Spoleto*

168. УСПЕНИЕ

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волненьем, в сжатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском зоря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

* Идите прочь, непосвященные: здесь свято место любви
лат.) Ред

Их привела, как в дни былые,
Другая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Как встарь, сгоняют с гор стада.

И стражей вечному покою
Долины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарею
Златятся нимбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит в даль.

*4 июня 1909
Spoleto*

169. ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ *

Здесь я покоюсь, Филипп,
живописец навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти — у всех на устах.
Душу умел я вдохнуть искусными пальцами в краски,
Набожных души умел — голосом бога смутить.
Даже природа сама, на мои заглядевшись созданья,
Принуждена меня звать мастером равным себе.

В мраморном этом гробу меня упокоил Лаврентий
Мэдици, прежде чем я в низменный прах обращусь.

17 марта 1914

170

Кольцо существованья тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

* Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять — любить Ее на небе
И изменить ей на земле.

Июль 1909 (19 марта 1914)

171–178. ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

К. М. С

1

Всё та же озерная гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и мирен,
О чем волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Еще с душой не разлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови — она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывалые шепнет.

Июль 1909 (Май 1911)

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я — память, весь я — слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу — вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.

В тѣнях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет
Всё — как призрак, всё — как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

Июнь 1909 (Май 1911)

3

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени,—

Не знал я, что в лесу девичьем
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пеньи птичьим:

«Внимай страстям, и верь, и верь,
Зови их всеми голосами,
Стучись полночными часами
В блаженства замкнутую дверь!»

Июнь 1909 (27 февраля 1914)

4

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Запевает осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки,

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

*1897–1909. Bad Nauheim
(19 марта 1914)*

5

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле,
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг — туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И синий, синий плен очей...

О чем-то шепчущие струи,
Кружающаяся голова...
Твои, хохлушка, поцелуи,
Твои гортанные слова...

Июнь 1909 (3 января 1912)

6

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом алея,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность —
Что для нас она была?
Всех стихов моих мятежность
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздушенный ваш платок.

*25 марта 1910
Елагин остров*

7

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычок легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи плыл ко мне.
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недалёкий,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердцу руку прислонил...

Когда в гаданьи, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: *улетим.*

Март 1910

8

Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,
Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентой алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

23 марта 1910

179. УТРО В МОСКВЕ

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидеть.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро как прелесть твоя.

Июль 1909. Москва
(Февраль 1914)

180

Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей...

Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...

Одно, одно —
Уснуть, уснуть...
Но всё равно —
Разбудит кто-нибудь.

27 августа 1909 (Весна 1911)

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползет печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.

Смотри с печальною услодой,
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом — в алый круг.

Август 1909

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход —
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклюёт коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,
И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю — не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Август 1909 (Весна 1911)

183

Как прощались, страстно клялись
В верности любви...
Вместе таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала б да не манила
Дальняя сторона!

Вспоминай же, ради бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

5 сентября 1909

184

Всё на земле умрет — и мать, и младость,
Жена изменит, и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой челн, плыви на дальний полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было *здесь* ей ничего не надо,
Когда *оттуда* ринутся лучи.

7 сентября 1909

185

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чей-то образ, чей-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина)

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный...
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор — и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!

Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и вьюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!
Но за вьюгой — солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,
Всех просительных движений, —
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном вопле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909

186

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигаешь глазами
И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливым пожаром
Ты недаром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно недаром
Пред тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой кинжал!

6 октября 1909

187. ПЕСНЬ АДА

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерял.

Где спутник мой? — О, где ты, Беатриче? —
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь;

Пощады вопль, иль возглас нежный — скупю
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно, —
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вослед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеною потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там — брошены зияющие маски;
Там — старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет тишина.

В сей час в стране блаженной мы ночуем
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака,
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвеца;
На пальце — знак таинственного брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волнением непонятым
В черты его отцветшего лица

И вопрошаю голосом чуть внятным:
«Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным?»

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

«Узнай: я предан мук беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной

Едва наш город скроется во мгле, —
Томим волной безумного напева,
С печатью преступления на челе,

Как падшая униженная дева,
Ищу забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной — чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликование первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, неожиданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист
И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен!

И — сомкнутых безмерными цепями —
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
Окованной навек глухими снами,

Дано ей чужая боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел — могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти безначальной, —
Так страдай и помни, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке спальни,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально

Вонзить свой перстень в белое плечо!»

31 октября 1909

188. ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непроданных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странно,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»
И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — он улыбнулся нахально,—
И нет близ меня никого...

Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909 (26 августа 1914)

189

Поздней осенью из гавани
От замеченной снегом земли
В предназначенное плавание
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснежённом берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

190. НА ОСТРОВАХ

Вновь оснежённые колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поцелуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И царств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Безлюдность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

191. СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горит светло...
Но ангел тает. Он — немецкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчит, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Пускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

25 ноября 1909 (1911)

192

Как из сумрачной гавани,
От родимой земли
В кругосветное плаванье
Отошли корабли, —
Так и вы, мои
Золотые года —
В невозвратное
Отошли навсегда.

Ноябрь (?) 1909

193

С мирным счастьем покончены счета,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустыню зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной
Тот, сквозь ночь пролетевший, мотор

11 февраля 1910 (25 декабря 1914)

194

Седые сумерки легли
Весной на город бледный.
Автомобиль пропел вдали
В рожок победный.

Глядись сквозь бледное окно,
К стеклу прижавшись плотно...
Глядись. Ты изменил давно,
Бесповоротно.

11 февраля 1910 (4 марта 1914)

195

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных ночах.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный мóрок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

196. ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врываясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманью длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

197. НА СМЕРТЬ КОММИССАРЖЕВСКОЙ

Пришла порою полуночной
На крайний полюс, в мертвый край.
Не верили. Не ждали. Точно
Не таял снег, не веял май.

Не верили. А голос юный
Нам пел и плакал о весне,
Как будто ветер тронул струны
Там, в незнакомой вышине,

Как будто отступили зимы,
И буря твердь разорвала,
И струнно плачут серафимы,
Над миром расплескав крыла...

Но было тихо в нашем склепе,
И полюс — в холодном серебре.
Ушла. От всех великолепей —
Вот только: крылья на заре.

Что в ней рыдало? Что боролось?
Чего она ждала от нас?
Не знаем. Умер внешний голос,
Погасли звезды синих глаз.

Да, слепы люди, низки тучи...
И где нам ведать торжества?
Залег здесь камень бел-горючий,
Растет у ног плакун-трава...

Так спи, измученная славой,
Любовью, жизнью, клеветой...
Теперь ты с нею — с величавой,
С несбыточной твоей мечтой.

А мы — что мы на этой тризне?
Что можем знать, чему помочь?
Пускай хоть смерть понятней жизни,
Хоть погребальный факел — в ночь..

Пускай хоть в небе — Вера с нами.
Смотри сквозь тучи: там она —
Развернутое ветром знамя,
Обетованная весна.

Февраль 1910

Дух пряный марта был в лунном круге
 Под талым снегом хрустел песок.
 Мой город истаял в мокрой вьюге,
 Рыдал, влюбленный, у чьих-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
 И мне казалось — сквозь храп коня —
 Венгерский танец в небесной черни
 Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
 Хотел он выжечь душу мне,
 В лицо швыряя твоей вуалью
 И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
 Сказала с молнией в глазах:
То душа, на последний путь вступая,
Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910
 Часовня на Крестовском острове

199. НА ПАСХЕ

В сапогах бутылками,
 Квасом припомажен,
 С новою гармоникой
 Стоит под крыльцом.

На крыльце вертявая,
 Фартучек с кружевцом,
 Каблучки постукивают,
 Румяная лицом.

Ангел мой, барышня,
 Что же ты смеешься,
 Ангел мой, барышня,
 Дай поцеловать!

Вот еще, стану я,
 Мужик неумытый,

Стану я, беленькая,
Тебя целовать!

18 апреля 1910 (Май 1914)

200. В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был,
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: «И этот влюблен».

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Исступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: «Лови!..»
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

19 апреля 1910

201. ДЕМОН

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих...

О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоём иступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горний, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910

202

Там человек сгорел.
Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще не жившим.

И, вглядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

10 мая 1910 (27 февраля 1914)

203. НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за ближним лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом
Платформу, сад с кустами блёклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лишь раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною.
Скользнул — и поезд в даль умчал.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июля 1910

204. СОН

Моей матери

Я видел сон: мы в древнем склепе
Схоронены; а жизнь идет
Вверху — всё громче, всё нелепей;
И день последний настает.

Чуть брезжит утро Воскресенья.
Труба далекая слышна.
Над нами — красные каменья
И мавзолеей из чугуна.

И Он идет из дымной дали;
И ангелы с мечами — с Ним;
Такой, как в книгах мы читали,
Скучая и не веря им.

Под аркою того же свода
Лежит спокойная жена;
Но ей не дорога свобода:
Не хочет воскресать она...

И слышу, мать мне рядом шепчет:
«Мой сын, ты в жизни был силен.
Нажми рукою свод покрепче,
И камень будет отвален». —

«Нет, мать. Я задохнулся в гробе.
И больше нет бывалых сил.
Молитесь и просите обе,
Чтоб ангел камень отвалил».

20 июня 1910 (5 мая 1911)

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да всё — не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска.

11 июля 1910 (4 декабря 1913)

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святын не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни

Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

19 июля 1910

207

Где отдается в длинных залах
Безумных троек тихий лёт,
Где вина теплятся в бокалах,—
Там возникает хоровод.

Шурша, звеня, виясь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полумглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!..

Там всё — игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далёка
Печальный ангел просквозит...

19 июля 1910

208

Сегодня ты на тройке звонкой
Летишь, богач, гусар, поэт,

И каждый, проходя стороной,
Завистливо посмотрит вслед...

Но жизнь — проезжая дорога,
Неладно, жутко на душе:
Здесь всякой праздной голи много
Остаться хочет в барыше...

Ямщик — будь он в поддевке темной
С пером павлиньим напоказ,
Будь он мечтой поэта скромной, —
Не упускай его из глаз...

Задремлешь — и тебя в дремоте
Он острым полоснет клинком,
Иль на безлюдном повороте
К версте прикрутит кушаком,

И в час, когда изменит воля,
Тебе мигнет издалика
В кусте темнеющего поля
Лишь бедный светик светляка...

6 августа 1910

209

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиной
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?..

Блеснет в глаза зеркальный свет
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

27 сентября 1911

Там неба осветленный край
 Средь дымных пятен.
 Там разговор гусиных стай
 Так внятн.

Свободен, весел и силен,
 В дали любимой
 Я слышу непомерный звон
 Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
 Широко реет,
 Там старый лес под топором
 Редет.

(Сентябрь 1910 — 5 мая 1911)

211. ЮРИЮ ВЕРХОВСКОМУ

(При получении «Идиллий и элегий»)

Дождь мелкий, разговор неспешный
 Из-под цилиндра прядь волос,
 Смех легкий и немножко грешный —
 Ведь так при встречах повелось?

Но вот — какой-то светлый гений
 С туманным факелом в руке
 Занес ваш дар в мой дом осенний,
 Где я — в тревоге и в тоске.

И в шуме осени суровом
 Я вспомнил вас, люблю уже
 За каждый ваш намек о новом
 В старинном, грустном чертеже.

Мы посмеялись, пошутили,
 И всем придется, может быть,
 Сквозь резвость томную идиллий
 В ночь скорбную элегий плыть.

(Сентябрь 1910 — 5 мая 1911)

212. ПОСЕЩЕНИЕ

Г о л о с

То не ели, не тонкие ели
На закате подъемлют кресты,
То в дали снеговой заалели
Мои нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, —
Вот я вновь над твоею постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоём голосе — возгласы моря,
На лице твоём — жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

В т о р о й г о л о с

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой постелью
Наклонялся лишь пристальный враг.
И душа для видений ослепла,
Если вспомню, — лишь ветр налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было — далёко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

Сентябрь 1910

213. КОМЕТА

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!

Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь всё тем же гласом —
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет — стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смолкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

Сентябрь — октябрь 1910 (1917)

214

Идут часы, и дни, и годы.
Хочу стряхнуть какой-то сон,
Взглянуть в лицо людей, природы
Рассеять сумерки времен...

Там кто-то машет, дразнит светом
(Так зимней ночью, на крыльцо
Тень чья-то глянет силуэтом,
И быстро спрячется лицо).

Вот меч. Он — был. Но он — не нужен.
Кто обессилил руку мне? —
Я помню: мелкий ряд жемчужин
Однажды ночью, при луне,

Больная, жалобная стужа,
И моря снеговая гладь...
Из-под ресниц сверкнувший ужас —
Старинный ужас (дай понять)...

Слова? — Их не было. — Что ж было? —
Ни сон, ни явь. Вдали, вдали
Звенело, гасло, уходило
И отделялось от земли...

И умерло. А губы пели.
Прошли часы, или года...
(Лишь телеграфные звенели
На черном небе провода...)

И вдруг (как памятно, знакомо!)
Отчетливо, издалека
Раздался голос: *Ессе homo!* *
Меч выпал. Дрогнула рука...

И перевязан шелком душным
(Чтоб кровь не шла из черных жил),
Я был веселым и послушным,
Обезоруженный — служил.

Но час настал. Припоминая,
Я вспомнил: *Нет, я не слуга.*
Так падай, перевязь цветная!
Хлынь, кровь, и обagri снега!

4 октября 1910

215

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоит за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:

* Се — человек! (*лат.*). — Ред.

Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

18 ноября 1910

216

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

Ноябрь 1910

В огне и холоде тревог —
 Так жизнь пройдет. Запомним оба,
 Что встретиться судил нам бог
 В час искупительный — у гроба.

Я верю: новый век взойдет
 Среди всех несчастных поколений.
 Недаром славит каждый род
 Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
 В своих сердцах, в своих певучих.
 И всем — священный меч войны
 Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек — у нас всё те ж
 Заветы юношам и девам:
 Презренье созревает гневом,
 А зрелость гнева — есть мятеж.

Разыгрывайте жизнь, как фант.
 Сердца поэтов чутко внемлют,
 В их беспокойстве — воли дремлют;
 Так точно — черный бриллиант

Спит сном неведомым и странным,
 В очарованьи бездыханном,
 Среди глубоких недр, — пока
 В горах не запоет кирка.

Январь 1911 (6 февраля 1914)

Когда мы встретились с тобой,
 Я был больной, с душою ржавой.
 Сестра, сужденная судьбой,
 Весь мир казался мне Варшавой!
 Я помню: днем я был «поэт»,
 А ночью (призрак жизни вольной!) —
 Над черной Вислой — черный бред...
 Как скучно, холодно и больно!
 Когда б из памяти моей
 Я вычеркнуть имел бы право
 Сырой притон тоски твоей
 И скуки, мрачная Варшава!
 Лишь ты, сестра, твердила мне
 Своей волнующей тревогой
 О том, что мир — жилище бога,
 О холоде и об огне.

Январь 1911 (8 марта 1915)

О, как смеялись вы над нами,
 Как ненавидели вы нас
 За то, что тихими стихами
 Мы громко обличили вас!
 Но мы — всё те же. Мы, поэты,
 За вас, о вас тоскуем вновь,
 Храня священную любовь,
 Твердя старинные обеты...
 И так же прост наш тихий храм,
 Мы на стенах читаем сроки...
 Так смейтесь, и не верьте нам,
 И не читайте наши строки
 О том, что под землей струи
 Поют, о том, что бродят светы...

Но помни Тютчева заветы:
Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои...

Весна 1911 (6 февраля 1914)

Да. Так диктует вдохновенье:
 Моя свободная мечта
 Всё льнет туда, где унижение,
 Где грязь, и мрак, и нищета.
 Туда, туда, смиренной, ниже, —
 Оттуда зримей мир иной...
*Ты видел ли детей в Париже,
 Иль нищих на мосту зимой?*
 На непроглядный ужас жизни
 Открой скорей, открой глаза,
 Пока великая гроза
 Всё не смела в твоей отчизне, —
 Дай гневу правому созреть,
 Приготовляй к работе руки...
 Не можешь — дай тоске и скуке
 В тебе копиться и гореть...
 Но только — лживой жизни этой
 Румяна жирные сотри,
 Как боязливый крот, от света
 Заройся в землю — там замри,
 Всю жизнь жестоко ненавидя
 И презирая этот свет,
 Пускай грядущего не видя, —
 Дням настоящим молвив: *нет!*

Сентябрь 1911 (7 февраля 1914)

Земное сердце стынет вновь,
 Но стужу я встречаю грудью.
 Храню я к людям на безлюдьи
 Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
 Растет презренье и желанье
 Читать в глазах мужей и дев
 Печать забвенья, иль избранья.

Пускай зовут: *Забудь, поэт!*
Вернись в красивые уюты!

Нет! Лучше согнуть в стуже лютой
Уюта — нет. Покоя — нет.

Осень 1911 (6 февраля 1914)

222. УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях деревьев обнаженных
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука *подлеца* нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве *так* суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве *это* мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...

Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный,
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук!

6 декабря 1911

223

Без слова мысль, волнение без названия,
Какой ты шлеп мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молнью знанья
Глухой декабрьский мрак?

Всё призрак здесь — и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было, — ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)

Что б ни было, всю ложь, всю мудрость века
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвеса
Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знаньем несказанных очертаний,
Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911

Ветр налетит, завоет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный брег...
Но цвет увял, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Иду к прикрытой снегом бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постылый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

6 января 1912

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безначальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:

Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

6 января 1912

226

Моей матери

Повеселясь на буйном пире,
Вернулся поздно я домой;
Ночь тихо бродит по квартире,
Храня уютный угол мой.

Слились все лица, все обиды
В одно лицо, в одно пятно;
И ветер ночной поет в окно
Напевы сонной панихиды...

Лишь соблазнитель мой не спит;
Он льстиво шепчет: «Вот твой скит.
Забудь о временном, о пошлом
И в песнях свято лги о прошлом».

6 января 1912

227

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пылал!

Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке —
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоём.

170

Глядят внимательны очи,
И сердце бьет, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

15 января 1912

228. АВИАТОР

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж в вышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа;
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане
Как будто — неземной аккорд...
Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразьи перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Ищи отцветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетении проволоки машины
Рука — мертвое рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвения
Губительный изведаль ты,
Безумно возалкал паденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

1910 — январь 1912

229. ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфрей

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном — туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,
Слуги спят, и ночь глуха.
Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Слышно пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?
Миги жизни сочтены.

Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,
В зеркалах отражены?
Анна, Анна, 'сладко ль спать в могиле?
Сладко ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!
Выходи на битву, старый рок!
И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бой ночных часов —
Бой часов: «Ты звал меня на ужин.
Я пришел. А ты готов?..»

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.
В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

Сентябрь 1910 — 16 февраля 1912

230-234. ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом.
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабресный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрежещущий несет таксомотор.

В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушон...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

«Усталый друг, мне странно в этом зале» —
«Усталый друг, могила холодна». —
«Уж полночь». — «Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...»

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови...
В ее лице; девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
«Как он умен! Как он в меня влюблен!»

В ее ушах — нездешний, странный звон:
То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

2

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

3

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкапом с надписью *Venena*,*
Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул,
И череп повернул... Аптекарь крякнул,

* Яд (лат.). — Ред.

Привстал — и на другой свалился бок..
А гость меж тем — заветный пузырек
Сует из-под плаща двум женщинам безносым
На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912

4

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там — забвенье навсегда.
Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.
Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.
В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...
Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвенье навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

февраля 1914

5

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насылает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Всё бы это было зря,
Если б не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скручена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

7 февраля 1914

235. ВАЛЕРИЮ БРЮСОВУ

(При получении «Зеркала теней»)

И вновь, и вновь твой дух таинственный
В глухой ночи, в ночи пустой
Велит к твоей мечте единственной
Прильнуть и пить напиток твой.

Вновь причастись души неистовой,
И яд, и боль, и сладость пей,
И тихо книгу перелистывай,
Впиваясь в зеркало теней...

Пусть, несказанной мукой мучая,
Здесь бьется страсть, змеится грусть,
Восторженная буря случая
Сулит конец, убийство — пусть!

Что жизнь пытала, жгла, коверкала,
Здесь стало легкою мечтой,
И поле траурного зеркала
Прозрачной стынет красотой...

А красотой без слов повелено:
«Гори, гори. Живи, живи.
Пускай крыло души прострелено —
Кровь обагрит алтарь любви».

20 марта 1912

236. ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ

(Отвст)

Да, знаю я: пронзили ночь отвеса
Незримые лучи.
Но меры нет страданью человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!),
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как кровь!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна,
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

24 марта 1912

237. ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

Был скрипок вой в разгаре бала.
Вином и кровию дыша,
В ту ночь нам судьбы диктовала
Восстанья страшная душа.

Из стран чужих, из стран далеких
В наш огонь вступивши снеговой,
В кругу безумных, томнооких
Ты золотою встал главой.

Слегка согбен, не стар, не молод,
Весь — излученье тайных сил,
О, скольких душ пустынный холод
Своим ты холодом пронзил!

Был миг — неведомая сила,
Восторгом разрывая грудь,
Сребристым звоном оглушила,
Секучим снегом ослепила,
Блаженством исказила путь!

И в этот миг, в слепящей вьюге,
Не ведаю, в какой стране,
Не ведаю, в котором круге,
Твой странный лик явился мне...

И я, дичившийся доселе
Очей пронзительных твоих,
Взглянул... И наши души спели
В те дни один и тот же стих.

Но миновалась ныне вьюга.
И горькой складкой те года
Легли на сердце мне. И друга
В тебе не вижу, как тогда.

Как в годы юности, не знаю
Бездонных чар твоей души...
Порой, как прежде, различаю
Песнь соловья в твоей глуши...

И много чар, и много песен,
И древних ликов красоты...
Твой мир, поистине, чудесен!
Да, царь самодержавный — ты.

А я, печальный, нищий, жесткий,
В час утра встретивший зарю,

Теперь на пыльном перекрестке
На царский поезд твой смотрю.

18 апреля 1912

238.

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рая — нет.

О чем в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чем гласят с несбыточною верой?
Ведь мгла — всё мгла.

И чем он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912 (1913)

239

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.

Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.

Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,

Хоть во сне твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

240

И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, согласишься чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол-жизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь, —

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастьем привыкли звать!

19 июня 1912

241

Миры летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастье твердишь, — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?

181

Иль мрачные, порочные улады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет...

Вздохнул, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользкий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой
Придуманных причин, пространств, времен...

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

242

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семицветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усыпленные жизнью струны
Напряженной, как арфа, души.

Июль 1912

243. СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!..
Идет конница... а няня
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о царевне,
О царевне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где царевна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Слышно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над царевной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелятся лучи,

О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлет в кровати.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Около 8 октября 1912

244. НА ЛУГУ

Леса вдали виднее,
Синее небеса,
Заметней и чернее
На пашне полоса,
И детские звончее
Над лугом голоса.

Весна идет сторонкой,
Да где ж сама она?
Чу, слышен голос звонкий,
Не это ли весна?
Нет, это звонко, тонко
В ручье журчит волна...

25 октября 1912

245. ВОРОНА

Вот ворона на крыше покатоЙ
Так с зимы и осталась лохматоЙ...

А уж в воздухе — вешние звоны,
Даже дух занялся у вороны...

Вдруг запрыгала вбок глупым скоком,
Вниз на землю глядит она боком:

Что белеет под нежною травкой?
Вон желтеют под серою лавкой

Прошлогодние мокрые стружки...
Это всё у вороны — игрушки,

И уж так-то ворона довольна,
Что весна, и дышать ей привольно!..

25 октября 1912

246. СОЧЕЛЬНИК В ЛЕСУ

Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В снежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне,
Тронет свечкою сучок —
Треснет, вспыхнет огонек,
Округлится, задрожит,
Как по нитке, побежит
Там и сям, и тут, и здесь...
Зимний лес сияет весь!..

Так легко, как снежный пух,
Рождества крылатый дух
Озаряет небеса,
Сводит праздник на леса,
Чтоб от неба и земли
Светы встретиться могли,
Чтоб меж небом и землей
Загорелся луч иной,
Чтоб от света малых свеч
Длинный луч, как острый меч,
Сердце светом пронизал,
Путь неложный указал.

Октябрь 1912

247. ТИШИНА В ЛЕСУ

После ночной метели

Бушевали ночные метели,
Заметали лесные пути,
И гудели мохнатые ели,
И у ангелов не было силы
Звездный свет до земли донести.

Но полночные силы устали
В небе черные тучи клубить,
И деревья стонать перестали,
И у ангелов силы хватило
Звездным светом леса озарить.

И деревья торжественным строем
Перед ясным лицом тишины
Убеляются снежным покоем,
Исполняются светлою силой
Ледяной и немой белизны.

Чье там брезжит лазурное око?
Как поляна из звезд — небеса.
В тишине голубой и глубокой
С дивной ратью своей многокрылой
Бог идет сквозь ночные леса.

Октябрь 1912

248

Болотистым, пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.

Он морем ночи замкнут — дальний
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —

Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь,
Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!

Октябрь 1912

249. ИСПАНКЕ

Не лукавь же, себе признаваясь,
Что на миг ты был полон одной,
Той, что встала тогда, задыхаясь,
Перед редкой и сытой толпой...

Что была, как печаль, величава
И безумна, как только печаль...
Заревая господняя слава
Исполняла священную шаль...

И в бедро уперлася рукою,
И каблук застучал по мосткам,
Разноцветные ленты рекою
Буйно хлынули к белым чулкам...

Но, средь танца волшебств и наитий,
Высоко занесенной рукой
Разрывала незримые нити
Между редкой толпой и собой,

Чтоб неведомый северу танец,
Крик *Handá* * и язык кастаньет
Понял только влюбленный испанец
Или видевший бога поэт.

Октябрь 1912

250

В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

* Давай! Пошел! (исп.). — Ред.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912

251

Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: *Ленора*.
Эдгар По

Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный
Решал всё тот же я — мучительный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним — лохматый пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?»
Пред Геннем Судьбы пора смириться, сёр.

«Но в старости — возврат и юности, и жара...» —
Так начал я... но он настойчиво прервал:
«Она — всё та ж: *Линор безумного Эдгара*.
Возврата нет. — Еще? Теперь я всё сказал».

И странно: жизнь была — восторгом, бурей, адом,
А здесь — в вечерний час — с чужим наедине —
Под этим деловым, давно спокойным взглядом,
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной бессменно.
В час горький на меня уставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: *Пора смириться, сёр*.

2 ноября 1912

Есть в напевах твоих сокровенных
 Роковая о гибели весть.
 Есть проклятье заветов священных,
 Поругание счастья есть.

И такая влекущая сила,
 Что готов я твердить за молвой,
 Будто ангелов ты низводила,
 Соблазняя своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
 Над тобой загорается вдруг
 Тот неяркий, пурпурово-серый
 И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда.
 Мудрено про тебя говорят:
 Для иных ты — и Муза, и чудо.
 Для меня ты — мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
 В час, когда уже не было сил,
 Не погиб я, но лик твой заметил
 И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
 Так за что ж подарила мне ты
 Лут с цветами и твердь со звездами —
 Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
 И хмельней золотого аи,
 И любви цыганской короче
 Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
 В попираньи заветных святынь,
 И безумная сердцу услада —
 Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

Мой бедный, мой далекий друг!
 Пойми, хоть в час тоски бессонной,
 Таинственно и неуклонно
 Снедающий меня недуг...
 Зачем в моей стесненной груди
 Так много боли и тоски?
 И так ненужны маяки,
 И так давно постыли люди,
 Уныло ждущие Христа...
 Лишь дьявола они находят...
 Их лишь к отчаянью приводят
 Извечно лгущие уста...
 Все, кто намеренно щадит,
 Кто без желанья ранит больно...
 Иль — порываний нам довольно,
 И лишь недуг — надежный щит?

29 декабря 1912

В сыром ночном тумане
 Всё лес, да лес, да лес...
 В глухом сыром бурьяне
 Огонь блеснул — исчез...

Опять блеснул в тумане,
 И показалось мне:
 Изба, окно, герани
 Алеют на окне...

В сыром ночном тумане
 На красный блеск огня,
 На алые герани
 Направил я коня...

И вижу: в свете красном
 Изба в бурьян вросла,
 Неведомо несчастным
 Быльём поросла...

И сладко в очи глянул
 Неведомый огонь,

И над бурьяном прынул
Испуганный мой конь...

«О, друг, здесь цел не будешь,
Скорей отсюда прочь!
Доедешь — всё забудешь,
Забудешь — канешь в ночь!

В тумане да в бурьяне,
Гляди, — продашь Христа
За жадные герани,
За алые уста!»

Декабрь 1912

255-260. О ЧЕМ ПОЕТ ВЕТЕР

1

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Там какую-то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чем, что прошло, не грущу.

Только, вот, принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь тогда..
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,
Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

19 октября 1913

2

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за сердце берет...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой
Баюкает и нежит время...

Так древни мы,
Так древен мира
Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...

Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздохнуть — и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...

Возврата нет
Страстям и думам...
Смотри, смотри:
С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
Последний свет
Померк. Умри.
Померк последний свет зари.

19 октября — 27 декабря 1913

Милый друг, и в этом тихом доме
 Лихорадка бьет меня.
 Не найти мне места в тихом доме
 Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга,
 Страшен мне уют...
 Даже за плечом твоим, подруга,
 Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
 Слышу трепет крыл...
 Бьет в меня светящими очами
 Ангел бури — Азраил!

Октябрь 1913 (26 августа 1914)

Из ничего — фонтаном синим
 Вдруг брызнул свет.
 Мы головы наверх закинем —
 Его уж нет,
 Рассыпался над черной далью
 Златым пучком,
 А здесь — опять, — дугой, спиралью,
 Шаром, волчком,
 Зеленый, желтый, си́ний, красный —
 Вся ночь в лучах...
 И, всполошив ее напрасно,
 Зачах.

Октябрь 1913 (26 августа 1914)

Вспомнил я старую сказку,
 Слушай, подруга, меня.
 Сказочник добрый и старый
 Тихо сидел у огня.

Дождик стучался в окошко,
Ветер в трубе завывал.
«Плохо теперь бесприютным!» —
Сказочник добрый сказал.

В дверь постучались легонько,
Сказочник дверь otvorил,
Ветер ворвался холодный,
Дождик порог окатил...

Мальчик стоит на пороге
Жалкий, озябший, нагой,
Мокрый колчан за плечами,
Лук с тетивой тугой.

И, усадив на колени,
Греет бедняжку старик.
Тихо доверчивый мальчик
К старому сердцу приник.

«Что у тебя за игрушки?» —
«Их подарила мне мать». —
«Верно, ты стрелы из лука
Славно умеешь пускать?»

Звонко в ответ засмеялся
Мальчик и на пол прыгнул.
«Вот как умею!» — сказал он
И тетиву натянул...

В самое сердце попал он,
Старое сердце в крови...
Как неожиданно ранят
Острые стрелы любви!

Старик, терпи
Тяжкий недуг,
И ты, мой друг,
Терпи и спи,
Спи, спи,
Не забудешь никогда
Старика,
Провспоминаешь ты года,
Провспоминаешь ты века,

И средь растущей темноты
Припомнишь ты
И то и се,
Всё, что было,
Что манило,
Что цвело,
Что прошло, —
Всё, всё.

Октябрь 1913 (26 августа 1914)

6

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню неясно,
Это — отрывок случайный,
Это — из жизни *другой* мне
Жалобный ветер напел...

Верь, друг мой, сказкам: я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров,
И темный времени полет
Следить,
И вместе с ветром петь;
Так легче жить,
Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост
Нам в вечность перекинет мост,
Надеяться и ждать...

Жди, старый друг, терпи, терпи,
Терпеть недолго, крепче спи,
Всё равно всё пройдет,

Всё равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня,
 Ни что ветер поет
 Нам, звеня...

Октябрь 1913 (26 августа 1914)

261

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — в крови...
Тоскою, страстью, огневицей
Идет безумие любви...

Пол-сердца — туча грозовая,
Под ней — всё глушь, всё немота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душно,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

22 ноября 1913

262. СЕДОЕ УТРО

Утро туманное, утро седое...

Тургенев

Утрет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольца,
И я — который раз подряд —
Целую кольца, а не руки...
В плече, откинута назад, —

Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд — как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

29 ноября 1913

263. НОВАЯ АМЕРИКА

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непонятная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлые санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектеньи, ектеньи, ектеньи —
Шепотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орарем...

А уж там, за рекой полноводной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышны гуды в далекой дали...

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянёт половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг
Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты обернулась мне ликом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воеет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

12 декабря 1913

264. ХУДОЖНИК

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скуку смертельную
Легкий, доселе не слышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянет он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирины райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осыпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длятся часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движение и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

12 декабря 1913

265

Я вижу блеск, забытый мной,
Я различаю на мгновенье
За скрипками — иное пенье,
Тот голос низкий и грудной,

Каким ответила подруга
На первую любовь мою.
Его доныне узнаю
В те дни, когда бушует вьюга,

Когда бывшее без следа
Прошло, и лишь чужие страсти
Напоминают иногда,
Напоминают мне — о счастье.

12 декабря 1913

266

Ты говоришь, что я дремлю,
Ты унизительно хохочешь.
И ты меня заставить хочешь
Сто раз произнести: *люблю*.

Твой южный голос томен. Стан
Напоминает стан газели,
А я пришел к тебе из стран,
Где вечный снег и вой метели.

Мне странен вальса легкий звон
И душный облак над тобою.
Ты для меня — прекрасный сон,
Сквозящий пылью снеговою...

И я боюсь тебя назвать
По имени. Зачем мне имя?
Дай мне тревожно созерцать
Очами жадными моими

Твой южный блеск, забытый мной,
Напоминающий напрасно
День улетевший, день прекрасный,
Убитый ночью снеговой.

12 декабря 1913

267

Ваш взгляд — его мне подстеречь...
Но уклоняете вы взгляды...
Да! Взглядом — вы боитесь сжечь
Меж нами вставшие преграды!

Когда же отойду под сень
Колонны мраморной утрюмо,
И пожирающая дума
Мне на лицо нагонит тень,

Тогда — утрюмому скитальцу
Вослед скользнет ваш беглый взгляд,
Тревожно шелк зашевелят
Трепещущие ваши пальцы,

К ланитам хлынувшую кровь
Не скроет море кружев душевных,
И я прочту в очах послушных
Уже ненужную любовь.

12 декабря 1913

О, нет! не расколдуешь сердца ты
 Ни лестию, ни красотой, ни словом.
 Я буду для тебя чужим и новым,
 Всё призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
 Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
 Всё будет сном: что ты хоронишь тело,
 Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена *красивыми* мечтами,
 Ты укоризны будешь слать судьбе.
 Украсишь ты нежнейшими цветами
 Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
 В девятый день, и в день сороковой —
 Неузнанной, *красивой*, неживою.
 Такой ведь ты искала? — Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
 Захочешь жить, сначала робко, ты
 Другими снами, сказками не теми...
 И ты *простой* возжаждешь красоты.

И он придет, знакомый, долгожданный,
 Тебя будить от *неземного* сна.
 И в мир другой, на миг благоуханный,
 Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
 В тот день, когда придет твой новый друг,
 В тот самый миг, когда твой смех жемчужный
 Ему расскажет, что прошел *недуг*.

Забудешь ты мою могилу, имя...
 И вдруг — очнешься: пусто; нет огня;
 И в этот час, под ласками чужими,
 Припомнишь ты и призовешь — меня!

Как исступленно ты протянешь руки
 В глухую ночь, о, бедная моя!

Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913

269. АННЕ АХМАТОВОЙ

«Красота страшна» — Вам скажут, —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан — в волосах.

«Красота проста» — Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан — на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать; не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

16 декабря 1913

270

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был нечуток и груб
Человек, за которым следят, —

Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах сле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймет:
Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чьи глаза за тобою следят.

Не корысть, не влюбленность, не месть;
Так — игра, как игра у детей;
И в собрании каждом людей
Эти тайные *сызики* есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

18 декабря 1913

Натакнулись гитарные струны,
Сердце ждет.

Только тронь его голосом юным —
Запоет!

И старик перед хором
Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в серебре смуглые руки
Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

19 декабря 1913

272

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открылась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
Мне врученных не храня,
Был я царь и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели на меня.

Приручил я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счесть нам вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.

206

Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,
Я царицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель:
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скудный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томленье.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страстный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула, — и вдруг
День жестокий, день железный
Вкруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода — сталь и сталь.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарниц,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

19 декабря 1913

273

Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесть мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль — раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, лживой улыбкой,
За которой — страх могилы,
Беспокойство мертвеца.

30 декабря 1913

274

Ты — буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,
Ты — серый ветер рек разливных,
Обманчивый болотный свет.

208

Люблю тебя, как посох — странник,
Как воин — милую в бою,
Тебя провижу, как изгнанник
Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепеляешь ты, как страсть.

Декабрь 1913

275–283. ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1

Вполоборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушение тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко — гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер —
Твой не глядящий, скользкий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свидание, даже — любовь!

2 января 1914

2

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?

Нет! Глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!

22 марта 1914

3

Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воеет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, ощерись ты...

30 января 1914

4

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятья страшные. Чтоб долго длились муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молнии грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай — бездонной скуки ад.

Февраль 1912

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад,
Ночь, день ли там, в окне?

Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раскаяние — прочь!
Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет *никогда*,
Когда ты крикнешь: *Да!*

29 января 1914

6

Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...

...И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит бог на теле спящей
Свой световой узор.

2 января 1914

7

Ночь — как века, и томный трепет,
И страстный бред,
Уст о блаженно-странном лепет,
В окне — старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
Нет, не слова —
То, что теряет всё значенье,
Забрезжит бледный день едва...

Тогда — во взгляде глаз усталом —
Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!

27 декабря 1913

8

Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольце — померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви...

А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,

Звон и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич....
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, —

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909 (Июль 1914)

9

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
Горит заревая кайма.

Далекie, влажные доли
И близкое, бурное счастье!
Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.

Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!

13 марта 1910 (21 февраля 1914)

284

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Безличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —

Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

*Простим угрюмство — разве это
Скрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!*

5 февраля 1914

285

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

286

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала́ зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,

Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям, — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

1911—6 февраля 1914
Aber' Wrach, Finistère

287—294. ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1

Весь день — как день: трудов исполнен малых
И мелочных забот.

Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, — а в глубине покорный:
Не выгорит — и пусть.

На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.

Когда ж в морозный мрак засмотрится столица
И полночь пропоет, —

И рад бы ты уснуть, но — страшная минута!
Средь всяких прочих дум —

Бессмысленность всех дел, безрадостность уюта
Придут тебе на ум.

И тихая тоска сожмет так нежно горло:
Ни охнуть, ни вздохнуть,

Как будто ночь на всё проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь!

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь:
Куда ни повернись — глядит в глаза пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет всё равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914

2

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной,
Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

3

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,

И конец очарованиям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался *мукой ада*,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...

Долго, жалобно болела,
Тело тихо холодело,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похвать, — а сердца нет.

Сердце — крашеный мертвец.
И, когда настал конец,
Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

4

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделение,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Таращил сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!
В такой же гульбе
Его добродетель!

30 декабря 1913 (12 февраля 1914)

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
«Где деньги твои?» — «Снес в кабак». —
«Где сердце?» — «Закинуто в омут».

«Чего ж тебе надо?» — «Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в униженьи, смиренен,
А больше, мой друг, ничего». —

«Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!» —
«Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...»

И правда (ну, задал задачу!),
Гляжу — близ меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и плачу.

30 декабря 1913 (3 января 1914)

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца (*поклонники Пушкина*)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(*Из Надсона и символистов*).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,
Надушенный чужими духами.
Розы поставьте на стол —
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол...

После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.
Критик, громя *футуризм*,
Символизмом шпынял,
Заключив *реализмом*.
В кинематографе вечером
Знатный барон целовался под пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньянца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный —
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дольного мира
В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забьются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрощая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — *не лучше ль,*
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом?

24 мая 1914

Г о в о р я т ч е р т и :

Греси, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по праву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно — очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в иступленном покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

Г о в о р и т с м е р т ь :

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился — и ранний
Жар юности простыл — и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить бога —
Уж он — не голос, только — стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.

10 декабря 1915

295

Как день, светла, но непонятна,
Вся — явь, но — как обрывок сна,
Она приходит с речью внятной,
И вслед за ней — всегда весна.

Вот здесь садится и болтает.
Ей нравится дразнить меня
И намекать, что всякий знает
Про тайный вихрь ее огня.

Но я, не вслушиваясь строго
В ее порывистую речь,
Слежу, как ширится тревога
В сиянии глаз и в дрожи плеч.

Когда ж дойдут до сердца речи,
И опьянят ее духи,
И я влюблюсь в глаза и в плечи,
Как в вешний ветер, как в стихи, —

Сверкнет холодное запястье,
И, речь прервав, она сама
Уже твердит, что сила страсти —
Ничто пред холодом ума!..

20 февраля 1914

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если б и были высокие муки, —
Что нужды? — Я вижу печальное шествие ночи.

Ведь солнце, положенный круг обойдя, закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце молилось, —
Молилось и пело тебя, но ведь ты — не царица.

Царем я не буду: ты власти мечты не делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не хотела.
Вот новая ноша: пока не откроет могила
Сырые объятия, — тащиться без важного дела...

Но я — человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смирю я: она всё сильнее.
То *ревность по дому*, тревогою сердце снедая,
Твердит неотступно: *Что делаешь, делай скорее.*

21 февраля 1914

297. ГОЛОС ИЗ ХОРА

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, если б знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя, ты будешь ждать —
Весна обманет.
Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте ж довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, если б знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

6 июня 1910 — 27 февраля 1914

298–307. КАРМЕН

Л. А. Д.

1

*Как океан меняет цвет,
Когда в нагроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, —
Так сердце под грозой невучей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явленьем Карменситы.*

4 марта 1914

2

На небе — празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок,
И в сонный входит вихрь смятенная душа...

Что́ месяца нежней, что́ зорь закатных выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой крышей,
Окно, горящее не от одной зари...

24 марта 1914

3

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но как ночью тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным,
И голос — рокотом забытых бурь.

24 марта 1914

4

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

5

Среди поклонников Кармен,
Спевающих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,

Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участия,
Когда же бубен зазвучит
И глухо зазвонят запястья, —
Он вспоминает дни весны,
Он средь бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

26 марта 1914

6

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движениях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы.)
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидилья,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),
Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,

И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...

А там: Уйдем, уйдем от жизни,
Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

7

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный — поля,
И залиvistый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшен мне цвет этих роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в плену у Кармен?

30 марта 1914

8

Ты — как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в куще сплетенных ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Сдавливает бурю цыганских страстей.

28 марта 1914

9

О да, любовь вольна, как птица,
Да, всё равно — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как нерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!

Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...

И в тихий час ночной, как пламя,
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.

Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,
Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен, —
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

10

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности женской
За прелесть дивную — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе — лишь красный облак дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

31 марта 1914

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли — точно у девушки нежные,
А о чем — и сама не пойму.

Всё гляжусь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вон лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё же кровь розовеет... на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

14 мая 1914

309. ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

Боль проходит понемногу,
Не навек она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым крутом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сновидений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда,
Чтоб в последний раз проплыли
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потопили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, злато —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Злато, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава,
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки, и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши шелесты в овсе...

А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

14 мая 1914

Смычок запел. И облак душный
 Над нами встал. И соловьи
 Приснились нам. И стан послушный
 Скользнул в объятия мои...
 Не соловей — то скрипка пела,
 Когда ж оборвалась струна,
 Кругом рыдала и звенела,
 Как в вешней роще, тишина...
 Как там, в рыдающие звуки
 Вступала майская гроза...
 Пугливые сближались руки,
 И жгли смеженные глаза...

14 мая 1914

311. КОРОЛЕВНА

Не было и нет во всей подлунной
 Белоснежной плеч.
 Голос нежный, голос многострунный,
 Льстивая, смеющаяся речь.

Все певцы полночные напевы
 Ей слагают, ей.
 Шепчутся завистливые девы
 У ее немых дверей.

Темный рыцарь, не подняв забрала,
 Жадно рвется в бой;
 То она его на смерть послала
 Белоснежною рукой.

Но, когда одна, с холодной башни
 Всё глядит она
 На поля, леса, озера, пашни
 Из высокого окна.

И слеза сияет в нежном взоре,
 А вдали, вдали
 Ходят тучи, да алеют зори,
 Да летают журавли...

Да еще — души ее властитель,
Тот, кто навсегда
Путь забыл в далекую обитель, —
Не вернется никогда!

28 ноября 1908 — 16 мая 1914

312

Я помню нежность ваших плеч —
Они застенчивы и чутки.
И лаской прерванную речь,
Вдруг, после болтовни и шуток.

Волос червонную руду
И голоса грудные звуки.
Сирени темной в час разлуки
Пятиконечную звезду.

И то, что больше и странней:
Из вихря музыки и света —
Взор, полный долгого привета,
И тайна *верности*... твоей.

1 июля 1914

313

Ты жил один! Друзей ты не искал
И не искал единоверцев.
Ты острый нож безжалостно вонзал
В открытое для счастья сердце.

«Безумный друг! Ты мог бы счастлив быть!..» —
«Зачем? Средь бурного ненастья
Мы, всё равно, не можем сохранить
Неумирающего счастья!»

26 августа 1914

314

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять ночам и дням,

И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом.

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз подряд
Поцеловать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого-нибудь,
И пса голодного от двери,
Икнув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне...
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

26 августа 1914

315

Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деда сруб горячий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет,
И песни не споет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.

Навеки непробудной тенью
Ресницы мхов опушены,

Спят, убаюканные ленью
Людской врагини — тишины.

И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле —
Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные,
Родясь в глуши и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

Октябрь 1927 — 29 августа 1914

316

Та жизнь прошла,
И сердце спит,
Утомлено.
И ночь опять пришла,
Бесстрашная — глядит
В мое окно.

И выпал снег,
И не прогнать
Мне зимних чар...
И не вернуть тех нег,
И странно вспоминать,
Что был пожар.

31 августа 1914

317

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо — всё мимо, мимо,
Впереди — неизвестность пути...

Благословенно, неизгладимо,
Невозвратно... прости!

31 августа 1914

318

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссе́йная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бога,
Не хрусти, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест изда́лека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..

И опять влечет неудержимо
Вда́ль из тихих мест
Путь шоссе́йный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд...

Август 1914

319. ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

Да, я изведала все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице...

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встреть,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!..
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?..

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор, —

И вдруг, с мучительным усилием,
Чуть слышно произносит он:
«О, не пугайтесь. Здесь в могиле
Ребенок мой похоронен».

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: «Букет забыли вы». —

«Цветы я в память встречи с вами
Ребенку вашему отдам...»
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: «Они нужнее вам».

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Август 1914

Петроградское небо мутилось дождем,
 На войну уходил эшелон.
 Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
 Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
 Боль разлуки, тревоги любви,
 Сила, юность, надежда... В закатной дали
 Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга* одни,
 А другие — не в лад — *Ермака*,
 И кричали *ура*, и шутили они,
 И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
 Раскачнувшись, фонарь замигал,
 И под черною тучей веселый горнист
 Заиграл к отправленью сигнал.

И военною славой заплакал рожок,
 Наполняя тревогой сердца.
 Громыханье колес и охрипший свисток
 Заглушило *ура* без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
 И сошла тишина до утра,
 А с дождливых полей всё несло к нам *ура*,
 В грозном клике звучало: *пора!*

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
 Несмотря на дождливую даль.
 Это — ясная, твердая, верная сталь,
 И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает пожар,
 Гром орудий и топот коней.
 Грусть — ее застилает отравленный пар
 С галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забить не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья ль в вас, надежды ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят царствие твое!

8 сентября 1914

322. АНТВЕРПЕН

Пусть это время далекó,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет снастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...

Но всё — притворство, всё — обман:
Взгляни! наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружащийся аэроплан.

5 октября 1914

323

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зримей
Сияние Ее лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозь,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

324

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,

И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издали́ несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

325

Разлетясь по всему небосклону,
Огнечерная туча идет.
Я пишу в моей келье мадонну,
Я пишу — моя дума растет.

Вот я вычертил лик ее нежный,
Вот под кистью рука расцвела,
Вот сияют красой белоснежной
Два небесных, два легких крыла...

Огнечерные отсветы ярче
На суровом моем полотне...
Неотступная дума всё жарче
Обнимает, прильнула ко мне...

25 декабря 1914

326

Распушилась, раскачнулась
Под окном ветла.
Божья мать улыбнулась
С красного угла.

Отложила молодица
Зимнюю кудель...

Поглядеть, как веселится
В улице апрель!

Раскрутился над рекою
Красный сарафан,
Счастьем, удалью, тоскою
Задышал туман.

И под ветром заметались
Кончики платка,
А прохожим примечтались
Алых два цветка.

И кто шел путем-дорогой
С дальнего села,
Стал просить весны у бога,
И весна пришла.

25 декабря 1914

327

Протекли за годами года,
И слепому и глупому мне
Лишь сегодня приснилось во сне,
Что она не любила меня никогда...

Только встречным случайным я был,
Только встречным я был на пути,
Но остыл тот младенческий пыл,
И она мне сказала: прости.

А душа моя — той же любовью полна,
И минуты с другими отравлены мне,
Та же дума — и песня одна
Мне звучала сегодня во сне...

30 сентября 1915 (9 июня 1916)

328

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнюю
Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

30 сентября 1915 (9 июня 1916)

329

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу, —
Всё ты волнуешь мне душу
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность —
И, замыкаясь, молчу.

8 октября 1915

330. ПЕРЕД СУДОМ

Что́ же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в униженьи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь..

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь — такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная, прости меня!

11 октября 1915

Похоронят, зароют глубоко,
 Бедный холмик травой порастет,
 И услышим: далёко, высоко
 На земле где-то дождик идет.

Ни о чем уж мы больше не спросим,
 Пробудясь от ленивого сна.
 Знаем: если не громко — там осень,
 Если бурно — там, значит, весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
 Не вступают восторг и тоска,
 Что от муки любви и разлуки
 Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
 Здесь, пожалуй, надумаем мы,
 Что под жизнью беспутной и путной
 Разумели людские умы.

18 октября 1915

Милая девушка, что ты колдуешь
 Черным зрачком и плечом?
 Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь;
 Только — я здесь ни при чем.

Знаю, что этой игрою опасной
 Будешь ты многих пленять,
 Что превратишься из женщины страстной
 В умную нежную мать.

Но, испытавши судьбы перемены, —
 Сколько блаженств и потерь! —
 Вновь ты родишься из розовой пены
 Точно такой, как теперь.

9 декабря 1915

На улице — дождик и слякоть,
 Не знаешь, о чем горевать.
 И скучно, и хочется плакать,
 И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
 И дум неотвязный угар.
 Давай-ка, наколем лучины,
 Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
 Ворчливые речи мои
 Затеплят случайным весельем
 Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
 За то, чтобы жить не спеша!
 Авось, и распарит кручину
 Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

От знающего почерк ясный
 Руки прилежной и прекрасной,
 На память вечную о том
 Лишь двум сердцам знакомом мире,
 Который вспыхнул за окном
 Зимой, над Ponte dei Sospiri... *

15 декабря 1915

* Мост Вздохов (ит.). — Ред.

Превратила всё в шутку сначала,
 Поняла — принялась укорять,
 Головою красивой качала,
 Стала слезы платком вытирать.

И, зубами дразня, хохотала,
 Неожиданно всё позабыв.
 Вдруг припомнила всё — зарыдала,
 Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
 Воротилась, чего-то ждала,
 Проклинала, спиной повернулась
 И, должно быть, навеки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
 За старинное дело свое. —
 Неужели и жизнь отшумела,
 Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916

Дикий ветер
 Стекла гнет,
 Ставни с петель
 Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
 Звон далекий, звон печальный,
 Глухота и чернота.

Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед,
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

337. КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынный луг. —
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней. —
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1916

Иди, иди за мной — покорной
И верною моей рабой.
Я на сверкнувший гребень горный
Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет ужас бесполезный —
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, —

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездою,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры —
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти..

И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

9 июня 1916

339

Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочитать ты умел,
Что грядущие ночи — темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот — свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шел я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.
И к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволнениям отдаться спеша, —
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участия у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь свящённым гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916

340. СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы,
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час.
Мы, как послушные холопы,
Держали щит меж двух враждебных рас
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессины!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда,
И каждый день обиды множит,
И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений.

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецянские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кельна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятия!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! Мы станем — братья!

А если нет, — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинять
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей

Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.

Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир!
На братский пир труда и мира,
В последний раз на светлый братский пир
Сзывает варварская лира!

30 января 1918

341. Э. ГИППИУС

(При получении «Последних стихов»)

Женщина, безумная гордячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!

Все слова — как ненависти жала,
Все слова — как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвее целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу — море, море,
Исполинский очерк новых стран,

Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне — бросаться в многопенный вал,
Вам — зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко — над нами — над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя — Интернационал!

6 июня 1918

342. РУССКИЙ БРЕД

Зачинайся, русский бред...

...Древний образ в темной раке,
Перед ним подлец во фраке,
В лентах, звездах и крестах...

Воз скрипит по колее,
Поп идет по солее...

Три... в автомобиле...

Есть одно, что в ней скончалось
Безвозвратно,
Но нельзя его оплакать
И нельзя его почитать,
Потому что там и тут
В кучу сбившиеся тупо
Толстопузые мещане
Злобно чтут
Дорогую память трупа —
Там и тут,
Там и тут...

Так звени стрелой в тумане,
Гневный стих и гневный вздох.
Плач заказан, снов не свяжешь
Бредовым...

Февраль 1918 — 8 апреля 1919

Вы жизнь по-прежнему нисколько
Не знаете. Сменилась полька
У них печальным *кикапу*...
И что Вам, умной, за охота
Швырять в них солью анекдота,
В них видеть только шантрапу?

Май 1919

Яблони сада вырваны,
 Дети у женщины взяты,
 Песню не взять, не вырвать,
 Сладостна боль ее.

Август 1920

345–346. ДВЕ НАДПИСИ НА СБОРНИКЕ «СЕДОЕ УТРО»

1

Вы предназначены не мне.
 Зачем я видел Бас во сне?
 Бывает сон — всю ночь один:
 Так видит Даму паладин,
 Так раненому снится враг,
 Изгнаннику — родной очаг,
 И капитану — океан,
 И деве — розовый туман...
 Но сон мой был иным, иным,
 Незъясним, неповторим,
 И если он приснится вновь,
 Не возвратится к сердцу кровь...
 И сам не знаю, для чего
 Сна не скрываю моего,
 И слов, и строк, ненужных Вам,
 Как мне, — забвенью не предам.

23 октября 1920

Едва в глубоких снах мне снова
Начнет былое воскресать, —
Рука уж вывести готова
Слова, которых не сказать...
Но я руке не позволяю
Писать про виденные сны,
И только книжку посылаю
Царице песен и весны...
В моей душе, как келья, душной
Все эти песни родились.
Я их любил. И равнодушно
Их отпустил. И понеслись...
Неситесь! Буря и тревога
Вам дали легкие крыла,
Но нежной прихоти немного
Иным из вас *она* дала...

24 октября 1920

347. ПУШКИНСКОМУ ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
 В Академии Наук!
 Звук понятный и знакомый,
 Не пустой для сердца звук!

Это — звоны леодохода
 На торжественной реке,
 Перекличка парохода
 С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
 Вслед медлительной волне,
 Всадник бронзовый, летящий
 На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
 Над таинственной Невой,
 Как мы черный день встречали
 Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
 Открывала нам река!
 Но не эти дни мы звали,
 А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
 Кратковременный обман,
 Прозревали дней грядущих
 Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
 Пели мы вослед тебе!

Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем, в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

11 февраля 1921

ПОЭМЫ

348. СОЛОВЬИНЫЙ САД

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, — и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, — отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиный,
Что-то шепчут ручьи и листья.

Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот,
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом — отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

Знойный день догорает бесследно,
 Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
 И осел удивляется, бедный:
 «Что, хозяин, раздумался ты?»

Или разум от зноя мутится,
 Замечтался ли в сумраке я?
 Только всё неотступнее снится
 Жизнь другая — моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной
 Я, бедняк обездоленный, жду,
 Повторяя напев неизвестный,
 В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья
 В этот сад, обнесенный стеной,
 В синем сумраке белое платье
 За решеткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
 Прохожу мимо этих ворот,
 И она меня, легкая, манит
 И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженье и пеньи
 Я забытое что-то ловлю,
 И любить начинаю томленье,
 Недоступность ограды люблю.

Отдыхает осел утомленный,
 Брошен лом на песке под скалой,
 А хозяин блуждает влюбленный
 За ночною, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
 Но сегодня — таинственный путь
 Вновь приводит к ограде тенистой,
 Убегающей в синюю муть.

И томление всё безысходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшна,
Не стучал я — сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий,
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли объятия те,
И звенели, спадая, запястья
Громче, чем в моей нищей мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

5

Пусть укрыла от дольного горя
Утонувшая в розах стена,—
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг — виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
Обвиваясь горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
«Что с тобою, возлюбленный мой?»

Но, вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как дети, —
Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!..
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задержнул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынный,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? — И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжелый, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или всё еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне...

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, — он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и пропали они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

6 января 1914 — 14 октября 1915

349. ВОЗМЕЗДИЕ

Юность — это возмездие.

Ибсен

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не чувствуя ни нужды, ни охоты заканчивать поэму, полную революционных предчувствий, в года, когда революция уже произошла, я хочу предпослать наброску последней главы* рассказ о том, как поэма родилась, каковы были причины ее возникновения, откуда произошли ее ритмы.

Интересно и небесполезно и для себя и для других припомнить историю собственного произведения. К тому же нам, счастливейшим или несчастливейшим детям своего века, приходится помнить всю свою жизнь; все годы наши резко окрашены для нас, и — увы! — забыть их нельзя, — они окрашены слишком неизгладимо, так что каждая цифра кажется написанной кровью; мы и не можем забыть этих цифр; они написаны на наших собственных лицах.

Поэма «Возмездие» была задумана в 1910 году и в главных чертах набросана в 1911 году. Что это были за годы?

1910 год — это смерть Коммиссаржевской, смерть Врубеля и смерть Толстого. С Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене; с Врубелем — громадный личный мир художника, безумное упорство, ненасытность исканий — вплоть до помешательства. С Толстым умерла человеческая нежность — мудрая человечность.

Далее, 1910 год — это кризис символизма, о котором тогда очень много писали и говорили как в лагере символистов, так и в противоположном. В этом году явственно дали о себе знать направления, которые встали во враждебную позицию и к символизму и друг к другу: акмензм, эгофутуризм и первые начатки футуризма. Лозунгом первого из этих направлений был человек — но какой-то уже другой человек, вовсе без человечности, какой-то «первозданный Адам».

Зима 1911 года была исполнена глубокого внутреннего мужественного напряжения и трепёта. Я помню ночные разговоры, из ко-

* Предисловие было написано в связи с публикацией третьей главы поэмы. — *Ред.*

торых впервые выросло сознание нераздельности и неслиянности искусства, жизни и политики. Мысль, которую, по-видимому, будили сильные толчки извне, одновременно стучалась во все эти двери, не удовлетворяясь более слиянием всего воедино, что было легко и возможно в истинном мистическом сумраке годов, предшествовавших первой революции, а также — в неистинном мистическом похмелье, которое наступило вслед за нею.

Именно мужественное веяние преобладало: трагическое сознание неслиянности и нераздельности всего — противоречий непримиримых и требовавших примирения. Ясно стал слышен северный жесткий голос Стриндберга, которому остался всего год жизни. Уже был ощущением запах гари, железа и крови. Весной 1911 года П. Н. Милюков прочел интереснейшую лекцию под заглавием «Вооруженный мир и сокращение вооружений». В одной из московских газет появилась пророческая статья: «Близость большой войны». В Киеве произошло убийство Андрея Ющинского, и возник вопрос об употреблении евреями христианской крови. Летом этого года, исключительно жарким, так что трава горела на корню, в Лондоне происходили грандиозные забастовки железнодорожных рабочих, в Средиземном море — разыгрался знаменательный эпизод «Пантера — Агадир».

Неразрывно со всем этим связан для меня расцвет французской борьбы в петербургских цирках; тысячная толпа проявляла исключительный интерес к ней; среди борцов были истинные художники; я никогда не забуду борьбы безобразного русского тяжеловеса с голландцем, мускульная система которого представляла из себя совершеннейший музыкальный инструмент редкой красоты.

В этом именно году, наконец, была в особенной моде у нас авиация; все мы помним ряд красивых воздушных петель, полетов вниз головой, — падений и смертей талантливых и бездарных авиаторов.

Наконец, осенью в Киеве был убит Столыпин, что знаменовало окончательный переход управления страной из рук полудворянских, получиновничьих в руки департамента полиции.

Все эти факты, казалось бы столь различные, для меня имеют один музыкальный смысл. Я привык сопоставлять факты из всех областей жизни, доступных моему зрению в данное время, и уверен, что все они вместе всегда создают единый музыкальный напор.

Я думаю, что простейшим выражением ритма того времени, когда мир, готовившийся к неслыханным событиям, так усиленно и планомерно развивал свои физические, политические и военные мускулы, был *ямб*. Вероятно, потому повлекло и меня, издавна гонимого по миру бичами этого *ямба*, отдаться его упругой волне на более продолжительное время.

Тогда мне пришлось начать постройку большой поэмы под названием «Возмездие». Ее план представлялся мне в виде концентриче-

ских кругов, которые становились всё уже и уже, и самый маленький круг, съезжившись до предела, начинал опять жить своей самостоятельной жизнью, распирать и раздвигать окружающую среду и, в свою очередь, действовать на периферию. Такова была жизнь чертежа, который мне рисовался, — в сознание и на слова я это стараюсь перевести лишь сейчас; тогда это присутствовало преимущественно в понятии музыкальном и мускульном; о мускульном сознании я говорю недаром, потому что в то время все движение и развитие поэмы для меня тесно соединилось с развитием мускульной системы. При систематическом ручном труде развиваются сначала мускулы на руках, так называемые — бицепсы, а потом уже — постепенно — более тонкая, более изысканная и более редкая сеть мускулов на груди и на спине под лопатками. Вот такое ритмическое и постепенное нарастание мускулов должно было составлять ритм всей поэмы. С этим связана и ее основная идея, и тема.

Тема заключается в том, как развиваются звенья единой цепи рода. Отдельные отпрыски всякого рода развиваются до положенного им предела и затем вновь поглощаются окружающей мировой средой; но в каждом отпрыске зреет и отлагается нечто новое и нечто более острое, ценою бесконечных потерь, личных трагедий, жизненных неудач, падений и т. д.; ценою, наконец, потери тех бесконечно высоких свойств, которые в свое время сияли, как лучшие алмазы в человеческой короне (как, например, свойства гуманные, добродетели, безупречная честность, высокая нравственность и проч.).

Словом, мировой водоворот засасывает в свою воронку почти всего человека; от личности почти вовсе не остается следа, сама она, если остается еще существовать, становится неузнаваемой, обезображенной, искалеченной. Был человек — и не стало человека, осталась дрянная вялая плоть и тлеющая душонка. Но семя брошено, и в следующем первенце растет новое, более упорное; и в последнем первенце это новое и упорное начинает, наконец, ощутительно действовать на окружающую среду; таким образом, род, испытавший на себе возмездие истории, среды, эпохи, начинает, в свою очередь, творить возмездие; последний первенец уже способен огрызаться и издавать львиное рычание; он готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества. И, может быть, ухватится-таки за него...

Что же дальше? Не знаю, и никогда не знал; могу сказать только, что вся эта концепция возникла под давлением все растущей во мне ненависти к различным теориям прогресса.

Такую идею я хотел воплотить в моих «Rougon-Macquar'ах» в малом масштабе, в коротком обрывке рода русского, живущего в условиях русской жизни: «Два-три звена, и уж видны заветы темной старины»... Путем катастроф и падений мой «Rougon-Macquar'ы»

постепенно освобождаются от русско-дворянского *éducation sentimentale*,* «уголь превращается в алмаз», Россия — в новую Америку; в новую, а не в старую Америку.

Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога. Каждая глава обрамлена описанием событий мирового значения; они составляют ее фон.

Первая глава развивается в 70-х годах прошлого века, на фоне русско-турецкой войны и народовольческого движения, в просвещенной либеральной семье; в эту семью является некий «демон», первая ласточка «индивидуализма», человек, похожий на Байрона, с какими-то нездешними порывами и стремлениями, притупленными, однако, болезнью века, начинающимся *fin de siècle*.**

Вторая глава, действие которой развивается в конце XIX и начале XX века, так и не написанная, за исключением вступления, должна была быть посвящена сыну этого «демона», наследнику его мятежных порывов и болезненных падений, — бесчувственному сыну нашего века. Это — тоже лишь одно из звеньев длинного рода; от него тоже не останется, по-видимому, ничего, кроме искры огня, заброшенной в мир, кроме семени, кинутого им в страстную и грешную ночь в лоно какой-то тихой и женственной дочери чужого народа.

В третьей главе описано, как кончил жизнь отец, что случилось с бывшим блестящим «демоном», в какую бездну упал этот яркий когда-то человек. Действие поэмы переносится из русской столицы, где оно до сих пор развивалось, в Варшаву — кажущуюся сначала «задворками России», а потом призванную, по-видимому, играть некую месснианскую роль, связанную с судьбами забытой богом и истерзанной Польши. Тут, над свежей могилой отца, заканчивается развитие и жизненный путь сына, который уступает место собственному отпрыску, третьему звену все того же высоко взлетающего и низко падающего рода.

В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях, никому не ведомая и сама ни о чем не ведающая. Но она баюкает и кормит грудью сына, и сын растет; он начинает уже играть, он начинает повторять по складам вслед за матерью: «И я пойду навстречу солдатам... И я брошусь на их штыки.. И за тебя, моя свобода, взойду на черный эшафот».

Вот, по-видимому, круг человеческой жизни, съездившийся до предела, последнее звено длинной цепи; тот круг, который сам, наконец, начинает топорщиться, давить на окружающую среду, на периферию; вот отпрыск рода, который, может быть, наконец, ухватится ручонкой за колесо, движущее человеческую историю.

* Чувствительного воспитания (*фр.*). — *Ред.*

** Концом века (*фр.*). — *Ред.*

Вся поэма должна сопровождаться определенным лейтмотивом «возмездия»; этот лейтмотив есть *мазурка*, танец, который носил на своих крыльях Марину, мечтавшую о русском престоле, и Костюшку с протянутой к небесам десницей, и Мицкевича на русских и парижских балах. В первой главе этот танец легко доносится из окна какой-то петербургской квартиры — глухие 70-е годы; во второй главе танец гремит на балу, смешиваясь со звоном офицерских шпор, подобный пене шампанского *fin de siècle*, знаменитой *veuve Clicquot*; * еще более глухие — цыганские, алухтинские годы; наконец, в третьей главе мазурка разгуляется: она звенит в снежной вьюге, проносящейся над ночной Варшавой, над занесенными снегом польскими клеверными полями. В ней явственно слышится уже голос Возмездия.

12 июля 1919

ПРОЛОГ

- Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминуемый,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что видишь ты.
10 Твой взгляд — да будет тверд и ясен.
Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, — поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грешно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —
20 И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг верный,

* Вдова Кликко (*фр.*) — марка французского шампанского, — по фамилии владелицы фирмы. — *Ред.*

И Миме, карлик лицемерный,
В смятеньи падает у ног!

Кто меч скует? — Не знавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, — лишь умный раб,
Из глины созданный и праха, —
И мир — он страшен для меня.
³⁰ Герой уж не разит свободно, —
Его рука — в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой..
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
⁴⁰ И пахнет гарью. Там — пожар.

Но песня — песнью всё пребудет,
В толпе всё кто-нибудь поет.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою, —
Но не за вами суд последний,
⁵⁰ Не вам замкнуть мои уста!..
Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Денницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
⁶⁰ Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,

О том, что в здешнем мире живо,
 О том, как зреет гнев в сердцах,
 И с гневом — юность и свобода,
 Как в каждом дышит дух народа.
 Сыны отражены в отцах:
 Коротенький обрывок рода —
 70 Два-три звена, — и уж ясны
 Заветы темной старины;
 Созрела новая порода, —
 Угль превращается в алмаз.
 Он, под киркой трудолюбивой,
 Восстав из недр неторопливо,
 Предстанет — миру напоказ!
 Так бей, не знай отдохновенья,
 Пусть жила жизни глубока:
 Алмаз горит издалека —
 80 Дроби, мой гневный ямб, камня!

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Век девятнадцатый, железный,
 Воистину жестокий век!
 Тобою в мрак ночной, беззвездный
 Беспечный брошен человек!
 В ночь умозрительных понятий,
 Матерьялистских малых дел,
 Бессильных жалоб и проклятий
 Бескровных душ и слабых тел!
 С тобой пришли чуме на смену
 10 Нейрастения, скука, сплин,
 Век расшибанья лбов о стену
 Экономических доктрин,
 Конгрессов, банков, федераций,
 Застольных спичей, красных слов,
 Век акций, рент и облигаций,
 И малодейственных умов,
 И дарований половинных
 (Так справедливей — пополам!),
 Век не салонов, а гостиных,
 20 Не Рекамье, — а просто дам...
 Век буржуазного богатства
 (Растущего незримо зла!).
 Под знаком равенства и братства
 Здесь зрели темные дела...

А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...

- Но тот, кто двигал, управляя
30 Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насылая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной брани,
Казалось, отлетел от нас:
Там — распри кровные решают
Дипломатическим умом,
Там — пушки новые мешают
40 Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там — вместо храбрости — нахальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкóй обоз
Волóчит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кланя,
Рожком горниста — рог Роланда
И шлем — фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
50 И не устанут проклинять.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал — да жестко спать...

- Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
60 Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессины
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознание страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана

В пустыню неизвестных сфер...
И отвлечение от жизни,
70 И к ней безумная любовь,
И страсть и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь.
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...
Что ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
80 Открылись взору твоему?
О чем — машин немолчный скрежет?
Зачем — пропеллер, воя, режет
Туман холодный — и пустой?

Теперь — за мной, читатель мой,
В столицу севера больную,
На отдаленный финский брег!

Уж осень семьдесят восьмую
Дотягивает старый век.
В Европе спорится работа,
90 А здесь — по-прежнему в болото
Глядит унылая заря...
Но в половине сентября
В тот год, смотри, как солнца много!
Куда народ валит с утра?
И до заставы всю дорогу
Горохом сыплется ура,
И Забалканский, и Сенная
Кишат полицией, толпой,
Крик, давка, ругань площадная...
190 За самой городской чертой,
Где светится золотоголовый
Новодевичий монастырь,
Заборы, бойни и пустырь
Перед Московской заставой, —
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, двор и высший свет!
И пред растроганной царицей,

- 110 В осенней солнечной пыли,
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...
Идут, как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними — снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
- 120 И хитрый и неслабый враг...
Вон — павловцы, вон — гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
- 130 Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они — средь своего народа!
Чем встретит их родной народ?
Сегодня — прошлому забвенье,
Сегодня — тяжкие виденья
Войны — пусть ветер разнесет!
И в час торжественный возврата
Они забыли обо всем:
Забыли жизнь и смерть солдата
- 140 Под неприятельским огнем,
Ночей, для многих — без рассвета,
Холодную, немую твердь,
Подстерегающую где-то —
И настигающую смерть,
Болезнь, усталость, боль и голод,
Свист пуль, тоскливый вой ядра,
Зальдевших ложементов холод,
Негреющий огонь костра,
И даже — бремя вечной розни
- 150 Среди штабных и строевых,
И (может, горше всех других)
Забыли интендантов козни...
Иль не забыли, может быть? —

Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них — цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их — свято!
Смотри: у каждого солдата
160 На штык надет букет цветов!
У батальонных командиров —
Цветы на седлах, чепраках,
В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...

Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы: кто — сменять
На ранах корпию и вату,
Кто — на вечер лететь, пленять
Красавиц, щеголять крестами,
170 Слова небрежные ронять,
Лениво шевеля усами
Перед униженным «штрюком»,
Играя новым темляком
На алой ленточке, — как дети...
Иль, в самом деле, люди эти
Так интересны и умны?
За что они вознесены
Так высоко, за что в них вера?

В глазах любого офицера
180 Стоят видения войны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коне, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак неведимый,
190 Шутя спокойно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами

Тащить полковник помогал;
Как царский конь, храпя, запнулся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
200 И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...
Того, кто побыл на войне,
Перой пронизывает холод —
То роковое *всё равно*,
Которое подготавливает
Чреду событий мировых
Лишь тем одним, что не мешает...
Всё отразится на таких
210 Полубезумною насмешкой...
И власть торопится скорей
Всех тех, кто перестал быть пешкой,
В тур превращать, или в коней...

А нам, читатель, не пристало
Считать коней и тур никак,
С тобой нас нынче затесало
В толпу глазающих зевак,
Нас вовсе ликованье это
Заставило забыть вчера...
220 У нас в глазах пестрит от света,
У нас в ушах гремит *ура!*
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близ марширующих солдат,
И этот чувств прилив мгновенный
Здесь — в петербургском сентябре!
Смотри: глава семьи почтенный
Сидит верхом на фонаре!
230 Его давно супруга кличет,
Напрасной ярости полна,
И, чтоб услышал, зонтик тычет,
Куда не след, ему она.
Но он и этого не чувствует
И, несмотря на общий смех,
Сидит, и в ус себе не дует,
Каналья, видит лучше всех!..
Прошли... В ушах лишь стонет эхо,

А всё — не разогнать толпу;
240 Уж с бочкой водовоз проехал,
Оставив мокрою тропу,
И ванька, тумбу огибая,
Напер на барыню — орет
Уже по этому случаю
Бегущий подсобить народ
(Городовой — свистки дает)...
Проследовали экипажи,
В казармах сыграна заря, —
И сам отец семейства даже
250 Полез послушно с фонаря,
Но, расходясь, все ждут чего-то..
Да, нынче, в день возврата их,
Вся жизнь в столице, как пехота,
Гремит по камню мостовых,
Идет, идет — нелепым строем,
Великолепна и шумна...

Пройдет одно — придет другое,
Вглядись — уже не та она,
И той, мелькнувшей, нет возврата,
260 Ты в ней — как в старой старине..

Замедлил бледный луч заката
В высоком, невзначай, окне.
Ты мог бы в том окне заметить
За рамой — бледные черты,
Ты мог бы некий знак заметить,
Которого не знаешь ты,
Но ты проходишь — и не взглянешь,
Встречаешь — и не узнаешь,
Ты за другими в сумрак канешь,
270 Ты за толпой вослед пройдешь.
Ступай, прохожий, без вниманья,
Свой ус лениво теребя,
Пусть встречный человек и зданье —
Как все другие — для тебя.
Ты занят всякими делами,
Тебе, конечно, невдомек,
Что вот за *этими* стенами
И твой скрываться может рок..
(Но если б ты умом раскинул,
280 Забыв жену и самовар,

Со страху ты бы рот разинул
И сел бы прямо на троттуар!)

Смеркается. Спустились шторы.
Набита комната людьми,
И за прикрытыми дверьми
Идут глухие разговоры,
И эта сдержанная речь
Полна заботы и печали.
Огня еще не зажигали

290 И вовсе не спешат зажечь.
В вечернем мраке тонут лица,
Вглядишь — увидишь ряд один
Теней неясных, вереницу
Каких-то женщин и мужчин.
Собрание не многоречиво,
И каждый гость, входящий в дверь,
Упорным взглядом молчаливо
Осматривается, как зверь.

Вот кто-то вспыхнул папироской:
300 Среди прочих — женщина сидит:
Большой ребячий лоб не скрыт
Простой и скромною прической,
Широкий белый воротник
И платье черное — всё просто,
Худая, маленького роста,
Голубоокий детский лик,
Но, как бы что найдя за далью,
Глядит внимательно, в упор,
И этот милый, нежный взор

310 Герит отвагой и печалью...
Кого-то ждут... Гремит звонок.
Неспешно отворяя двери,
Гость новый входит на порог:
В своих движениях уверен
И статен; мужественный вид;
Одет совсем как иностранец,
Изысканно; в руке блестит
Высокого цилиндра глянец;
Едва приметно затемнен
320 Взгляд карих глаз сурово-кроткий;
Наполеоновской бородкой
Рот беспокойный обрамлен;
Большеголовый, темновласый —

Красавец вместе и урод:
Тревожный передернут рот
Меланхолической гримасой.

И сонм собравшихся затих...
Два слова, два рукопожатья —
И гость к ребенку в черном платье
330 Идет, минуя остальных...
Он смотрит долго и любовно,
И крепко руку жмет не раз,
И молвит: «Поздравляю вас
С побегом, Соня... Софья Львовна!
Опять — на смертную борьбу!»
И вдруг — без видимой причины —
На этом странно-белом лбу
Легли глубоко две морщины...

Заря погасла. И мужчины
340 Вливают в чашу ром с вином,
И пламя синим огоньком
Под полной чашей побежало.
Над ней кладут крестом кинжалы.
Вот пламя ширится — и вдруг,
Взбежав над жженкой, задрожало
В глазах столпившихся вокруг...
Огонь, борясь с толпою мраков,
Лилово-синий свет бросал,
Старинной песни гайдамаков
350 Напев согласный зазвучал,
Как будто — свадьба, новоселье,
Как будто — всех не ждет гроза, —
Такое детское веселье
Зажгло суровые глаза...

Прошло одно — идет другое.
Проходит пестрый ряд картин.
Не замедляй, художник: вдвое
Заплатишь ты за миг один
Чувствительного промедленья,
360 И, если в этот миг тебя
Грозит покинуть вдохновение, —
Пеняй на самого себя!
Тебе единым на потребу
Да будет — *пристальность* твоя.

В те дни под петербургским небом
Живет дворянская семья.

Дворяне — все родня друг другу,
И приучили их века

370 Глядеть в лицо другому кругу
Всегда немного свысока.

Но власть тихонько ускользала
Из их изящных белых рук,
И записались в либералы
Честнейшие из царских слуг,
А всё в безгласности природной
Меж волей царской и народной
Они испытывали боль
Нередко от обеих волей.

380 Всё это может показаться
Смешным и устарелым нам,
Но, право, может только хам
Над русской жизнью издеваться.
Она всегда — меж двух огней.
Не всякий может стать героем,
И люди лучшие — не скроем —
Бессильны часто перед ней,
Так неожиданно сурова
И вечных перемен полна;
Как вешняя река, она
390 Внезапно тронуться готова,
На льдины льдины громоздить
И на пути своем крушить
Виновных, как и невиновных,
И нечиновных, как чиновных...

Так было и с моей семьей:
В ней старина еще дышала
И жить по-новому мешала,
Вознаграждая тишиной
И благородством запоздалым
400 (Не так в нем вовсе толку мало,
Как думать принято теперь,
Когда в любом семействе дверь
Открыта настежь зимней вьюге,
И ни малейшего труда
Не стоит изменить супруге,
Как муж, лишившейся стыда).
И *нигилизм* здесь был беззлобен,

И дух естественных наук
(Властей ввергающий в испуг)
410 Здесь был религии подобен,
«Семейство — вздор, семейство — блажь», —
Любили здесь примолвить гневно,
А в глубине души — всё та ж
«Княгиня Марья Алексевна»...
Живая память старины
Должна была дружить с неверьем —
И были все часы полны
Каким-то новым «двоеверьем»,
И заколдован был сей круг:
420 Свои словечки и привычки,
Над всем чужим — всегда кавычки,
И даже иногда — испуг;
А жизнь меж тем кругом менялась,
И зашаталось всё кругом,
И ветром новое врывалось
В гостеприимный старый дом:
То нигилист в косоворотке
Придет и нагло спросит водки,
Чтоб возмутить семьи покой
430 (В том видя долг гражданский свой),
А то — и гость весьма чиновный
Вбежит совсем не хладнокровно
С «Народной Волею» в руках —
Советоваться впопыхах,
Что неурядиц всех причиной?
Что предпринять пред «годовщиной»?
Как урезонить молодежь,
Опять поднявшую галдеж? —
Всем ведомо, что в доме этом
440 И обласкают, и поймут,
И благородным мягким светом
Всё осветят и обольют...

Жизнь старших близится к закату
(Что ж, как полудня ни жалей,
Не остановишь ты с полей
Ползущий дым голубоватый).
Глава семьи — сороковых
Годов соратник; он поныне,
В числе людей передовых,
450 Хранит гражданские святыни,

Он с николаевских времен
Стоит на страже просвещенья,
Но в буднях нового движенья
Немного заплутался он...
Тургеневская безмятежность
Ему сродни; еще вполне
Он понимает толк в вине,
В еде ценить умеет нежность;
Язык французский и Париж
460 Ему своих, пожалуй, ближе
(Как всей Европе: поглядишь —
И немец грезит о Париже),
И — ярый западник во всем —
В душе он — старый барин русский,
И убеждений склад французский
Со многим не мирится в нем;
Он на обедах у Бореля
Брюзжит не плоше Щедрина:
То — недоварены форели,
470 А то — уха им не жирна.
Таков закон судьбы железной:
Нежданный, как цветок над бездной,
Очаг семейный и уют...

В семье нечопорно растут
Три дочки: старшая — томится
И над кипсэком мужа ждет,
Второй — всегда не лень учиться,
Меньшая — скачет и поет,
Велит ей нрав живой и страстный
480 Дразнить в гимназии подруг
И косоплеткой ярко-красной
Вводить начальницу в испуг...
Вот подросли: их в гости водят,
В карете возят их на бал;
Уж кто-то возле окон ходит,
Меньшой записку подослал
Какой-то юнкер шаловливый —
И первых слез так сладок пыл,
А старшей — чинной и стыдливой —
490 Внезапно руку предложил
Вихрастый идеальный малый;
Ее готовят под венец...
«Смотри, он дочку любит мало, —

Ворчит и хмурится отец, —
Смотри, не нашего он круга...»
И втайне с ним согласна мать,
Но ревность к дочке друг от друга
Они стараются скрывать...
Торопит мать наряд венчальный,
500 Приданое поспешно шьют,
И на обряд (обряд печальный)
Знакомых и родных зовут...
Жених — противник всех обрядов
(Когда «страдает так народ»).
Невеста — точно тех же взглядов:
Она — с ним об руку пойдет,
Чтоб вместе бросить луч прекрасный,
«Луч света в царство тьмы»
(И лишь венчаться не согласна
510 Без флер д'оранжа и фаты).
Вот — с мыслью о гражданском браке,
С челом мрачнее сентября,
Нечесанный, в нескладном фраке
Он предстоит у алтаря,
Вступая в брак «принципиально», —
Сей новоявленный жених.
Священник старый, либеральный,
Рукой дрожащей крестит их,
Ему, как жениху, невняты
520 Произносимые слова,
А у невесты — голова
Кружится; розовые пятна
Пылают на ее щеках,
И слезы тают на глазах...

Пройдет неловкая минута —
Они воротятся в семью,
И жизнь, при помощи уюта,
В свою вернется колею;
Им рано в жизнь; еще не скоро
530 Здоровым горбиться плечам;
Не скоро из ребячьих споров
С товарищами по ночам
Он выйдет, честный, на соломе
В мечтах почиющий жених...
В гостеприимном добром доме
Найдется комната для них,

А разрушение уклада
Ему, пожалуй, не к лицу:
Семейство просто будет радо
540 Ему, как новому жильцу,
Всё обойдется понемногу:
Конечно, младшей по нутру
Народницей и недотрогой
Дразнить замужнюю сестру,
Второй — краснеть и заступаться,
Сестру резоня и уча,
А старшей — томно забываться,
Склонясь у мужнина плеча;
Муж в это время спорит втуне,
550 Вступая в разговор с отцом
О социализме, о коммуне,
О том, что некто — «подлецом»
Отныне должен называться
За то, что совершил донос.
И вечно будет разрешаться
«Проклятый и больной вопрос»...

Нет, вешний лед круша, не смоем
Их жизни быстрая река:
Она оставит на покое
560 И юношу, и старика —
Смотреть, как будет лед носиться,
И как ломаться будет лед,
И им обоим будет сниться,
Что их «народ зовет вперед»...
Но эти детские химеры
Не помешают наконец
Кой-как приобрести манеры
(От этого не прочь отец),
Косоворотку на манишку
570 Сменить, на службу поступить,
Произвести на свет мальчишку,
Жену законную любить,
И, на посту не стоя «славно»,
Прекрасно исполнять свой долг
И быть чиновником исправным,
Без взяток видя в службе толк. .
Да, этим в жизнь — до смерти рано
Они похожи на ребят:
Пока не крикнет мать, — шалят.

580 Оши — «не моего романа»:
Им — всё учиться, да болтать,
Да услаждать себя мечтами,
Но им навеки не понять
Тех, с обреченными глазами:
Другая стать, другая кровь —
Иная (жалкая) любовь...

Так жизнь текла в семье. Качали
Их волны. Вешняя река
Неслась — темна и широка,
590 И льдины грозно нависали,
И вдруг, помедлив, огибали
Спо старинную ладью...
Но скоро пробил час туманный —
И в нашу дружную семью
Явился незнакомец странный.

Встань, выйди поутру на луг:
На бледном небе ястреб кружит,
Чертя за кругом плавный круг,
Высматривая, где похуже
600 Гнездо припрятано в кустах...
Вдруг — птичий щебет и движенье...
Он слушает... еще мгновенье —
Слетает на прямых крылах...
Тревожный крик из гнезд соседних,
Печальный писк птенцов последних,
Пух нежный по ветру летит —
Он жертву бедную когтит...
И вновь, взмахнув крылом огромным,
Взлетел — чертить за кругом круг,
610 Несытым оком и бездомным
Осматривать пустынный луг...
Когда ни взглянешь, — кружит, кружит...

Россия-мать, как птица, тужит
О детях; но — ее судьба,
Чтоб их терзали ястреба.

На вечерах у Анны Вревской
Был общества отборный цвет.
Больной и грустный Достоевский
Ходил сюда на склоне лет

- 620 Суровой жизни скрасить бремя,
 Набраться сведений и сил
 Для «Дневника». (Он в это время
 С Победоносцевым дружил.)
 С простертой дланью вдохновенно
 Полонский здесь читал стихи.
 Какой-то экс-министр смиренно
 Здесь исповедовал грехи.
 И ректор университета
 Бывал ботаник здесь Бекетов,
 630 И многие профессора,
 И слуги кисти и пера,
 И также — слуги царской власти,
 И недруги ее отчасти,
 Ну, словом, можно встретить здесь
 Различных состояний смесь.
 В салоне этом без утайки,
 Под обаянием хозяйки,
 Славянофил и либерал
 Взаимно руку пожимал
 640 (Как, впрочем, водится издавна
 У нас, в России православной:
 Всем, слава богу, руку жмут).
 И всех — не столько разговором,
 Сколь оживленностью и взором, —
 Хозяйка в несколько минут
 К себе привлечь могла на диво.
 Она, действительно, слыла
 Обворожительно-красивой,
 И вместе — дебрая была.
 650 Кто с Анной Павловной был связан, —
 Всяк помянет ее добром
 (Пока еще молчать обязан
 Язык писателя о том).
 Вмещал немало молодежи
 Ее общественный салон:
 Иные — в убеждениях схожи,
 Тот — попросту в нее влюблен,
 Иной — с конспиративным делом...
 И всем нужна она была,
 660 Все приходили к ней, — и смело
 Она участие брала
 Во всех вопросах без изъятия,
 Как и в опасных предприятиях...

К ней также из семьи моей
Всех трех возили дочерей.

- Средь пожилых людей и чинных,
Среди зеленых и невинных —
В салоне Вревской был как свой
Один ученый молодой.
- 670 Непринужденный гость, привычный —
Он был со многими на «ты».
Его отмечены черты
Печатью не совсем обычной.
Раз (он гостиной проходил)
Его заметил Достоевский.
«Кто сей красавец? — он спросил
Негромко, наклонившись к Вревской: —
Похож на Байрона». — Слово
Крылатое все подхватили,
- 680 И все на новое лицо
Свое внимание обратили.
На сей раз милостив был свет,
Обыкновенно — столь упрямый;
«Красив, умен», — твердили дамы,
Мужчины морщились: «поэт»...
Но если морщатся мужчины,
Должно быть, зависть их берет...
А чувств прекрасной половины
Никто, сам черт, не разберет...
- 690 И дамы были в восхищеньи:
«Он — Байрон, значит — демон...» — Что ж?
Он впрямь был с гордым лордом схож
Лица надменным выраженьем
И чем-то, что хочу назвать
Тяжелым пламенем печали...
(Вообще, в нем странность замечали —
И всем хотелось замечать.)
Пожалуй, не было, к несчастью,
В нем только *воли* этой... Он
- 700 Одной какой-то тайной страстью,
Должно быть, с лордом был сравнен:
Потомок поздний поколений,
В которых жил мятежный пыл
Нечеловеческих стремлений, —
На Байрона он походил,
Как брат болезненный на брата

Здорового порой похож:
Тот самый отсвет красноватый,
И выраженье власти то ж,
710 И то же порыванье к бездне.
Но — тайно околдован дух
Усталым холодом болезни,
И пламень действенный потух,
И воли бешеной усилъя
Отягчены сознанием.

Так

Вращает хищник мутный зрак,
Больные расправляя крылья.

«Как интересен, как умен», —
За общим хором повторяет
720 Меньшая дочь. И уступает
Отец. И в дом к ним приглашен
Наш новоявленный Байрон.
И приглашенье принимает.

В семействе принят, как родной,
Красивый юноша. Вначале
В старинном доме над Невой
Его, как гостя, привечали,
Но скоро стариков привлек
Его дворянский склад старинный,
730 Обычай вежливый и чинный.
Хотя свободен и широк
Был новый лорд в своих воззрениях,
Но вежливость он соблюдал
И дамам ручки целовал
Он без малейшего презренья.
Его блестящему уму
Противоречия прощали,
Противоречий этих тьму
По доброте не замечали,
740 Их затмевал таланта блеск,
В глазах какое-то горенье...
(Ты слышишь, сбитых крыльев треск? —
То хищник напрягает зренье...)
С людьми его еще тогда
Улыбка юности роднила,
Еще в те ранние года
Играть легко и можно было...
Он тьмы своей не ведал сам...

- Он в доме запросто обедал
 750 И часто всех по вечерам
 Живой и пламенной беседой
 Пленял. (Хоть он юристом был,
 Но поэтическим примером
 Не брезговал: Констан дружил
 В нем с Пушкиным, и Штейн — с Флобером)
 Свобода, право, идеал —
 Всё было для него не шуткой,
 Ему лишь было втайне жутко:
 Он, утверждая, отрицал
 760 И утверждал он, отрицая.
 (Всё б — в крайностях бродить уму,
 А середина золотая
 Всё не давалась ему!)
 Он ненавистное — любовью
 Искал порою окружить,
 Как будто труп хотел налить
 Живой, играющею кровью...
 «Талант» — твердили все вокруг, —
 Но, не гордясь (не уступая),
 770 Он страшно омрачался вдруг...
 Душа больная, но младая,
 Страшась себя (она права),
 Искала утешенья: чужды
 Ей становились все слова...
 (О, пыль словесная! Что нужды
 В тебе? — Утешишь ты едва ль,
 Едва ли разрешишь ты муки!) —
 И на покорную рояль
 Властительно ложились руки,
 780 Срывая звуки, как цветы,
 Безумно, дерзостно и смело,
 Как женских тряпок лоскуты
 С готового отдаться тела...
 Прядь упала на чело...
 Он сотрясался в тайной дрожи...
 (Всё, всё — как в час, когда на ложе
 Двоих желанье сплело...)
 И там — за бурей музыкальной —
 Вдруг возникал (как и тогда)
 790 Какой-то образ — грустный, дальный,
 Непостижимый никогда...
 И крылья белые в лазури,

И неземная тишина...
Но эта тихая струна
Тонула в музыкальной буре...

Что ж стало? — Всё, что быть должно
Рукопожатья, разговоры,
Потупленные долу взоры...
Грядущее отделено
800 Едва приметною чертою
От настоящего... Он стал
Своим в семье. Он красотою
Меньшую дочь очаровал.
И царство (царством не владея
Он общал ей. И ему
Она поверила, бледнея. .
И дом ее родной в тюрьму
Он превратил (хотя нимало
С тюрьмой не сходствовал сей дом..
810 Но чуждо, пусто, дико стало
Всё, прежде милое, кругом —
Под этим странным обаяньем
Сулящик новое речей,
Под этим демонским мерцаньем
Сверлящих пламенем очей...
Он — жизнь, он — счастье, он — стихия,
Она нашла героя в нем, —
И вся семья, и все родные
Претят, мешают ей во всем,
820 И всё ее волненье множит...
Она не ведает сама,
Что уж кокетничать не может
Она — почти сошла с ума..
А он? —

Он медлит; сам не знает,
Зачем он медлит, для чего?
И ведь нимало не прельщает
Армейский демонизм его...
Нет, мой герой довольно тонок
И прозорлив, чтобы не знать,
830 Как бедный мучится ребенок,
Что счастье ребенку дать —
Теперь — в его единой власти.
Нет, нет... но замерли в груди
Доселе пламенные страсти,

И кто-то шепчет: погоди...
То — ум холодный, ум жестокий
Вступил в нежданные права...
То — муку жизни одинокой
Предугадала голова...
840 «Нет, он не любит, он играет, —
Твердит она, судьбу кляня, —
За что терзает и пугает
Он беззащитную меня...
Он объясненья не торопит,
Как будто сам чего-то ждет...»
(Смотри: так хищник силы копит:
Сейчас — больным крылом взмахнет,
На луг опустится бесшумно
И будет пить живую кровь
850 Уже от ужаса — безумной,
Дрожащей жертвы...) — Вот — любовь
Того вампирственного века,
Который превратил в калек
Достойных званья человека!

Будь трижды проклят, жалкий век!

Другой жених на этом месте
Давно отряс бы прах от ног,
Но мой герой был слишком честен
И обмануть ее не мог:
860 Он не гордился нравом странным,
И было знать ему дано,
Что демоном и Дон-Жуаном
В тот век вести себя — смешно...
Он много знал — себе на горе,
Слывя недаром «чудаком»
В том дружном человеческом хоре,
Который часто мы зовем
(Промеж себя) — бараньим стадом...
Но — «глас народа — божий глас»,
870 И это чаще помнить надо,
Хотя бы, например, сейчас:
Когда б он был глупей немного
(Его ль, однако, в том вина?), —
Быть может, лучшую дорогу
Себе избрать могла она,
И, может быть, с такою нежной

Дворянской девушкой связав
Свой рок холодный и мятежный, —
Герой мой был совсем не прав...

- 880 Но всё пошло неотвратимо
Своим путем. Уж лист, шурша,
Крутился. И неудержимо
У дома старилась душа.
Переговоры о Балканах
Уж дипломаты повели,
Войска пришли и спать легли,
Нева закуталась в туманах,
И штатские пошли дела,
И штатские пошли вопросы:
890 Аресты, обыски, доносы
И покушенья — без числа...
И книжной крысой настоящей
Мой Байрон стал средь этой мглы;
Он диссертацией блестящей
Стяжал отменные хвалы
И принял кафедру в Варшаве...
Готовясь лекции читать,
Запутанный в гражданском праве,
С душой, начавшей уставать, —
900 Он скромно предложил ей руку,
Связал ее с своей судьбой
И в даль увез ее с собой,
Уже питая в сердце скуку, —
Чтобы жена с ним до звезды
Делила книжные труды...

- Прошло два года. Грянул взрыв
С Екатеринина канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
910 Что час свершится роковой,
Что выпадет такая карта...
И этот века час дневной —
Последний — назван *первым марта*.

В семье — печаль. Упразднена
Как будто часть ее большая:
Всех веселила дочь меньшая,
Но из семьи ушла она,
А жить — и путано, и трудно:

(11) 24 января
1921.

Кому митро Савваитю

Одному, кто в митро?

Зачем, покуда митро митро

Видеть, кто в митро митро?

~~Тот же, кто в митро митро~~
~~То же, кто в митро митро~~

Тот же, кто в митро митро

Тот же, кто в митро (митро)

Кому митро, за митро, митро,

^{Кому} митро, за митро, митро, митро

Кому митро (и митро митро),

Тот же, кто в митро митро

Тот же, кто в митро митро, митро,

Тот же, кто в митро митро,

Тот же, кто в митро митро,

Кому митро митро, митро митро,

Тот же, кто в митро митро

То — над Россией дым стоит..
920 Отец, сидя, в дым глядит..
Тоска! От дочки вести скудны..
Вдруг — возвращается она..
Что с ней? Как стан прозрачный тонок!
Худа, измучена, бледна..
И на руках лежит ребенок.

ВТОРАЯ ГЛАВА

〈Вступление〉

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклообразным взором колдуна;
10 Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заслав надежды, думы, страсти..
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный..
20 Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей

Под крепостью катила воды
 Необозримая Нева...
³⁰ Штык свётил, плакали куранты,
 И те же барыни и франты
 Летели здесь на острова,
 И так же конь чуть слышным смехом
 Коню навстречу отвечал,
 И черный ус, мешаясь с мехом,
 Глаза и губы щекотал...
 Я помню, так и я, бывало,
 Летал с тобой, забыв весь свет,
 Но... право, проку в этом нет,
⁴⁰ Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
 В те годы чуть еще алела...
 Чернь петербургская глазела
 Подобострастно на царя...
 Народ толпился в самом деле,
 В медалях кучер у дверей
 Тяжелых горячил коней,
 Городовые на панели
 Сгоняли публику... «Ура»
⁵⁰ Заводит кто-то голосистый,
 И царь — огромный, водянистый —
 С семейством едет со двора...
 Весна, но солнце светит глупо,
 До Пасхи — целых семь недель,
 А с крыш холодная капель
 Уже за воротник мой тупо
 Сползает, спину холодя...
 Куда ни повернись, всё ветер...
 «Как тошно жить на белом свете», —
⁶⁰ Бормочешь, лужу обходя;
 Собака под ноги суется,
 Калоши сыщика блестят,
 Вонь кислая с дворов несется,
 И «князь» орет: «Халат, халат!»
 И встретившись лицом с прохожим,
 Ему бы в рожу наплевал,
 Когда б желания того же
 В его глазах не прочитал...

- Но перед майскими ночами
 70 Весь город погружался в сон,
 И расширялся небосклон;
 Огромный месяц за плечами
 Таинственно румянил лик
 Перед зарей необозримой...
 О, город мой неуловимый,
 Зачем над бездной ты возник?..
 Ты помнишь: выйдя ночью белой
 Туда, где в море сфинкс глядит,
 И на обтесанный гранит
 80 Склоняешь главой отяжелелой,
 Ты слышать мог: вдали, вдали,
 Как будто с моря, звук тревожный,
 Для божьей тверди невозможный
 И необычный для земли...
 Провидел ты всю даль, как ангел
 На шпигеле крепостном; и вот —
 (Сон или явь): чудесный флот,
 Широко развернувший фланги,
 Внезапно заградил Неву...
 90 И Сам Державный Основатель
 Стоит на головном фрегате...
 Так снилось многим наяву...
 Какие ж сны тебе, Россия,
 Какие бури суждены?..
 Но в эти времена глухие
 Не всем, конечно, снились сны...
 Да и народу не бывало
 На площади в сей дивный миг
 (Один любовник запоздалый
 100 Спешил, поднявши воротник...)
 Но в алых струйках за кормами
 Уже грядущий день сиял,
 И дремлющими вымпелами
 Уж ветер утренний играл,
 Раскинулась необозримо
 Уже кровавая заря,
 Грозя Артуром и Цусимой,
 Грозя Десятым января...

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

- Отец лежит в «Аллее роз»,*
Уже с усталостью не споря,
А сына поезд мчит в мороз
От берегов родного моря...
Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы вековые, —
И вот — в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
¹⁰ Надутая мстительной химерой;
Коперник сам лелеет месть,
Склоняясь над пустою сферой...
«Месть! Месть!» — в холодном чутуне
Звенит, как эхо, над Варшавой:
То Пан-Мороз на злом коне
Бряцает шпорою кровавой...
Вот оттепель: блеснет живей
Край неба желтизной ленивой,
И очи пани чертят смелей
²⁰ Свой круг ласкательный и льстивый...
Но всё, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью.

- Вокзал заплеванный; дома,
Коварно преданные выюгам;
Мост через Вислу — как тюрьма,
Отец, сраженный злым недугом, —
Всё внове баловню судеб;
³⁰ Ему и в этом мире скудном
Мечтается о чем-то чудном;
Он хочет в камне видеть хлеб,
Бессмертья знак — на смертном ложе,
За тусклым светом фонаря
Ему мерещится заря
Твоя, забывший Польшу, боже
Что здесь он с юностью своей?
О чем у ветра жадно просит? —
Забывтый лист осенних дней

* Улица в Варшаве.

- 40 Да пыль сухую ветер носит!
 А ночь идет, ведя мороз,
 Усталость, сонные желанья...
 Как улиц гадостны названья!
 Вот, наконец, «Аллея Роз»!.. —
 Неповторимая минута:
 Больница в сон погружена, —
 Но в раме светлого окна
 Стоит, оборотясь к кому-то,
 Отец... и сын, едва дыша,
 50 Глядит, глазам не доверяя...
 Как будто в смутном сне душа
 Его застыла молодая,
 И злую мысль не отогнать:
 «Он жив еще!.. В чужой Варшаве
 С ним разговаривать о праве,
 Юристов с ним критиковать!..»
 Но всё — одной минуты дело:
 Сын быстро ищет ворота
 (Уже больница заперта),
 60 Он за звонок берется смело
 И входит... Лестница скрипит...
 Усталый, грязный от дороги
 Он по ступенькам вверх бежит
 Без жалости и без тревоги...
 Свеча мелькает... Господин
 Загородил ему дорогу
 И, всматриваясь, молвит строго:
 «Вы — сын профессора?» — «Да, сын...»
 Тогда (уже с любезной миной):
 70 «Прошу вас. В пять он умер. Там...»

Отец в гробу был сух и прям.
 Был нос прямой — а стал орлиный.
 Был жалок этот смятый одр,
 И в комнате, чужой и тесной,
 Мертвец, собравшийся на смотр,
 Спокойный, желтый, бессловесный...
 «Он славно отдохнет теперь», —
 Подумал сын, спокойным взглядом
 Смотря в отворенную дверь...
 80 (С ним кто-то неотлучно рядом
 Глядел туда, где пламя свеч,
 Под веяньем неосторожным

Склоняясь, озарит тревожно
Лик желтый, туфли, узость плеч, —
И, выпрямляясь, слабо чертит
Другие тени на стене...
А ночь стоит, стоит в окне...)
И мыслит сын: «Где ж праздник Смерти?
Отцовский лик так странно тих...

- 90 Где язвы дум, морщины муки,
Страстей, отчаянья и скуки?
Иль смерть смела бесследно их?» —
Но все утомлены. Покойник
Сегодня может спать один.
Ушли родные. Только сын
Склонен над трупом... Как разбойник,
Он хочет осторожно снять
Кольцо с руки оцепенелой...
(Неопытному трудно смело
100 У мертвых пальцы разгибать).
И только преклонив колени
Над самой грудью мертвеца,
Увидел он, *какие* тени
Легли вдоль этого лица...
Когда же с непокорных пальцев
Кольцо скользнуло в жесткий гроб,
Сын окрестил отцовский лоб,
Прочтя на нем печать скитальцев,
Гонимых по миру судьбой...
110 Поправил руки, образ, свечи,
Взглянул на вскинутые плечи
И вышел, молвив: «Бог с тобой»

- Да, сын любил тогда отца
Впервой — и, может быть, в последний,
Сквозь скуку панихид, обедней,
Сквозь пошлость жизни без конца.
Отец лежал не очень строго:
Торчал измятый клочок волос;
Всё шире с тайною тревогой
120 Вскрывался глаз, сгибался нос;
Улыбка жалкая кривила
Неплотно сжатые уста...
Но разложение — красота
Неизъяснимо победила...
Казалось, в этой красоте

Забыл он долгие обиды
И улыбался суете
Чужой военной панихиды...
А чернь старалась, как могла:
130 Над гробом говорили речи;
Цветками дама убрала
Его приподнятые плечи;
Потом на ребра гроба лег
Свинец полоскою бесспорной
(Чтоб он, воскреснув, встать не мог
Потом, с печалью непритворной,
От паперти казенной прочь
Тащили гроб, давя друг друга...
Бесснежная визжала вьюга.
140 Злой день сменяла злая ночь.

По незнакомым площадям
Из города в пустое поле
Все шли за гробом по пятам...
Кладбище называлось: «Воля»
Да Песнь о воле слышим мы,
Когда могильщик бьет лопатой
По глыбам глины желтоватой;
Когда откроют дверь тюрьмы;
Когда мы изменяем женам,
150 А жены — нам; когда, узнав
О поруганьи чьих-то прав,
Грозим министрам и законам
Из запертых на ключ квартир;
Когда проценты с капитала
Освободят от идеала;
Когда... — На кладбище был мир,
И впрямь пахнуло чем-то вольным:
Кончалась скука похорон,
Здесь радостный галдеж ворон
160 Сливался с гулом колокольным. .
Как пусты ни были сердца,
Все знали: эта жизнь — сгорела. .
И даже солнце поглядело
В могилу бедную отца.

Глядел и сын, найти пытаюсь
Хоть в желтой яме что-нибудь. .
Но всё мелькало, расплываясь,

Слепя глаза, стесняя грудь...
 Три дня — как три тяжелых года!
 70 Он чувствовал, как стынет кровь...
 Людская пошлость? Иль — погода?
 Или — сыновняя любовь? —
 Отец от первых лет сознания
 В душе ребенка оставлял
 Тяжелые воспоминанья —
 Отца он никогда не знал.
 Они встречались лишь случайно,
 Живя в различных городах,
 Столь чуждые во всех путях
 180 (Быть может, кроме самых тайных).
 Отец ходил к нему, как гость,
 Согбенный, с красными кругами
 Вкруг глаз. За вялыми словами
 Нередко шевелилась злость...
 Внушал тоску и мысли злые
 Его циничный, тяжкий ум,
 Грязня туман сыновних дум.
 (А думы глупые, младые...)
 И только добрый льстивый взор,
 190 Бывало, упал украдкой
 На сына, странною загадкой
 Врываясь в нудный разговор...
 Сын помнит: в детской, на диване
 Сидит отец, куря и злясь;
 А он, безумно распаляясь,
 Вертится пред отцом в тумане...
 Вдруг (злое, глупое дитя!) —
 Как будто бес его толкает,
 И он стремглав отцу вонзает
 200 Булавку около локтя...
 Растерян, побледнев от боли,
 Тот дико вскрикнул...

Этот крик
 С внезапной яркостью возник
 Здесь, над могилою, на «Воле», —
 И сын очнулся... Вьюги свист;
 Толпа; могильщик холм ровняет;
 Шуршит и бьется бурый лист...
 И женщина навзрыд рыдает
 Неудержимо и светло...
 210 Никто с ней не знаком. Чело

Покрыто траурной фатою.
Что там? Небесной красотою
Оно сияет? Или — там
Лицо старухи некрасивой,
И слезы катятся лениво
По провалившимся щекам?
И не она ль тогда в больнице
Гроб вместе с сыном стерегла?..
Вот, не открыв лица, ушла...
220 Чужой народ кругом толпится...
И жаль отца, безмерно жаль:
Он *тоже* получил от детства
Флобера странное наследство
Éducation sentimentale. *

От панихид и от обедней
Избавлен сын; но в отчий дом
Идет он. Мы туда пойдем
За ним и бросим взгляд последний
На жизнь отца (чтобы уста
230 Поэтов не хвалили мира!).
Сын входит. Пасмурна, пуста
Сырая, темная квартира...
Привыкли чужаком считать
Отца — на то имели право:
На всем покоилась печать
Его тоскующего нрава;
Он был профессор и декан;
Имел ученые заслуги;
Ходил в дешевый ресторан
240 Поест — и не держал прислуги
По улице бежал бочком
Поспешно, точно пес голодный,
В шубенке никуда не годной
С потрепанным воротником.
И видели его сидевшим
На груди почернелых шпал
Здесь он нередко отдыхал,
Вперяясь взглядом опустевшим
В прошедшее... Он «свел на нет»
250 Всё, что мы в жизни ценим строго

* Чувствительное воспитание (фр.). «Éducation sentimentale»
заглавие романа Г. Флобера. — Ред.

Не освежалась много лет
 Его убогая берлога;
 На мебели, на грудях книг
 Пыль стлалась серыми слоями;
 Здесь в шубе он сидеть привык
 И печку не топил годами;
 Он всё берег и в кучу нес:
 Бумажки, лоскутки материй,
 Листочки, корки хлеба, перья,
 260 Коробки из-под папирос,
 Белья нестиранного груды,
 Портреты, письма дам, родных
 И даже то, о чем в своих
 Стихах рассказывать не буду...
 И наконец — убогий свет
 Варшавский падал на кюэты
 И на повестки и отчеты
 «Духовно-нравственных бесед»...
 Так, с жизнью счет сводя печальный,
 270 Презревши молодости пыл,
 Сей Фауст, когда-то радикальный,
 «Правел», слабел... и всё забыл;
 Ведь жизнь уже не жгла — чадила,
 И однозвучны стали в ней
 Слова: «свобода» и «еврей»...
 Лишь музыка — одна будила
 Отяжелевшую мечту:
 Брюзжащие смолкали речи;
 Хлам превращался в красоту;
 280 Прямились сгорбленные плечи;
 С нежданной силой пел рояль,
 Будя неслыханные звуки:
 Проклятия страстей и скуки,
 Стыд, горе, светлую печаль...
 И наконец — чахотку злую
 Своею волей нажил он,
 И слег в лечебницу плохую
 Сей современный Гарпагон...

Так жил отец: скупцом, забытым
 290 Людьми, и богом, и собой,
 Иль псом бездомным и забитым
 В жестокой давке городской.
 А сам... Он знал иных мгновений

Незабываемую власть!
Недаром в скуку, смрад и страсть
Его души — какой-то гений
Печальный залетал порой;
И Шумана будили звуки
Его озлобленные руки,
300 Он ведал холод за спиной...
И, может быть, в преданьях темных
Его слепой души, впотьмах —
Хранилась память глаз огромных
И крыл, изломанных в горах...
В ком смутно брезжит память эта,
Тот странен и с людьми не схож
Всю жизнь его — уже поэта
Священная объемлет дрожь,
Бывает глух, и слеп, и нем он,
310 В нем почивает некий бог,
Его опустошает Демон,
Над коим Врубель изнемог...
Его прозрения глубоки,
Но их глушит ночная тьма,
И в снах холодных и жестоких
Он видит «Горе от ума».

Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилья —
Как ангел, опускает крылья,
320 Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени,
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..
А сын — он изменил отчизне!
330 Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взывая к совести и к жизни...

Не также ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,
Дремать принудила орава

Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подпольи,
Молчат магнатские дворцы...
Лишь Пан-Мороз во все концы
340 Свирепо рыщет на раздолби!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет — и звоном струн
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешённый повод,
И четко повторит чугун
Удары мерзлого копыта
350 По опустелой мостовой...
И вновь, поинкнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Бряцает шпорою кровавой...
Мсть! Мсть! — Так эхо над Варшавой
Звенит в холодном чугуне!

Еще светлы кафе и бары,
Торгует телом «Новый свет»,
Кишат бесстыдные троттуары,
360 Но в переулках — жизни нет,
Там тьма и вьюги завыванье...
Вот небо сжалилось — и снег
Глушит трескучей жизни бег,
Несет свое очарованье...
Он вьется, стелется, шуршит,
Он — тихий, вечный и старинный...
Герой мой милый и невинный,
Он и тебя запорошит,
Пока бесцельно и тоскливо,
370 Едва похоронив отца,
Ты бродишь, бродишь без конца
В толпе больной и похотливой...
Уже ни чувств, ни мыслей нет,
В пустых зеницах нет сиянья,
Как будто сердце от скитанья
Состарилось на десять лет...
Вот робкий свет фонарь роняет...

Как женщина за ла
 Вот кто-то лъстиво подползает
 380 Вот — подольстилась, подползла,
 И сердце торопливо сжала
 Невыразимая тоска,
 Как бы тяжелая рука
 К земле пригнула и прижала...
 И он уж не один идет,
 А точно с кем-то новым вместе...
 Вот быстро под гору ведет
 Его «Краковское предместье»
 Вот Висла — снежной бури ад.
 390 Ища защиты за домами,
 Стуча от холода зубами,
 Он повернул опять назад...
 Опять над сферою Коперник
 Под снегом в думу погружен.
 (А рядом — друг или соперник
 Идет тоска...) Направо он
 Поворотил — немного в гору...
 На миг скользнул ослепший взор
 По православному собору.
 400 (Какой-то очень важный вор,
 Его построив, не достроил...)
 Герой мой быстро шаг удвоил,
 Но скоро изнемог опять —
 Он начинал уже дрожать
 Непобедимой мелкой дрожью
 (В ней всё мучительно сплелось:
 Тоска, усталость и мороз...)
 Уже часы во бездорожью
 По снежному скитался он
 410 Без сна, без отдыха, без цели.
 Стихает злобный визг метели,
 И на Варшаву сходит сон...
 Куда ж еще идти? Нет мочи
 Бродить по городу всю ночь. —
 Теперь уж некому помочь!
 Теперь он — в самом сердце ночи!
 О, черен взор твой, ночи тьма,
 И сердце каменное глухо,
 Без сожаленья и без слуха,
 420 Как те ослепшие дома!..
 Лишь снег порхает — вечный, белый,

Зимой — он площадь оснежит,
И мертвое засыплет тело,
Весной — ручьями побежит...
Но в мыслях моего героя
Уже почти несвязный бред...
Идет... (По снегу вьется след
Один, но их, как было, двое...)
В ушах — какой-то смутный звон...
430 Вдруг — бесконечная ограда
Саксонского, должно быть, сада.
К ней тихо прислонился он.

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой, иль тоскою,
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленяло, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
440 И тяжелит ресницы иней,
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную:
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По-новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждущую утра
Над белым запушённым садом,
И небо — книгу между книг;
450 Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Всё вспыхнет в сердце благодарном,
Ты всё благословишь тогда,
Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis** Бранда воли,
460 А мир — прекрасен, как всегда

.

* «В полную меру» (лат.) — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Г. Ибсена. — Ред.

350. ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!

И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:

Предатели!

Погибла Россия

Должно быть, писатель —
Витя...

А вон и долгопелый —
Сторонкой — за сугроб...

Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?..

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась
— Ужь мы плакали, плакали...

Поскользнулась

И — бац — растянулась!

Ай, ай!

Тяни, подымай!

Ветер веселый

И зол, и рад.

Крутит подолы,

Прохожих косит

Рвет, мнет и носит

Большой плакат

«Вся власть Учредительному Собранию»

И слова доносит

...И у нас было собрание.

...Вот в этом здании.

...Обсудили —

Постановили.

На время — десять, на ночь — двадцать пять..

...И меньше — ни с кого не брать..

...Пойдем спать.

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поцелуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Крутом — огни, огни, огни...

В зубах — цыгарка, примят картуз,
На спину б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керенки есть в чулке!

- Ванюшка сам теперь богат...
- Был Ванька наш, а стал солдат
- Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..
Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг

Товарищ, винтовку держи, не трусь
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Снег крутит, лихач кричит,
 Ванька с Катькою летит —
 Электрический фонарик
 На оглобелях...
 Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
 С физиономией дурацкой
 Крутит, крутит черный ус,
 Да покручивает,
 Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
 Вот так Ванька — он речист!
 Катьку-дуру обнимает,
 Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
 Зубки блещут жемчугом...
 Ах ты, Катя, моя Катя,
 Толстоморденькая...

У тебя на шее, Катя,
 Шрам не зажил от ножа.
 У тебя под грудью, Катя,
 Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
 Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
 Походи-ка, походи!
 С офицерами блудила —
 Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
 Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
 Не ушел он от ножа...

Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач..

Стой, стой! Андрюха, помогай
Петруха, сзади забегай!..

Трах-тарарах-тах-тах-тах-тах
Вскрутился к небу снежный прах ..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Вводи курок!..

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
...
Как с девочкой чужой гулять!..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой

А Катька где? — Мертва, мертва
Простреленная голова

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу

Революционный держите шаг
Неугомонный не дремлет враг

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеца.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

— Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцовой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я сгоряча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба, что ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!

— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел.

Эх, эх!
Позабавиться не грех!
Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!
Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче гольгѣба

8

Ох ты, горе-горькое
Скука скучная,
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Полущу, полущу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!..

Ты лети, буржуй, воробышком
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку...

Упокой, господи, душу рабы твоея.
Скучно!

9

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,

И больше нет городского —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмется шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

10

Разыгралась чтой-то вьюга,
Ой, вьюга, ой, вьюга!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох, пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катьиной любви?
— Шаг держи революционный
Близок враг неугомонный

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

11

...И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь сапога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И выюга пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

12

...Вдаль идут державным шагом...
— Кто еще там? Выходи!
Это — ветер с красным флагом
Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
— Кто в сугробе — выходи!..
Только нищий пес голодный
Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
Я штыком пощекочу!
Старый мир, как пес паршивый,
Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
Хвост поджал — не отстает —

Пес холодный — пес безродный...

— Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?

— Приглядишься-ка, эка тьма!

— Кто там ходит беглым шагом,
Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
Лучше сдайся мне живьем!

— Эй, товарищ, будет худо,
Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
Откликается в домах...

Только вьюга долгим смехом
Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!

Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —

Позади — голодный пес,

Впереди — с кровавым флагом,

И за вьюгой невидим,

И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,

Снежной россыпью жемчужной,

В белом венчике из роз —

Впереди — Иисус Христос.

Январь 1918

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГЕЙНЕ

351-362. ОПЯТЬ НА РОДИНЕ

Die Heimkehr

1

В этой жизни слишком темной
Светлый образ был со мной;
Светлый образ помутился,
Поглощен я тьмой ночной.

Трусят маленькие дети,
Если их застигнет ночь,
Дети страха полуночи
Громкой песней гонят прочь

Так и я, ребенок странный.
Песнь мою пою впотьмах.
Незатейливая песня,
Но зато разгонит страх.

2

Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен,
Давно не дает покою
Мне сказка старых времен

Прохладой сумерки веют
И Рейна тих простор,
В вечерних лучах алеют
Вершины дальних гор.

Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою.
Играет златом косы.

Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пеньи
Тревога затаена.

Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.

Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
Так и всякий погибает
От песен Лорелей.

3

Сырая ночь и буря,
Беззвездны небеса;
Один средь шумящих деревьев,
Молча, бреду сквозь леса.

Светик далекий кажется
В охотничий домик путь;
Мне им прельщаться не надо,
Ведь скучно туда заглянуть.

Там бабушка в кожаном кресле
Как изваянье страшна,
Слепая, сидит без движенья
И слова не молвит она.

Там бродит, ругаясь, рыжий
Сын лесничего взад и вперед,
То яростным смехом зальется,
То в стену винтовку швырнет.

Там плачет красавица пряха,
И лен отсырел от слез;
У ног ее с урчаньем
Жметя отцовский пес.

Красавица рыбачка,
Оставь челнок на песке;
Посиди со мной, поболтаем,
Рука в моей руке.

Прижмись головкой к сердцу,
Не бойся ласки моей;
Ведь каждый день ты с морем
Играешь судьбой своей.

И сердце мое, как море,
Там бури, прилив и отлив,
В его глубинах много
Жемчужных дремлет див.

Играет буря танец,
В нем свист и рев и вой;
Эй! Прыгает кораблик!
Веселый пляс ночной.

Вздывает гулкое море
Живые горы из вод;
Здесь пропасти чернеют,
Там белая башня растет.

Молитвы, рвота и ругань
Слышны из каюты в дверь;
Мечтаю, схватившись за мачту:
Попасть бы домой теперь!

Вечер пришел безмолвный,
Над морем туманы свились,
Таинственно ропщут волны,
Кто-то белый тянется ввысь.

Из волн встает Водяница,
Садится на берег со мной;
Белая грудь серебрится
За ее прозрачной фатой.

Стесняет объятия, душит
Всё крепче, всё больней, —
Ты слишком больно душишь,
Краса подводных фей!

«Душу тебя с силою нежной,
Обнимаю сильной рукой;
Этот вечер слишком свежий,
Хочу согреться тобой».

Лик месяца бледнеет,
И пасмурны небеса;
Твой сумрачный взор влажнеет,
Подводных фей краса!

«Всегда он влажен и мутен,
Не сумрачней, не влажней:
Когда я вставала из глуби,
В нем застыла капля морей».

Чайки стонут, море туманно,
Глухо бьет прибой меж камней, —
Твое сердце трепещет странно,
Краса подводных фей!

«Мое сердце дико и странно,
Его трепет странен и дик,
Я люблю тебя несказанно,
Человеческий милый лик»

7

На дальнем горизонте,
Как сумеречный обман,
Закатный город и башни
Плывут в вечерний туман.

Играет влажный ветер
На серой быстрине;
Траурно плещут весла
Гребца на моем челне.

В последний проглянуло
Над морем солнце в крови,

И я узнал то место —
Могилу моей любви.

8

Тихая ночь, на улицах дрема,
В этом доме жила моя звезда;
Она ушла из этого дома,
А он стоит, как стоял всегда.

Там стоит человек, заломивший руки,
Не сводит глаз с высоты ночной;
Мне страшен лик, полный смертной муки
Мои черты под неверной луной.

Двойник! Ты, призрак! Иль не довольно
Ломаться в муках тех страстей?
От них давно мне было больно
На этом месте столько ночей!

9

Ты знаешь, что живу я,
И спишь спокойным сном!
Мой старый гнев проснется,
И я сломя мой ярём.

Ты знаешь — в старой песне:
Однажды в час ночной
Подругу юноша мертвый
В могилу взял с собой?

Поверь, краса и диво,
Ты, чистое дитя,
Я жив, у меня есть сила,
Сильней всех мертвых я!

10

Я Атлас злополучный! Целый мир,
Весь мир страданий на плечи подьемлю,
Подьемлю непосильное, и сердце
В груди готово разорваться

Ты сердцем гордым сам того желал!
Желал блаженств, блаженств безмерных сердцу,
Иль непомерных — гордому — скорбей,
Так вот: теперь ты скорбен.

11

Племена уходят в могилу,
Идут, проходят года,
И только любовь не вырвать
Из сердца никогда.

Только раз бы тебя мне увидеть,
Склониться к твоим ногам,
Сказать тебе, умирая:
Я вас люблю, madame!

12

Три светлых царя из восточной страны
Стучались у всяких домишек,
Справлялись: как пройти в Вифлеем?
У девочек всех, у мальчишек.

Ни старый, ни малый не мог рассказать,
Цари прошли все страны;
Любовным лучом золотая звезда
В пути разгоняла туманы.

Над домом Иосифа встала звезда,
Они туда постучали;
Мычал бычок, кричало дитя,
Три светлых царя распевали.

Январь 1909

АВЕТИК ИСААКЯН

363–364. МОЕЙ МАТЕРИ

1

От родимой страны удалился
Я, изгнанник, без крова и сна,
С милой матерью я разлучился,
Бедный странник, лишился я сна.

С гор вы, пестрые птицы, летите,
Не пришлось ли вам мать повстречать?
Ветерки, вы с морей шелестите,
Не послала ль привета мне мать?

Ветерки пролетели бесшумно,
Птицы мимо промчались на юг.
Мимо сердца с тоскою безумной —
Улетели бесшумно на юг.

По лицу да по ласковой речи
Стосковался я, мать моя, джан,*
Был бы сном я — далече, далече
Полетел бы к тебе, моя джан.

Ночью душу твою целовал бы,
Обнимал бы, как сонный туман,
К сердцу в жгучей тоске припадал бы,
И смеялся и плакал бы, джан!

2

Мне грезится: вечер мирен и тих,
Над домом стелется тонкий дым,
Чуть зыблются ветви родимых ив,
Сверчок трещит в щели, невидим.

* *Джан* — ласкательное название.

У огня сидит моя старая мать,
Тихонько с ребенком моим грустит.
Сладко-сладко, спокойно дремлет дитя,
И мать моя, молча, молитву творит.

«Пусть прежде всех поможет господь
Всем дальним странникам, всем больным,
Пусть после всех поможет господь
Тебе, мой бедный изгнанник, мой сын»

Над мирным домом струится дым,
Мать над сыном моим молитву творит,
Сверчок трещит в щели, невидим,
Родимая ива едва шелестит.

365

Ал-злат наряд — мой детка рад,
Индийский лал в ручонке сжал,
Люль-люль, дар-дар, дитя — краса,
Спи, спи, бай-бай, дремли, да-да,*
Бровь — полумесяц, спи, дар-дар,
Глазок — звезда, господень дар.

День настает, овца идет,
Дитя всё спит и не встает.
Вставай, капризничай, кричи,
Гоп-гоп, на соску, на, соси,
Топ-топ, тихонечко ходи.
Нет, сладкий сон тревожить жаль,
Щека — как сахар, как миндаль.

Джан божья мать, молю тебя,
От злого взора, наговора
Храни, храни мое дитя...

* Люль-люль, дар-дар, да-да и другие восклицания в песне — чисто звукоподражательные, подобно нашему «бай-бай», и определенного значения не имеют

Был бы на Аразе у меня баштан* —
 Посадил бы иву, розы я, да мак,
 Под тенистой ивой сплел бы я шалаш,
 В шалаше бы вечно пламенел очаг!

Чтоб сидела рядом милая Шушан,**
 Чтобы нам друг друга у огня ласкать!
 Кабы на Аразе завести баштан,
 Для Шушик лилейной отдыха не знать!

Быстролетный и черный орел
 С неба пал, мою грудь расклевал,
 Сердце клювом схватил и возвел
 На вершины торжественных скал.

Взмыл сурово над кручами гор,
 Бросил сердце в лазоревый блеск,
 И вокруг меня слышен с тех пор
 Орлих крыл несмолкаемый плеск.

Во долине, в долине Сално*** боевой,
 Ранен в грудь, умирает гайдук.
 Рана — розы раскрытой цветок огневой,
 Ствол ружья выпадает из рук.

Запевает кузнечик в кровавых полях,
 И, в объятьях предсмертного сна,
 Видит павший гайдук, видит в сонных мечтах,
 Что свободна родная страна...

Снится нива — колосья под ветром звенят,
 Снится — звякая, блещет коса,

* Араз — Аракс, река. Баштан — сад.

** Шушан, Шушик — женское имя Сусанна.

*** Сално — горная местность в турецкой Армении.

Мирно девушки сено гребут — и звучат,
Всё о нем их звенят голоса..

Над долиной Сално́ туча хмуро встает,
И слезами увлажился дол.
И сраженному черные очи клюет
Опустившийся в поле орел...

369

Под алмазным венцом
Среди звезд — Алагяз,*
Выше гор, выше туч
Он на троне сидит, развалясь.

Я помчусь за алмазным венцом
На крылах райской птицы Синам,**
К тем звездам обращаюсь я лицом,
Сердце снам и виденьям предам.

В сердце — рай, там поют соловьи,
Кущи роз, о любви плачет саз...
О, Заро! нас объятья мои
На алмазный умчат Алагяз!

370

Уж солнце за вершиной гор,
И даль лугов мутна.
Умолк уснувший птичий хор,
А я — не знаю сна.

Сквозь крышу месяц заглянул,
Весы приподнялись,
Прохладный ветер потянул
К звездам, в ночную высь.

О, нежный ветер, звездный свет,
Где яр*** мой в эту ночь?

* Алагяз — гора.

** Синам — фантастическая птица.

*** Яр — милый.

О, звезды, вас прекрасней нет
Где бродит яр всю ночь?

Рассвет настал и в дверь вошел,
Туман, и дождь идет.
Ал-конь пришел, один пришел,
Ах, яр домой нейдет!

371

Караван мой бренчит и плетется
Средь чужих и безлюдных песков.
Погоди, караван! Мне сдается,
Что из родины слышу я зов...

Нет, тиха и безмолвна пустыня,
Солнцем выжжена дикая степь.
Далеко моя родина ныне,
И в объятых чужих — моя джан.

Поцелуям и ласкам не верю,
Слез она не запомнит моих.
Кто зовет? Караван, шевелися —
Нет в подлунной обетов святых

Уводи, караван, за собою,
В неродную, безлюдную мглу.
Где устану — склонюсь головою
На шипы, на утес, на скалу...

372

Издалека в тиши ночной
До сердца песнь дошла.
Чья тихая душа тоской
Мне душу облекла?

В печальной песне — аромат
Баюкальной мечты.
Прибой любви священной, брат,
Услышь, безвестный, ты!

Я увидел во сне: колыхаясь, виясь,
 Проходил караван, сладко пели звонки.
 По уступам горы громоздятся и змеясь,
 Проползал караван, сладко пели звонки.

Посреди каравана — бесценная джан,
 Радость блещет в очах, подвенечный наряд...
 Я — за нею, палимый тоской... Караван
 Раздавил мое сердце, поверг меня в прах.

И с раздавленным сердцем, в дорожной пыли,
 Я лежал одинокий, отчаянья полн...
 Караван уходил, и в далекой дали
 Уходящие сладостно пели звонки.

Да, я знаю всегда — есть чужая страна,
 Есть душа в той далекой стране,
 И грустна, и, как я, одинока она,
 И сторает, и рвется ко мне.

Даже кажется мне, что к далекой руке
 Я прильнул поцелуем святым,
 Что рукой провожу в неисходной тоске
 По ее волосам золотым...

Видит лань — в воде
 Отражен олень.
 Рыщет лань везде,
 Ищет, где олень.

Ланий зов сквозь сон
 Услыхал олень.
 Рыщет, ищет он,
 Ищет ночь и день.

Словно молнии луч, словно гром из туч,
 Омрачен душой, я на бой пошел.
 Словно стая туч над зубцами круч,
 Милый друг сестра, брат твой в бой пошел.

А утихнет бой — не ищи меня
 В удалой толпе боевых друзей,
 Ты ищи, сестра, ворона коня,
 Он копытом бьет в тишине полей.

Не ищи, душа, не ищи дружка,
 На хмельном пиру, средь товарищей,
 Взовет горный ветер, кинет горсть песка
 В твоего дружка, на пожарище.

И чужая мать, неродная мать
 Будет слезы лить над могилою,
 Не моя сестра — горевать, рыдать,
 Рассыпать цветы над могилою...

От алой розы, розы любви,
 Увы — остались одни шипы

Шипы сухие в сердце впились,
 В младое сердце вошли они,
 Мои зеленые, красные дни
 Повиты трауром любви.

Всё, всё, что есть от дней весны, —
 Вы, вы, колючие шипы!

Не глядись в черный взор,
 В нем — безбрежность ночей,
 Ужас тьмы, духи гор, —
 Бойся черных очей!

Видишь: сердце — кровавый ручей, —
Нет покоя с тех пор,
Как сразил чарый взор, —
Бойся черных очей!

379

Снилось мне — у соленой волны,
Ранен в сердце, я тихо прилег;
Навевая мне нежные сны,
Набегает волна на песок.

Снилось — мимо проходят друзья,
Веселятся, поют и кричат;
Но никто не окликнул меня.
Я молчу, и тускнеет мой взгляд.

380

Ночью в саду у меня
Плачет плакучая ива,
И безутешна она,
Ивушка, грустная ива.

Раннее утро блеснет —
Нежная девушка-зорька
Ивушке, плачущей горько,
Слезы — кудрями отрет.

381

В разливе утренних лучей
Трепещет жаворонок страстный,
Не знает мрака и скорбей,
Поет любовь и свет прекрасный.

Душа, окутанная тьмой,
Глядит с тоской на мир несчастный,
А над склоненной головой
Ликует жаворонок страстный!

340

Схороните, когда я умру,
На уступе горы Алагяза,
Чтобы ветер с вершин Манташа
Налетал, надо мною дыша.

Чтобы возле могилы моей
Колыхались пшеничные нивы,
Чтобы плакали нежно над ней
Распустившие волосы ивы.

Ноябрь — декабрь 1915

ПЛУДОНИС

383. РЕКВИЕМ

Лежать и мне в земле сырой!..
Другой певец по ней пройдет.

Келлог

Сон мой храните, возницы!
Тише влеките мой прах!
Чтоб не встряхнуть колесницы
Там, на курганных песках!..
Ветер, о чем твои муки?
Лес, что ты тяжко шумишь? —
Или, в томленьи разлуки,
Ты мне «прости» говоришь?

Ручеек! Твой поток
Быстро в роще гнет цветок!
Мой привет!.. Когда весною
Будут юных звать мечтою
Соловьи на берег твой, —
Порастет мой холм травой.

Помаленьку, шажком,
Бледным вереском, песком,
Где игра была мне в радость,
Где ребенку жизни сладость
Улыбнулась за холмом, —
Помаленьку, шажком!

Чу! Точно теплой струею
Дождик бежит по щеке:
Матери сердце больное
В жгучей изныло тоске.
Матери счастье сулил я,
Радости старческих дней,
Горе взамен навалил я
На спину бедную ей.

Мать, стой!.. Час-другой —
Смерть придет и за тобой!..
Там, где тишиной небесной
Насладится бестелесный,
Там мы встретимся опять, —
Потерпеть недолго, мать!..

Помаленьку, шагком
Мы до цели добредем...
Торопливо жизнь промчал я,
Второпях и путь скончал я, —
Так пора забыться сном...
Помаленьку, шагком!

Нет, не под звоны бокала,
Не на паркетном полу, —
Мать моя люльку качала
В темном и дымном углу.
Слезы стекали ручьями
В полный до края сосуд;
Верными были друзьями —
Голод, да горе, да труд.

Так умри, сяк умри —
Только юностью гори;
Лишь огонь любви горящей —
Жизни свет животворящий,
Всем нам, всем судьбою дан
Мильды * сладостный обман.

Помаленьку, шагком,
Тихим долом и леском!..
Уж звонят с кладбища... Тише ..
Поднимайте гроб мой выше
И несите в тихий дом
Полегоньку, шагком!

Кто на пути недвижимый,
Бледный, как мрамор, застыл? —
Братец мой! Братец любимый!..
Дорог ты в мире мне был!..
Стихли сердечные боли...

* Мильда — богиня победы в латышской мифологии.

Мы разлучились в пути...
Здесь уж не встретиться боле,
Выйди, скажи мне «прости».

Замкнут круг — персть мне друг
Не ломай напрасно рук:
Пусть, борьбой суровой свален
В груды трупов и развалин,
Пал товарищ боевой, —
Всё разит и бьет живой.

Помаленьку, шажком!..
Под дерновым бугорком
Не тревожьте погребенных,
Тягой жизни утомленных,
Усыпленных сладким сном...
Помаленьку, шажком!

Ветками елок — могила,
Зеленью дышит земля.
Тихая пристань укрыла
Сломленный стан корабля.
Радость и горе простыли,
Тяжкая смолкла борьба.
Да и тебя ведь к могиле
Гонит, счастливец, судьба!

Человек прожил век,
В ночь уходит человек...
Вот над бедною могилой
Встал другой — с живою силой
Мысль к великому стремится, —
Час настал — и он зарыт.

Полегоньку, шажком,
В тихий дом, в подземный дом!
Пядь пути, еще мгновенье —
И навек успокоенье
Под дерновым холодком...
Полегоньку, шажком!

Милые! Кончено с вами:
Сырость ложится на грудь;
Здесь, в этой сумрачной яме,
Горестный кончился путь.

В белый песок испарится,
Словно сугроб от лучей,
Всё, чем борец веселится, —
Мир величавый идей.

Меркнет свет, солнца нет:
Дверь скрипит за мной вослед;
С шумом персть на гроб валится,
Холм песчаный громоздится...
Песня тихая, сквозь сон...
Отдаленный, сонный звон...

Помаленьку — уснем,
Помаленьку — уснем...

декабря 1915

ФИНСКИЕ ПОЭТЫ

Л. Онерва

384. НЕ СТРАШУСЬ

Не страшусь, пускай могила
Надо мной простерла свод.
Знаю — мощной мысли сила
Из могилы путь найдет.

Не страшусь, пусть вечер алый
Озаряет небосклон;
Тень улыбки самой малой
В книгу впишется времен.

И замолкший дух из бездны
Зазвучит издалека,
Упадая ливнем звездным
На грядущие века.

6 декабря 1915

И.-Л. Рунеберг

385. НАШ КРАЙ*

Наш край, наш край, наш край родной,
О, звук, всех громче слов
Чей кряж растущий над землей,
Чей брег встающий над водой,
Любимей гор и берегов
Родной земли отцов?

* Это стихотворение (вступительное к «Рассказам Фенрика Столя») стало финским национальным гимном.

Ступай, надменный чужевер,
Ты звону злата рад!
Наш бедный край угрюм и сер,
Но нам узоры гор и шхер —
Отрада, слаще всех отрад,
Неоцененный клад.

Нам люб потоков наших рев,
Ручьев бегущих звон,
Однообразный шум лесов,
Свет звезд, прозрачность вечеров,
Всё, всё, чем слух был поражен,
Чем взор был полонен.

Здесь с мыслью, с плутом и с мечом
Отцы ходили в бой,
Здесь ночь за ночью, день за днем
Народный дух пылал огнем —
В согласьи с доброю судьбой,
В борьбе с судьбою злой.

Кто счет народным битвам вел,
Когда всё вновь и вновь
Война неслась из дола в дол,
Мороз и глад за ним пришел, —
Кто мерил пролитую кровь,
Терпенье и любовь?

Да, здесь, вот здесь та кровь текла,
За нас текла тогда,
Душа народа здесь цвела
И тяжким вздохом изошла
В давно прошедшие года
Под бременем труда.

Здесь — наше всё, здесь — светлый рай,
Отрада наших дней!
Как рок жестокий ни пытай —
Он всё при нас, родимый край.
Что ж нам любить еще полней,
Святей и горячей?

И здесь, и там блуждает взор,
Я руку протяну —

Взгляни на радостный простор,
Вон берега, вон рябь озер,
Взгляни на всё, как я взгляну
На милую страну.

И пусть на нас прольется свет
Из тверди золотой,
Пусть станет жизнь игрой планет,
Где слез не льют, где вздохов нет
А всё — убогий край родной
Мы помянем с тоской.

О, край, многоозерный край,
Где песням нет числа,
От бурь оплот, надежды рай,
Наш старый край, наш вечный край,
И нищета твоя светла,
Смелей, не хмурь чела!

Он расцветет, твой бедный цвет,
Стряхнув позор оков,
И нашей верности обет
Тебе дарует блёск и свет,
И наша песнь домчит свой зов
До будущих веков.

8 декабря 1915

386. ЛЕБЕДЬ

Июньский вечер в облаках
Пурпуровых горел,
Спокойный лебедь в тростниках
Блаженный гимн запел.

Он пел о том, как север мил,
Как даль небес ясна,
Как день об отдыхе забыл,
Всю ночь не зная сна;

Как под березой и ольхой
Свежа густая тень;
Как над прохладною волной
В заливе гаснет день;

Как счастлив, счастлив, кто найдет
Там дружбу и любовь;
Какая верность там цветет,
Рождаясь вновь и вновь.

Так от волны к волне порхал
Сей глас простой хвалы;
Подругу к сердцу он прижал
И пел над ней средь мглы.

Пусть о мечте твоей златой
Не будут знать в веках;
Но ты любил и пел весной
На северных волнах.

24 января 1916

Н. Рунеберг

387. МАРШ МЕРТВЕЦОВ

Упорной колонной мы строимся там,
Где гибнут живые толпами.
Всё новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами.

Пробитая грудь, окровавленный лоб —
Так рать наша бьется из гроба,
Ее не пугают опасность и гроб,
Не трогают зависть и злоба.

Слабеет в сраженьи живая рука,
Оружие может сломаться,
А наши деянья не знают врага,
Не могут ничем запятнаться.

Да, новые воины к нашим рядам
Идут, примыкают с годами,
Победной колонной мы держимся там,
Где гибнут живые толпами.

11 декабря 1915

3. Топелиус

388. РАБОЧАЯ ПЕСНЯ

Рабочие-друзи, наш радостен труд
Финляндии, матери нашей.
Мы мерим глубины озер и запруд,
Мы правим ремесла и пашем.

Упорным трудом
Мы ставим ей дом,
Чтоб мать не осталась на месте пустом,
В нужде не увяла,
Не стала рабой,
От нас получала
Свой хлеб и покой.

Рабочие-друзи, наш радостен труд
Финляндии, матери нашей.

Прекрасная мать в лучезарной красе
Нас крепко к груди прижимает,
И сердца биенья мы слушаем все,
Лишь только борьба затихает.

Чтоб долг отплатить,
Добро отдарить, —
Мать в жемчуг и в золото надо рядить.
В поток полноводный
Ей любо смотреть;
Нам — жить с ней, свободной,
И с ней умереть.

Прекрасная мать в лучезарной красе
Нас крепко к груди прижимает.

12 декабря 1915

389. МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна,
На памяти моей встают былые времена,
Плывут сказанья в вышине, как перья облаков,
И в сердце странно и светло, печально и легко.

И звезды ясно смотрят вниз, блаженствуя в ночи,
Как будто смерти в мире нет, спокойны их лучи.
Ты понял их язык без слов? Легенда есть одна,
Я научился ей у звезд, послушай, вот она:

Далёко, на звезде одной, в величьи зорь он жил,
И на звезде другой — она, среди иных светил.
И Салами звалась она, и Зуламит был он,
И их любовь была чиста, как звездный небосклон.

Они любили на земле в минувшие года,
Но грех и горе, ночь и смерть их развели тогда.
В покое смерти крылья им прозрачные даны,
И жить на разных двух звездах они осуждены.

Сны друг о друге в голубой пустыне снились им,
Меж ними — солнечный простор сиял, неизмерим;
Неисчислимые миры, создание рук творца,
Горели между ним и ей в сиянии без конца

И Зуламит в вечерний час, сжигаемый тоской,
От мира к миру кинуть мост задумал световой;
И Салами в тоске, как он, — и стала строить мост
От берега своей звезды — к нему, чрез бездну звезд.

С горячей верой сотни лет упорный длится труд,
И вот — сияет Млечный Путь, и звездный мост
сомкнут;
Весь охватив небесный свод, в зенит уходит он,
И берег с берегом другим теперь соединен.

И херувимов страх объял; они к творцу летят:
«О, господи, что Салами и Зуламит творят!»
Но всемогущий им в ответ улыбкой просиял:
«Я не хочу крушить того, что жар любви сковал».

А Салами и Зуламит, едва окончен мост,
Спешат в объятия любви, — светлейшая из звезд,
Куда ни ступят, заблестит на радостном пути,
Так после долгих бед душа готова вновь цвести.

И всё, что радостью любви горело на земле,
Что горем, смертью и грехом разлучено во мгле, —
От мира к миру кинуть мост пусть только сил
найдет, —
Верь, обретет свою любовь, его тоска пройдет.

24 января 1916

390. ЛЕТНИЙ ДЕНЬ В КАНГАСАЛА *

Качаюсь на верхней ветке
И вижу с высоких гор,
Насколько хватает зренья,
Сиянье синих озер.
В заливах Лэнтгельмэнвеси
Блестит полоса, как сталь,
И нежные волны Ройнэ,
Целуясь, уходят вдаль.

Ясна, как совесть ребенка,
Как небо в детстве, синя,
Волнуется Весиэрви
В ласкающем свете дня.
На лоне ее широком —
Цветущие острова;
Как мысли зеленой природы,
Их нежит волн синева.

Но сосны сумрачным кругом
Обстали берег крутой,
На резвую детскую пляску
Так смотрит мудрец седой.
Созревшие нивы клонят
Лицо к озерным зыбям,
Цветы луговые дышат
Навстречу летним ветрам.

Финляндия, как печален,
А всё красив твой простор
И златом и сталью блещет
Вода голубых озер!
Звучит и печаль и радость
В напевах финской струны,
И в мерном качаньи песен —
Игра зыбучей волны.

Я — только слабая птичка,
Малы у меня крыла.

* Из «Песен птички» («Sylvias visor»). — Кангасала — в Тавастгусской губ. (недалеко от Таммерфорса). — В тексте — названия озер, которые видны с горы Хариюла.

Была б я орлом могучим
И к небу взлететь могла, —
Летела бы выше, выше,
К престолу бога-отца,
К ногам его припадая,
Молила бы так творца:

«Могучий владыка неба,
Молитве птички внимли:
Ты создал дивное небо!
Ты создал прелесть земли!
Сиять родимым озерам
В огне любви нашей дай!
Учи нас, великий боже,
Учи нас любить наш край!»

3 февраля 1916

Я. Тегенгрен

391. ЗЕМЛЯ ЕСМЬ

Мечтать о небесном царстве
Не надо душе моей,
Вон жаворонок трепещет —
Его крыло мне милей,
След вальдшнепа на пригорке,
И солнечный луч в траве —
Всё, всё, что звенит и блещет
И радуется земле.

Найду ль в неизвестном небе
Замену земных отрад?
Земля пробудила к жизни,
Земля возвратит назад,
В тот угол лобикой персти,
Где отдых узнаю я.
Траве и светлой былинке —
Родная душа моя.

Душа — родная пылинке
На крылышках мотылька,
Росе прозрачной и чистой
В раскрытой чаше цветка.
Мечусь я с мятежным ветром,
С печальной птицей кричу.
Земля я, я — персть земная,
И в персть отойти хочу.

24 января 1916

ПРИЛОЖЕНИЯ

І. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
<К СБОРНИКУ «ЗЕМЛЯ В СНЕГУ»>

Зачем в наш стройный круг ты ворвалась, комета?

Л. Б.

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный круг свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосозданная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама, и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем...
Что нужды ей тогда до общего смущенья,
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

Ап. Григорьев, 1843

План третьей книги моих стихов — неизбежная, драматическая последовательность жизни.

«Стихи о Прекрасной Даме» — ранняя утренняя заря — те сны и туманы, с которыми борется душа, чтобы получить право на жизнь. Одиночество, мгла, тишина — закрытая книга бытия, которая плещет недоступностью, дразнит странным узором непонятных страниц. Там все будущее — за семью печатями. В утренней мгле сновит уже Чародейный, Единый Лик, который посещал в видениях над полями и городами, который посетит меня на исходе жизни. Может быть, скоро уже Он явится мне опять, и тогда пойму, что перегнула линию жизни и близится закат. Но — мимо! Опять в слепоту и хмель, во мрак и тревогу безумно торопят меня восторги жадной жизни.

«Нечаянная Радость» — первые жгучие и горестные восторги — первые страницы книги бытия. Чаши отравленного вина, полувопло-

щенные сны. С неумолимой логикой падает с глаз пелена, неумолимые черты безумного уродства терзают прекрасное лицо. Но в буйном восторге душа поет славу новым чарам и новым разубереждениям; ей ведомы новые отравы, новый хмель. Готовая умереть, она чудесно возрождается; готовая к полету, срывается в пропасть — и плачет, и плачет на дне. Израненная — поет. Избитая — кричит. Истоптанная — возносится к прозрачной синеве. Надтреснутый колокол мерно качается и поет серебряным голосом, пока не сорвется в пропасть: восторгов мира не избыть, влюбленности, как феникс, возникает из пепла, — и новые пиры празднует природа там, где вчера еще пахло гарью, и вспугнутые птицы взлетали и метались, жалобно крича, над смрадно дымящейся землей.

Кто посмеет сказать: «Не должно. Остановись»? Так я живу, так я хочу. Не променяю моих восторженных и черных дней, моей мещанской лени, моего вечного праздника на вашу здравость и глубину, на ваши жемчужные зори. Не по чуждой воле погибну, не по чуждой восстану. Я вопрошаю словами поэта:

Кто скажет нам, что жить мы не умели,
Бездушные и праздные умы,
Что в нас добро и нежность не горели
И красоте не жертвовали мы?

Где ж это всё? Еще душа пылает, —
По-прежнему готова мир обнять...
Напрасный жар — никто не отвечает!
Воскреснут звуки — и замрут опять...

Лишь ты одна! Высокое волненье
Издателя мне голос твой принес:
В лаштах кровь и в сердце вдохновенье...
Прочь этот сон — в нем слишком много слез!

Не жизни жаль с томительным дыханьем, —
Что жизнь и смерть!.. — А жаль того огня,
Что проспят над целым мирозданьем
И в ночь идет! И плачет, уходя!

И вот Земля в сгусте. Плод горестных восторгов, чаша горького вина. Когда безумец потерял дорогу, — уж не вы ли укажете ему путь? Не принимаю — идите своими путями. Я знаю сам страны света, звуки сердца, лесные тропинки, глухие овраги, огни в избах моей родины, яркие очи моей спутницы.

Что из того, что Судьба, как цирковая наездница, вырвалась из тусклых мерцаний кулис, и лихой скакун ее, ослепленный потоками света, ревом человеческих голосов, щелканьем бичей, понесся вокруг

арены, задевая копытами паряпет? И вот Судьба — легкая наездница в прозрачной тунике, вся розовая, трепетно-стыдливая на арене, нагло-бесстыдная в страсти, хлестнула невзначай извилистым бичом жалкого клоуна, который ломается на глазах амфитеатра, — хлестнула прямо в белый блин лица. В душе у клоуна — пожар смеха, отчаянья и страсти. Из-под красных треугольных бровей льется кровь — оттого и не видно дороги. Идет, пошатываясь и балагурия, — но не протягивайте рук и не спасайте.

Далеко в потемках светит огромный факел влюбленной души. Если с ним заблужусь, то уж некому спасти, ибо сама Судьба превратила эту пышность, этот неизбывный восторг, эту ясную совесть, эту радостную тоску — в ничто. И я протяну к ней руки, я поклонюсь ей в ноги, — будь Она в образе цирковой наездницы в ажурных чулках с голубыми стрелками, с тонким и оскорбительным бичом, с глазами пленительной меццанки, сияющими лишь по привычке всегда сиять, до гроба сиять.

Так разевртывается жизнь. Так, всему изумляясь, ни о чем не сожалея, страдной тропой проходит душа. Расступитесь. Вот здесь вы живете, вот в этих пыльных домиках качаете детей и трудитесь, вот здесь воскресным вечером, в желтой летней пыли, щелкаете орешки, лущите подсолнухи, покупаете зеркальце на уличном лотке, чтобы стать краше и нравиться милому. Но издали идет к вам вольная, дерзкая, наглая цыганка с шафранным лицом, с бездонной страстью в черных очах. Медленно идет, гуляя, отдыхая, от одной страстной ночи к другой. В черных волосах бренчат желтые монеты, запылен красно-желтый платок. Вам должно встать, и дать ей дорогу, и тихо поклониться.

Кто захочет понять, — пусть поймет неумолимую логику этих малословесных книг. Кто захочет больше — поверить, — пусть верит, что не победит и Судьба. Ибо в конце пути, исполненного падений, противоречий, горестных восторгов и ненужной тоски, расстилается одна вечная и бескрайняя равнина — изначальная родина, может быть, сама Россия. И снега, затемняющие сияние Единой Звезды, улягутся. И снега, застилающие землю — перед весной. Пока же снег слепит очи и холод, сковывая душу, заграждает пути, издали доносится одинокая песня Коробейника: победно-грустный, призывный напев, разносимый выгой:

Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча,
Пожалей, душа зазнобушка,
Молодецкого плеча!

Выди, выди в рожь высокую,
Там до ночи погожу,

А завяжу чернооую —
Все товары разложу!

Только знает ночь глубокая,
Как поладили они!
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани...

Александр Блок

Март 1908 г.
С.-Петербург

II. ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К КНИГЕ ТРЕТЬЕЙ «СОБРАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ» — «СНЕЖНАЯ НОЧЬ»

1. <ВВЕДЕНИЕ>

Северные ночи длинные, синева их изменчива, видения их многообразны. Северный художник поневоле предпочитает бесцветному дню — многоцветную снежную ночь. Называя ее именем последнюю книгу моего нынешнего собрания стихотворений, я хотел бы, чтобы читатели вместе со мною видели в ней не одни глухие ночные часы, но и приготовление к ночи — свет последних закатов, и ее медленную убыль — первые сумерки утра.

2. <ПРИМЕЧАНИЯ К «ИТАЛЬЯНСКИМ СТИХАМ»>

«Равенна». Плиты пола в подземельи под алтарем храма св. Аполликарня и в ротонде Теодориха Великого ушли в землю и постоянно покрыты водой; оттого низко стоящие мраморные саркофаги подергиваются нежной плесенью розовато-лилового и светло-зеленого цвета. — В Равенне и ее окрестностях покоятся прахи Теодориха, Данта и той, которая названа Галлой в четвертой строфе и Плакидой в пятой. Я позволил себе так грецизировать имя Галлы Плакидии, лицо которой у некоторых художников похоже на лицо гречанки. Впрочем, да prospit мне археолог мои личные мысли о знаменитой царице V века, сестре, супруге и матери римских императоров (Гонория, Констанция и Валентиниана III), вдове вестготского вождя (Атаульфа). Многошумная судьба бросила эту страстную и властолюбивую женщину от позорной колесницы

варвара на трон Западной Римской империи, сердцем которой была пышная в те дни Равенна. Образ Галлы с лицом то девически-нежным, то твердым и жестоким, почти как лицо legionера, неоднократно вставал перед художниками, в том числе и русскими. Средневековое предание говорит, что она похоронена в сидячем положении, но ее высокий саркофаг, как и соседние с ним (сына и мужа) — пусты.

Лежащий на юго-восток от Равенны Classe был во времена Августа главной римской гаванью — *portus Classis*; но Адриатика давно уже отступила от этих берегов, и шумная некогда гавань состоит теперь из нескольких домиков и огромной полупустой базилики с прахом св. мученика Аполлинария. *Sanguis martyris — semen fidei tuae, Ravenna.* *

«*Maria da Spoleto*» («Девушка из Spoleto»). «Лишь, как художник, смотрю за оградой». Художники Возрождения любили изображать себя самих на своих картинах, в качестве свидетелей или участников. Одни — сладострастно подсматривают из-за занавески, как старцы за купающейся Сусанной; другие — только присутствуют в качестве равнодушных участников: так, на фресках Пинтурикchio в библиотеке Энея Сильвия в Сиенском соборе — художники Рафаэль, Андреа дель Сарто, Джованни да Удине и сам автор стоят в церкви со свечами; присутствие третьих, по-видимому, необходимо и имеет уже характер какого-то таинственного действия; так, на фреске в Новой капелле Орвьетского собора, изображающей свержение с небес антихриста, автор фрески Лука Синьорелли изобразил себя самого и фра Джованни Анжелико — свидетелями великого события: оба художника стоят спокойно, в темных одеждах, со сложенными руками, напоминая позы ангелов (на других фресках той же капеллы), которые так же спокойно взирают с небес на толпу грешников, обреченных на вечные муки геенны; а перед ними волнуется целое море обнаженных тел и напряженных мускулов.

В этом стихотворении, так же как в «Благовещении», я хотел представить художника третьего типа: созерцателя спокойного и свидетеля необходимого.

«*Madonna da Settignano*». Settignano — местечко в окрестностях Флоренции. Стих(отворение) это внушил мне бюст сиенской Мадонны в желтом платке с цветочками, помещенный над местечком, в полугоре.

«Венеция». Я назвал «иконостасом» единственный в мире фасад собора св. Марка. — Черные шали с бахромой — до сих пор неиз-

* Кровь мученика — семя всры твоей, Равенна (лат.). — Ред.

меняя принадлежность костюма венецианок; их накидывают и носят особенно.

«Флоренция». <Пятое> стихотворение написано на мотив итальянской уличной песни.

«Сиенский собор». Мраморный пол собора покрыт многими изображениями (т. н. «graffiti»); среди прочих — возрасты человека и девять сивилл, у одной из которых — Кумской — волосы распущены по плечам, лицо напоминает трагическую маску, и вся фигура — стремление; это та, которая пророчит: «Et mortis fatum finiet. Trium dierum somno suscepto tunc a mortuis regressus in lucem veniet primum resurrectionis initium ostendens».*

«Благовещение». Гриф — символ Перуджини с древнейших времен, о чем свидетельствуют изображения грифов в соседней с городом этрусской могиле Волумниев. Под знаком грифа был и внушивший мне эти стихи Джованникола Манни, автор нескольких фресок в Collegio del Cambio (Перуджиня). Под его «Благовещением» и другими новозаветными фресками подписано: *ite procul monco, sacer est locus, ite profani*.** Как бы оградившись этим заклинанием с оттенком личного (*monco*) от непосвященного и склонного заподозрить кощунство зрителя, художник позволяет себе с интимностью (всичной спутницей демонизма) изображать бытовые сцены: моют новорожденного Иоанна Крестителя; Елизавета прибегает с кумовскими ужимками сообщить Марии важную новость; тут же — история Саломеи; и наконец — темноплкий вестник в красной одежде дерзким любовным прищепством заставляет красавицу оторваться от книги. — Демоны художников диктуют «Леду и Лебедя» тому, кто замыслил «*Annunziazione*», и «Гаврииладу» — автору стихотворения «Средь множества картин».

«Успение». Стихотворение внушено фреской фра Филиппо Липпи в алтаре Спелетского собора (Умбрия).

Январь 1912

* «Судьба смерти тоже имеет предел. Охваченный трехдневным сном, — потом, восстав из мертвых, он явится на свет, являя первый пример воскресения» (лат.). — *Ред.*

** Убеждаю: идите прочь, непосвященные, это место свято (лат.). — *Ред.*

III. К ПОЭМЕ «ВОЗМЕЗДИЕ»

1. <ДВЕ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВКИ ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ ПОЭМЫ>

13

Тебе, читатель, надоело,
Что я тяну вступленья нить,
Но знай — иду я к цели смелю,
Чтоб истину установить.
Кто б ни был ты, — среди обедов,
Или храня служебный пыл,
Ты, может быть, совсем забыл,
Что был чиновник Грибоедов,
Что службы долг не мешал
Ему увидеть в сне тревожном
Бред Чацкого о невозможном,
И Фамусова шумный бал,
И Лизы пухленькие губки...
И — завершение всех чудес —
Ты, Софья... Вестница небес,
Или бесенок мелкий в юбке?..
Я слышу возмущенный крик:
«Кто ж Грибоедова не знает?» —
«Вы, вы!» — Довольно. Умолкает
Мой сатирический язык, —
Читали вы «Милльон терзаний»,
Сметрели «Горе от ума»...
В умах — всё сон полусознаний, —
В сердцах — всё та же подлетьма...
«Твой Врубель — кто?» — отсюду разом
Кричат... Кто Врубель? — На, лови!..
(О, господи благослови...)
Он был... пещерским богомазом.
Пожалуй, так сойбюсь с пути —
Всё объясняю да толкую...
Ты пропусти главу-другую,
А впрочем (бог тебе прости)...
Хоть всю поэму пропусти.

С тобою связь я стал терять,
 Читатель, уходя в раздумья,
 Я голосу благоразумья
 Давно уж перестал внимать...
 Передо мной открылись бездны...
 И вдруг — припоминаю я:
 Что, если ты — колпак уездный,
 Иль, скажем, ревностный судья?..
 Иль даже чином много выше?
 Я твой не оскорблю устав:
 С пучком своих четверостиший
 На землю вновь лечу стремглав...
 Эй, шибче! Пользуясь моментом,
 (Чтоб ты меня не обзывал
 «Кривлякою» и «декадентом»),
 Зову тебя к себе на бал!
 Знакомьтесь: девушка из скромных —
 Она тебя не оскорбит,
 Застенчивость, и даже стыд,
 Горят во взорах Музы томных,
 С ней смело танец начинай...
 А если ты отец семейства, —
 Эй, Муза! чур, без чародейства,
 Кокетничай, да меру знай!
 Читатель! Веселее! С богом!
 Не раскисай хоть на балу!
 Не то опять высоким слогом
 Я придушу тебя в углу!
 Она — ты думал — неуклюжа,
 И неречиста, и скучна?
 Нет, погоди, мой друг! Она
 Сведет с ума любого мужа,
 Заставит дуться многих жен,
 Пройдясь с тобой в мазурке польской,
 Сверкнув тебе улыбкой скользкой
 (А ты, поди — уже влюблен!)
 «Я вас люблю — и вы поверьте!»
 (Мой бог! Когда от скромных дев
 Вы этот слышали запев?)
 Смотри! Завертит хоть до смерти,
 Сдавайся! С Музою моей
 Ты ждал не этого, признаться?

И вдруг — так страшно запыхаться?..
Приляг же, отдохни скорей,
И больше не читай поэмы!
Негодница! Что скажет свет?
Подсовывать такие темы
Читателю почтенных лет?
Прочь с глаз! С такими я не знаком!
Ступай, откудава пришла! —
Тебя плясунья провела,
Читатель! Так и быть, признаюсь:
Повеселить тебя я рад,
Ища с плясуньями союза,
Но у меня — другая Муза,
А эту — взял я напрокат.

31 января 1911

2. <ПЛАНЫ ПОЭМЫ>

24 февраля <1911>

У моего героя не было событий в жизни. Он жил с родными тихой жизнью в победоносцевском периоде. С детства он молчал, и все сильнее в нем накапливалось волнение беспокойное и неопределенное. Между тем близилась Цусима и кровавые зори 9 января. Он ко всему относился как поэт, был мистиком, в окружающей тревоге видел предвестие конца мира. Всё разрастающиеся события были для него только образами развертывающегося хаоса. Скоро волнение его нашло себе русло: он попал в общество людей, у которых не сходили с языка слова «революция», «мятеж», «анархия», «безумие». Здесь были красивые женщины «с вечно смятой розой на груди» — с приподнятой головой и приоткрытыми губами. Вино лилось рекой. Каждый «безумствовал», каждый хотел разрушить семью, домашний очаг — свой вместе с чужим. Герой мой с головой ушел в эту сумасшедшую игру, в то неопределенно-бурное мирозерцание, которое смеялось над всем, полагая, что все понимает. Однажды, с совершенно пустой головой, легкий, беспечный, но уже с таящимся в душе протестом против своего бесцельного и губительного существования, взбежал он на лестницу своего дома.

На столе лежало два письма: одно — надушенное, безграмотное и страстное... Потом он распечатал второе. Здесь его извещали кратко, что отец его находится при смерти в варшавской больнице.

Оставив все, он бросился в Варшаву. Одиночество в вагоне. «Жандармы, рельсы, фонари»... Первые впечатления Варшавы.

21 февраля 1913

Пролог («Жизнь без начала и конца».)

Глава I. Петербург конца 70-х годов. Турецкая война и 1 марта. Это — фон. Семья и появление в ней «демона». Скучая, увозит молодую жену в Варшаву. Через год она возвращается: «бледна, измучена, ребенок золотокудрый на руках».

Глава II. Петербург 90-х годов. Царь. Тройки, вдова Клико. Воспитание сына у матери. Юность, видения, весенний пыл, роман (еще удачливый). *Первая мазурка*. Приближение революции, весть о приближающейся кончине отца.

Глава III. Приезд в Варшаву. Смерть отца. Тоска, мороз, ночь. *Вторая мазурка*. «Ее» появление. Зачат сын.

Глава IV. Возвращение в Петербург. Красные зори, черные ночи. Гибель его (уже неудачливый). Баррикада.

Эпилог. *Третья мазурка*. Где-то в бедной комнате, в каком-то городе растет мальчик.

Два лейтмотива: один — жизнь идет, как пехота, безнадежно. Другой — мазурка.

21.IX.1913

Дед светел. В семью является демон, чтобы родить сына (первый «отбор»).

Детство и юность сына. Розовый туман, пар над лугами. *Любовь*. Опять война — и за нею революция. Встреча — как рыцарь, закованный в броню, — лица не видно. Безумие холодной страсти, так и нет лица. Утром — записка: «Смертельно болен ваш отец».

Вся тоска — только для встречи с «простой». Все лицо, пленительное все. Зачатие сына (последний отбор, что сулит?).

В 70-х годах жизнь идет *«ровно»* (сравнительно. Лейтмотив — пехота). Это оттого, что деды *верят в дело*. Есть незываемое основание, почва под ногами. Уже кругом — 1 марта. И вот — предвестием входит в семью — «демон».

...Но уже на все это глядят чьи-то *холодные* глаза. В дружной семье появляется «странный незнакомец»...

...И ребенка окружили всеми заботами, всем теплом, которое еще осталось в семье, где дети выросли и смотрят прочь, а старики уже болеют, становятся равнодушнее, друзей не так много, и друзья уже не те — свободолобивые, пламенные. Теперь — апухтинская нотка.

Уж Александр Второй в могиле,
На троне — новый Александр.

Семья, идущая как бы на убыль, старикам суждено окончить дни в глуши победоносцевского периода. Теперь уже то, что растет, — растет не по-ихнему, они этого не видят, им виден только мрак. Тут и начинается: золотое детство, елка, дворянское баловство, няня, Пушкин (опять и опять!), потом — гимназия — сначала утра при лампе, потом великопостные сумерки с трескающимся льдом и ветром. Петербург рождается новый, напрогноченный «обскурантом» Достоевским.

Пушай, наконец, «герой» воплотится. Пусть его зовут *Дмитрием* (как хотели назвать меня).

ПЛАН ПЕРВОЙ ЧАСТИ

(1878 — 1911)

Чему радуется Петербург? Солнечный сентябрь 1878. Войска наши возвращаются от стен Цареграда. Их держали в карантине, довозили до Александровской станции и теперь по одному полку в день вводят в город по шоссе от Пулкова. Трибуны у Московской заставы, там императрица и двор. Народ по всему пути. Из окон летят

цветы и папиросы на «серые груди». Идут усталые и разреженные полки. У командиров полков, батальонов — всюду цветы, на седле, на лошадиной челке. У *каждого* солдата — букет цветов на штыке. Тяжелая, усталая пехота идет через весь город — по Забалканскому, Горюховой, Морской... Адреса, речи. Гренадеры, бывшие у Московской заставы утром, дошли до казарм только в 6-м часу.

За ними Плевна, Шипка, Горный Дубняк. Шапки и темляки будут украшены. Но за ними еще — голод, лохмотья, спотыканье по снегу на Балканах, кровь, холод, смерть, хуже смерти — воровство интендантов.

В этой поэме я хочу указать на пропасть между общественным и личным, пропасть, которая становится все глубже.*

10 октября <1911> на рассвете

Начало — на рубеже 70—80-х годов. Прекрасная семья. Гостеприимство — стародворянское, думы — светлые, чувства — простые и строгие.

Реформы отшумели. Еще жива память об измене Каткова. Рядом «злится» Щедрин. Достоевский — обскурант.

Все заволакивается. 1-е марта. Победоносцев бесшумно садится на трон, как сова. Около этого времени в семье появляется черная птица: молодой мрачный (байронист) — предвестие индивидуализма, неудачник, Александр Львович Блок. Приготавливается индивидуализм, это значит старинное «общественное» (миродержание) отпускается с миром, просыпается и готов зашуметь *народ*.

Вся суть в том, что *прежняя* той семьи так заметна, потому что все тогдашние прекрасные передовые русские люди носили в себе *мир* — при всеобщем сне. То были *герои* еще (дракон, спящая царевна). То, что кажется «наивным» теперь, тогда не было наивно, но было сораспятием. Профессор лучших времен Петербургского университета был тем самым общественным деятелем, он *берег Россию*. То, что Щедрин говорит о современных ему урядниках и полицейских («Современная идиллия») — верно, не шарж. Тогда и казалось, что есть и было на самом деле только две силы: сила тупой и темной «византийской» реакции — и сила светлая — русский ли-

* Последний абзац перечеркнут в рукописи знаком вопроса. — Ред.

берализм. Единицы держат Россию, составляя «общественное мнение». —

Ну, а «Народная Воля»?

Итак, — священен кабинет деда, где вечером и ночью совещаются общественные деятели, конспирируют, разрешают самые общие политические вопросы (а в университете их тем временем разрешают, как всегда, студенты), — а утром маленький внук, будущий индивидуалист, пачкает и рвет «Жизнь животных» Брэма, и няня читает с ним долго-долго, внимательно, изо дня в день:

Гроб качается хрустальный...
Спит царевна мертвым сном.

Внук читает с няней в дедушкином кабинете (Кот Мурлыка, Андерсен, Топелиус), а на другом конце квартиры веселится молодежь: Молодая мать, тройки, разношерстные молодые люди — и кудластые студенты, и молодые военные (милютинская закуска), апухтинское: вечера и ночи, ребенок не замешан, спит в кроватке, чисто и тепло, а на улице — уютный толстый снег, шампанское для молодости еще беспечной, не «раздвоенной», ничем не отравленной, по-старинному веселой. Еще все дешево — и ямщицкий начай, и кабинет, и вдова Кликко (кажется, в то время).

Весна 1911

Семья начинает тяготить. И вот — его уже томит новое. Когда geweest гимназистом — синяя весна, сумерки, ладан, и лед звездится на лужах. Скоро мы встречаем его уже в обществе другом. Еврейка. Неутомимость и тяжелый плен страстей.

Вино.

На фоне каждой семьи встают ее мятежные отрасли — укором, тревогой, мятежом. Может быть, они хуже остальных, может быть, они сами осуждены на гибель, они беспокоят и губят своих, но они — *правы* новизною. Они способствуют выработке человека. Они обыкновенно сами бесплодны. Они — последние. В них все замыкается. Им нет выхода из собственного мятежа — ни в любви, ни в детях, ни в образовании новых семей.

Хотя они разрывают с семьей, но разрывают тем и ее. Они любимцы, баловни, если не судьбы, то семьи. Они всегда «демоничны». Они жестоки и вызывающи. Они бросают перчатку судьбе. Они — едкая соль земли. *И они — предвестники лучшего.*

После «А мир прекрасен, как всегда».

Я стою ночью у решетки Саксонского сада и слышу завывание ветра, звон шпор и храп коня. Скоро все сливается и вырастает в определенную музыку. Над Варшавой порхают боевые звуки — легкая мазурка.

Цынцирыны — цынцирыны — цынцирыны — цыцы.

— — — — —

И пахнет клевером с берегов Немана. Что за чудеса? Я замерзаю и слышу во сне райские звуки. Меня пробуждает...

ПЛАН ДАЛЬНЕЙШЕГО

⟨Январь 1911⟩

Бесконечно прав тот, кто опускает руки, кто отказывается от поверхностных радостей жизни.

Сын спускался по Краковскому предместью, в том самом месте...

9-я глава: человек, опускающий руки и опускающийся, прав. Нечего спорить против этого. Все так ужасно, что личная гибель, разрывание своей души в землю — есть право каждого. Это — возмездие той кучке олигархии, которая угнетает весь мир. Также и «страна под бременем обид»...

3. ⟨НАБРОСКИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ВТОРОЙ ГЛАВЫ⟩

24 января 1921

К чему мечтою беспокойной
Опережать событий строй?
Зачем в порядок мира стройный
Вводить свой голос бредовой?
В твои сцепленные зубы,
Пегас, протисну удила,
И если ты, заслышав трубы,
На звук помчишься, как стрела,

Тебе исполосую спину
Моим узорчатым хлыстом,
Тебя я навзничь опрокину,
Рот окровавив мундштуком,
И встанешь ты, дрожа всем телом,
Дымясь, кося свой умный глаз
На победителя
Смирителя твоих проказ...
Пойдешь туда, куда мне надо,
Грызя и пеня удила,
Пока вечерняя прохлада
Меня на отдых отвела...
Смирись, и воле человека
Покорствуй, буйная мечта...

Сошли туман и темнота.
Настал блаженный вечер вска.
Кончался век, не разрешив
Своих мучительных загадок,
Грозу и бурю затаив
Среди широких складок
Туманного плаща времен.
Зарыты в землю бунтари,
Их голос заглушен на время.
Вооруженный мир, как бремя,
Несут безропотно цари.
И Крупн, несущий мир всем странам,
(Священный) страж святых могил,
Полнеба чадом и туманом
Над всей Европой закоптил.

.
И в русской хате деревенской
Сверчок, как прежде, затрещал.

В то время земли пустовали
Дворянские — и маклаки
Их за бесценок продавали,
Но начисто свели лески.
И старики, не прозревая
Грядущих бедствий
За грош купили угол рая
Неподалеку от Москвы.

Огромный тополь серебристый
Склонял над домом свой шатер,
Стеной шиповника душистой
Встречал въезжающего двор.
Он был амбаром с острой крышей
От ветров северных укрыт,
И можно было ясно слышать,
Какая тишина царит.
Навстречу тройке запыленной
Старуха вышла на крыльцо,
От солнца заслонив лицо
(Раздался листьев шелест сонный),
Бастыльник покачнув крылом,
Коляска подкатилась к дому.
И сразу стало всё знакомо,
Как будто длилось много лет, —
И серый дом, и в мезонине
Венецианское окно,
Цвет стекол — красный, желтый, синий,
Как будто так и быть должно.
Ключом старинным дом открыли
(Ребенка внес туда старик),
И тишины не возмутили
Собачий лай и детский крик.
Они умолкли — слышно стало
Жужжанье мухи на окне,
И муха биться перестала,
И лишь по голубой стене
Бросает солнце листьев тени,
Да ветер клонит за окном
Столетние кусты сирени,
В которых тонет старый дом.
Да звук какой-то заглушенный —
Звук той же самой тишины,
Иль звон церковный, отдаленный,
Иль гул (неконченной) весны,
И потянулись вслед за звуком
(Который новый мир принес)
Отец, и мать, и дочка с внуком,
И ласковый дворовый пес.

И дверь звенящая балкона
Открылась в липы и в сирень,
И в синий купол небосклона,

И в лень окрестных деревень.
Туда, где вьется пестрым лугом
Дороги узкой колея,
Где обвелась
Усадьба чья-то и ничья.
И по холмам, и по ложбинам,
Меж полосами светлой ржи
Бегут, сбегаются к овинам
Темно-зеленые межи,
Стада белеют, серебрятся
Далекой речки рукава,
Телеги катятся
В пыли, и видная едва
Белеет церковь над рекою,
За ней опять — леса, поля...
И всей весенней красотой
Сияет русская земля...

Здесь кудри внука золотые
Ласкало солнце, здесь

Он был заботой женщин нежной
От грубой жизни огражден,
Летели годы безмятежно,
Как голубой весенний сон.
И жизни (редкие) уродства
(Которых нельзя было не заметить)
Возбуждали удивление и не нарушали
благородства
И строй возвышенный души.

Уж осень, хлеб обмолотили,
И, к стенке прислонив цепи,
Рязанцы к воялке сложили
(Уже последние снопы).
Потом зерно в мешки сыплют,
Белеющие от муки,
В телегу валят, и сажают
Наверх ребенка на мешки.
Мешков с десятков по три меры
Везет с гумна в амбар шажком
Почти тридцатилетний серый,
За ним — рязанцы вшестером,

Приказчик, бабушка с плетеной
Своей корзинкой для грибов —
Следят, чтоб внук неугомонный
Не соскользнул с мешков.
А внук сидит, гордясь немного,
Что можно править самому,
И по гумну на двор дорога
Предлинной кажется ему.

В деревне жили только летом,
А с наступленьем холодов...

(Пред ним встают) идей Платона
Великолепные миры.

И гимназистам, не забывшим
Про единицы и нули,
Профессор врет: «Вы — соль земли!»

Семь лет гимназии толстовской,
Латынь и греки

Растет, растет его волненье,
..... отчего
Уже туманное виденье
В ночи преследует его,
Он виснет над туманной бездной,
И в пропасть падает во сне.
Ему призывы тверди звездной
В ночной понятны тишине,
Его манят заката розы,
Его восторгу нет конца,
Когда грозы...

И под палящим солнцем дня
..... на коня,
Высокий белый конь, почуя
Прикосновение хлыста,
Уже волнуясь и танцуя,
Его выносит в ворота.
Стремян поскрипывают
Позвякивают удила,
Встречает жадными глазами
Мир, зримый с высоты седла.

Пропадая на целые дни — до заката, он очерчивает все большие и большие круги вокруг родной усадьбы. Все новые долины, болота и рощи, за болотами опять холмы, и со всех холмов, то в большем, то в меньшем удалении — высокая ель на гумне и шатер серебристого тополя над домом.

Он проезжает деревни, сначала ближние, потом — незнакомые. Молодухи и девки у колодца. Зачерпнула воды, наклонилась, надевает ведра на коромысло, слышит топот коня, заслонила от солнца, взглянула и засмеялась — блеснули глаза и зубы — и отвернулась, и пошла плавно прочь. Он смотрит вслед, как она качает стан, и долго ничего не видит, кроме этих смеющихся зубов, и поднимает лошадь в галоп. Она переходит в карьер, он летит без оглядки, солнце палит, и ветер свистит в ушах, уже вся деревня промелькнула мимо — последние сарай, конопля, поля ржаные, голубые полоски льна, — опять перелесок, он остановил лошадь, она пошла шагом, тень, колси, корни, из-за стволов старых смотрит большая заросль белой серебрянки, как дым, как видение.

Долго он объезжал окрестные холмы и поля, и уже давно его внимание было привлечено зубчатой полосой леса на гребне холма на горизонте. Под этой полосой, на крутом спуске с холма, лежала деревня. Он поехал туда *весной*, и уже солнце было на закате, когда он въехал в старую березовую рощу под холмом. Косые лучи заката — облака окрасились в пурпур, видение средневековой твердыни. Он минует деревню и подъезжает к лесу, едет шагом мимо него; вдруг — дорожка в лесу, он сворачивает, заставляя лошадь перепрыгнуть через канаву, за сыростью и мраком виден новый просвет, он выезжает на поляну, перед ним открывается новая необъятная незнакомая даль, а сбоку — фруктовый сад. Розовая девушка, лепестки яблони — он перестает быть мальчиком.

Январь и май — июль 1921

4. <НАБРОСКИ ОКОНЧАНИЯ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ>

Так у решетки сада длинной
Стоит и мерзнет мой герой...
Всё строже, громче выюги вой
Над этой площадью пустынной,
Встает метель, идет метель,
Взрывает снежною постель,
И в нем тоску сменяет нега,
В его глазах стоит туман,

И столбики и струйки снега
(Вдруг) разрастаются в буран,
Свист меж нагих кустов садовых,
Железный гром с далеких крыш,
И сладость чувств — летишь, летишь
В объятьях холода свинцовых...
Вдруг — бешеная голова
Коня с косматой белой гривой,
И седоусый, горделивый
Пан, разметавший рукава,
Как два крыла над непогодой
[Он шпорит дикого коня,
Его глаза, как угли, алы]
..... свободой.

Из-под копыт, уж занесенных
Над обреченной головой,
Из-под удил коня вспененных,
Из снежной тучи буревой
Встает виденье девы юной,
Всё — всё — нежность, всё — призыв,
И голос, точно рокот струнный.

Простая девушка пред ним...

Как называть тебя? — Мария.
Откуда родом ты? — С Карпат.

— Мне жить надоело. — Я тебя не оставлю. Ты умрешь со мной.
Ты одинок? — Да, одинок. — Я зарою тебя там, где никто не узнает и
поставлю крест, и весной над тобой расцветет клевер.

— Мария, нежная Мария,
Мне жизнь постыла и пуста!
Зачем змеятся молодые
И нежные твои уста?
Какою думой...

— Будь веселей, мой гость утрюмый,
Тоска минует без следа.
Твоя тоска пройдет.

— Где мы? — Мы далеко, в предместьи,
Здесь нет почти жилых домов.

Скажи, ты думал о невесте?
— Нет, у меня невесты нет.
— Скажи, ты о жене скучаешь?
— Нет, нет, Мария, не о ней.

Она с улыбкой открывает
Ему объятия свои,
И всё, что было, отступает
И исчезает (в забытии).

И он умирает в ее объятиях. Все неясные порывы, невоплощенные мысли, воля к подвигу, [никогда] не совершенному, растворяется на груди этой женщины.

Мария, нежная Мария,
Мне пусто, мне постыло жить!
Я не свершил того
Того, что должен был свершить.

Май — июль 1921

IV. ИЗ «ЗАПИСКИ О „ДВЕНАДЦАТИ“»

...в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией: например, во время и после окончания «Двенадцати» я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг — шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира). Поэтому те, кто видит в «Двенадцати» политические стихи, или очень слепы к искусству, или сидят по уши в политической грязи, или одержимы большой злобой, — будь они враги или друзья моей поэмы.

Было бы неправдой, вместе с тем, отрицать всякое отношение «Двенадцати» к политике. Правда заключается в том, что поэма написана в ту исключительную и всегда короткую пору, когда пронесшийся революционный циклон производит бурю во всех морях — природы, жизни и искусства; в море человеческой жизни есть и такая небольшая заводь, вроде Маркизовой лужи, которая называется политикой; и в этом стакане воды тоже происходила тогда бу-

ря, — легко сказать: говорили об уничтожении дипломатии, о новой юстиции, о прекращении войны, тогда уже четырехлетней! — Моря природы, жизни и искусства разбушевались, брызги встали радугою над нами. Я смотрел на радугу, когда писал «Двенадцать»; оттого в поэме осталась капля политики.

Посмотрим, что сделает с этим время. Может быть, всякая политика так грязна, что одна капля ее замутит и разложит все остальное; может быть, она не убьет смысла поэмы; может быть, наконец — кто знает! — она окажется бродилом, благодаря которому «Двенадцать» прочтут когда-нибудь в не наши времена. Сам я теперь могу говорить об этом только с иронией; но — не будем сейчас брать на себя решительного суда.

1 апреля 1920

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

9—31. Стихи «Снежная маска», написанные, по выражению Блока, «залпом» в иной день, как например, 3 января, он писал по шесть стих.) и названные в рукописи «лирической поэмой», были изданы в апреле 1907 г. отдельной книжкой, которая открывалась следующим посвящением (Н. Н. Волоховой): «Посвящаю эти стихи Тебе, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огонь и мглу моего снежного города». В «Снежной маске», особенно во втором разделе цикла («Маски»), отразились впечатления от костюмированного вечера, устроенного актрисами театра В. Ф. Комиссаржевской по случаю премьеры «Батаганчика» Блока, — так называемого «бумажного бала», на котором дамы поверх вечерних платьев были наряжены в одеяния, изготовленные из разноцветной бумаги. Отсюда в стихах Блока — *трехвенечная тиара* (шляпа, напоминавшая трехъярусную корону римского папы) и такая деталь, как пряжки в виде змеек на женской обуви («На конце ботинки узкой дремлет тихая змея»).

14. *Дары* (Святые дары) — на церковном языке то же, что *Причастие* (хлеб и вино).

18—19. В заклочительных строках упоминается стоявший в кабинете Блока старинный книжный шкаф с накладным металлическим изображением Амура на дверце. *Эльф* — в германской и скандинавской мифологии легкое, доброе воздушное существо, наделенное чудесными свойствами.

28. *Призор* — сглаз, порча от «дурного глаза» (из церковнославянского языка перешло в народную речь).

34. *Красная Горка* — народное название первого послепасхального воскресенья; в деревнях в этот день было принято устраивать свадьбы.

37. *Раденья* — здесь в смысле: религиозные обряды с песнями и плясками, справлявшиеся некоторыми сектантами, в частности — «хлыстами».

44. В рукописи посвящено Л. Д. Блок, жене поэта. *Галилея* — область Палестины, по евангельскому преданию — родина Иисуса Христа («Сын Человеческий»). Заключительное двустихие — цитата из Евангелия (От Матфея, IX, 20).

45. В рукописи озаглавлено: «Рабочему». Первоначальный текст заключительного четверостишия такой:

Взойдет и всколосится новь,
И по весне — для новой нови
Прольем ковши их жирной крови,
Чтоб зрела новая любовь.

Возможно, вариантом этой строфы является отдельное записанное четверостишие, датированное также июнем 1907 г.:

И мы подыдем их на вилы,
Мы в пётле раскачем тела,
Чтоб лопнули на шее жилы,
Чтоб кровь проклятая текла.

Это стих, как и следующее («Тропами тайными, ночными...»), было написано в тот самый день, когда царским манифестом было объявлено о роспуске Государственной думы, после чего правительство перешло к политике жестокого контрреволюционного террора. *Ты роешься, подземный крот!*... — возможно, отзвук знаменитых слов Гамлета в трагедии Шекспира (д. I, сц. 5): «Ты славно роешь землю, старый крот!»

46. ...*Придут замученные ими...* — Речь идет о политических жертвах царизма. *Упыри* — по народному поверью, сказочные оборотни — мертвецы, сосущие кровь живых людей. *Их корабли в пучине водной...* — Отзвук Цусимского сражения (см. наст. изд., т. 1, примеч. 604). *Отходная* — молитва, которую священник (*иерей*) читает над умирающим. *Розоперстая судьба* — отзвук гомеровского стиха: «Встала младая с перстами пурпурными Эос». (*Эос* — богиня утренней зари; в «Одиссее» она названа «розоперстой» — по пяти бледно-розовым лучам, которые древние греки замечали на небе перед восходом солнца.) Первоначальная редакция 18-го стиха: «Рабочий сбросит с вольных плеч».

48. Это стих. по своей форме (белый пятистопный ямб) примыкает к циклу «Вольные мысли», над которым Блок работал в том же июне 1907 г. В черновике — первоначальный текст 11-го стиха: «То место в книжке Бебеля», из чего видно, что Блок говорит об известном трактате немецкого социалиста Августа Бебеля «Женщина и социализм» (русское изд. — 1905 г.), в котором доказывалось, что в условиях буржуазного строя женщина обречена на домашнее

рабство. *Я знаю женщину* и т. д. — Имеется в виду Н. Н. Волохова.

49. В рукописи озаглавлено: «Подражаю и посвящаю Сергею Городецкому». Эпиграф — из стих. С. М. Городецкого «Встреча».

50. В сборнике «Земля в снегу» (1908) озаглавлено: «Цыганка».

51. *Жокси* — здесь: наездники, участвующие в скачках на ипподроме. *Ландо* — открытый экипаж. *Сотка* — водочная бутылка в одну сотую часть ведра.

52. *Текла* — имя романтической героини в трагедиях Шиллера «Пикколомини» и «Смерть Валленштейна». *Шувалово* — дачный поселок вблизи Петербурга; здесь, на берегу озера, на крутом скате холма, расположено кладбище.

53. *Тальеры* — женские костюмы. *Иеромонах* — монах в сане священника. *Послушник* — человек, живущий в монастыре и готовящийся принять монашество. *Вольный остров* — один из островов, расположенных в дельте Невы (ныне не существует). *Фероньера* — женское украшение для волос. *Сестрорецкий курорт* — вблизи Петербурга, на побережье Финского залива.

54. *Дюны* — здесь: местность вблизи Петербурга, на бывшей границе с Финляндией.

56. В первой публикации озаглавлено: «На родине».

63. *Сфинкс* — один из двух древнефинляндских сфинксов, установленных в Петербурге, на правом берегу Невы, возле здания Академии художеств.

64. *Она* — Н. Н. Волохова. *Третья стража* (лат. *Tertia Vigilia*). — В древнем Риме действовал корпус ночных стражников — вигилий; третья смена стражи — последняя перед рассветом. В переносном значении «за третьей стражей» — под утро.

65—75. В первой публикации озаглавлено: «Заклятие огнем и мраком и пляской метелей». Здесь, кроме эпиграфа (из стих. М. Ю. Лермонтова «Благодарность»), — посвящение (Н. Н. Волоховой): «И вновь посвящаю я эти стихи — Тебе». Кроме того, каждое из одиннадцати стих., составляющих цикл, имело свое заглавие, причем в последовательном чтении заглавия эти слагались в законченную заклинательную фразу: «Принимаю — В огне — И во мраке — Под пыткой — В снегах — И в дальних залах — И у края бездны — Безумцем заклиная — В дикой пляске — И вновь покорный — Тебе предаюсь». Блок указал, что этот цикл («или поэма») «непосредственно примыкает» к «Снежной маске». Некоторые образы «Заклятия» перешли в картины II и VII драмы «Песня Судьбы» (т. 3 наст. изд.). *Пустынные веси* — одинокие селения. *Багряница* — мантия или плащ красного цвета. *Тризна* — поминки по умершему.

му. *Схимник* — монах, принявший схиму (см. наст. изд., т. 1, примеч. 608).

76. Эти стихи записаны среди черновиков цикла «Заключение огнем и мраком».

77. *Инок* — монах. *Игумен* — настоятель монастыря. *Ярое* (пламя) — чистое, сверкающее, в данном случае — растопляющее воск.

79. В 1907 г. Блок нередко посещал открывшийся в Петербурге (Невский пр., 86) *паноптикум* (музей восковых фигур), где в числе других была выставлена фигура египетской царицы *Клеопатры*, снабженная механизмом, благодаря которому создавалось впечатление, будто фигура дышит. По преданию, Клеопатра покончила с собою, приложив к груди ядовитую змею. *Юлий Цезарь* был одним из возлюбленных Клеопатры.

81. Обращено к Н. Н. Волоховой.

82. Возможно, обращено к Елизавете Юрьевне Пиленко (1891—1945), в ту пору гимназистке, юной почитательнице Блока, впоследствии поэтессе Кузьминой-Караваевой, которая позже (в эмиграции) стала православной монахиней (матерью Марией), а в годы второй мировой войны активной участницей французского Сопротивления, героически погибшей в фашистском застенке. Судя по воспоминаниям матери Марии, в стих. нашел отражение действительно имевший место эпизод — ее визит к Блоку в начале 1908 г.

83. Обращено к Н. Н. Волоховой. *Пузыри земли*. — В трагедии Шекспира «Макбет» (д. I, сц. 3), которая принадлежала к числу литературных произведений, особенно любимых Блоком, есть такие стихи (в переводе А. Кронеберга):

Земля, как и вода, содержит газы,
И это были пузыри земли.

Во второй книге собрания лирики Блока целый раздел был озаглавлен: «Пузыри земли». *Паоло и Франческа* — несчастные любовники, жившие в Италии в XII в.; об их трагической судьбе рассказано в «Божественной Комедии» Данте («Ад», песнь V).

86. Обращено к Маргарите Аносовой — в ту пору курсистке и начинающей поэтессе, поклоннице и многолетней корреспондентке Блока.

88. В первоначальной редакции служило началом предыдущего стих. («И я любил. И я изведаль...»).

90. В первой публикации озаглавлено: «Незнакомка — смертному». *Летивый и лукавый раб* — цитата из Евангелия (От Матфея, XXV, 26).

91. Смысл заключительных строк стих. раскрывается более полно в сопоставлении со статьей Блока «Солнце над Россией» (т. 4 наст. изд.).

92. Обращено к Валентине Андреевне Щеголевой (1878—1931), драматической актрисе, которую в течение нескольких лет был увлечен Блок. К ней же обращены стих. №№ 195 и 215.

93. *Скальд* — в древнескандинавских странах слагатель и исполнитель героических песен и сказаний.

94—98. Битва на Куликовом поле, в районе рек Дона и Непрядвы, происшедшая 8 сентября 1380 г. между войском золотоордынского хана Мамаи и ратью Московского великого князя Дмитрия Ивановича, прозванного впоследствии Донским, закончилась решительной победой русских и сыграла важную роль в освобождении Руси от татарского ига. По убеждению Блока, Куликовская битва принадлежала к «символическим событиям русской истории»: «Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Символика и образы Куликовской битвы занимали видное место в размышлениях Блока о судьбах России, о свержении «татарского ига» царизма, о приближающейся революции, о взаимоотношениях народа и интеллигенции. Они отразились не только в его лирике, но и в драматургии («Песня Судьбы») и в публицистике 1908 г.

95. *Сам-друг* — вдвоем. *Горячий белый камень* — см. примеч. 197. *Лик нерукотворный* — в церковном языке изображение лица Иисуса Христа на иконах и хоругвях. Идет от евангельской легенды о благочестивой Веронике, которая подала идущему на казнь Иисусу платок, чтобы он отер выступивший на лице кровавый пот; на платке «нерукотворно» отпечатался «лик Христов». Блок перенес понятие «нерукотворного лика» на созданный им женский образ («светлая жена»).

96. Некоторые образы этого стих. взяты из летописного «Сказания о Мамаевом побоище»: крики лебедей, ночные птицы, тихие зарницы, туман над Непрядвой.

98. Эпиграф — из стих. В. С. Соловьева «Дракон».

99. Речь идет о решительном объяснении с Н. Н. Волоховой, состоявшемся в Москве 4 марта 1908 г., когда и было вчерне набросано это стих.

100. *Утоли мои печали* — название одной из икон Богоматери.

104. Эпиграф — из стих. А. Н. Майкова «Менестрель».

105. Первоначальный набросок относится еще к июню 1903 г.

108. Обращено к Л. Д. Блок.

112. К черновику этого стих. в записной книжке Блока непосредственно примыкает запись — очевидно, план продолжения, проясняющий и расширяющий идейно-художественное содержание незавершенного замысла (см. т. 5 наст. изд. — 26 октября [?] 1908 г.).

118. Это стих. — последнее из обращенных к Н. Н. Волоховой. *Развенчанная тень* — слова А. С. Пушкина (из стих. «Наполеон»).

119. *Обетование неложно* — слова молитвы («Ты дал неложное обетование»).

125. Обращено к Л. Д. Блок. *Аналой* — особой формы столик; перед аналоем, в частности, происходит обряд церковного бракосочетания.

126. *Паладин* — рыцарь.

127. Набросок первого четверостишия относится к 1903 г.

135. *Господне лето* — выражение из Евангелия («Лето господне благоприятно»), обозначающее доброе, счастливое время.

137. Написано на смерть сына Л. Д. Блок — Дмитрия, прожившего всего восемь дней (2–10 февраля 1909 г.). *Блаженный* — здесь в смысле: святой (церковь признавала «блаженными» умерших в невинном младенчестве).

139. В рукописи озаглавлено: «Святая Пасха». Церковные праздники с юных лет вызвали у Блока резкие антиклерикальные настроения. «Я только что отошел, — писал он матери 15 апреля 1908 г. — Эти два больших христианских праздника (Рождество и Пасха) все больше избегают меня; как будто и в самом деле происходит что-то такое, чему я глубоко враждебен». Ты — Л. Д. Блок. *Та ночь* — ночь с 7 на 8 ноября 1902 г., когда произошло решительное объяснение Блока с будущей женой.

144. *Наяды* — в греческой мифологии нимфы рек и ручьев.

146–147. *Равенна* — древнее поселение на побережье Адриатического моря; в 493 г. была завоевана королем остготов Теодорихом Великим и стала столицей Западной Римской империи; впоследствии пришла в упадок и превратилась в заколустный городок. Многочисленные раннехристианские церкви Равенны (у Блока — *базилики*) украшены великолепными мозаиками. «Новая Жизнь» — произведение *Данте Алигьери* (1265–1321), который, изгнанный из родной Флоренции, нашел убежище в Равенне, провел там последние годы жизни, умер и похоронен. См. пояснения Блока на с. 360–361 наст. тома.

148. *Spoleto* (Сполето) — городок в Средней Италии. *Дай,*

как монаху, взойти на костер... — Намек на судьбу Джироламо Савонаролы (см. примеч. 153). *Херувим* — в христианской мифологии ангел высшего чина. См. пояснения Блока на с. 361 наст. тома.

149—151. *Лагуна* — залив Адриатического моря, на берегах которого расположена Венеция. *Львиный столб* — памятник на главной площади Венеции. *Гиганты* — две человеческие фигуры, отбивающие молотами часы на башне, расположенной на той же площади. *Марк* — собор св. Марка, отличающийся богатством архитектурного оформления; фасад собора украшен мозаическими изображениями и цветными колоннами, почему Блок и назвал его «иконостасом». *Лагуна лунная*. — По разъяснению Блока, он имел в виду освещенное луной небо. *Саломея* — героиня библейской легенды, красавица царевна, потребовавшая у своего отчима, галилейского царя Ирода Антипы, в награду за пляску, голову пророка Иоанна Крестителя; истории Саломеи посвящено множество произведений итальянского искусства, — Блок, очевидно, имел в виду мозаику XIV в. в притворе собора св. Марка. *Дож* — титул правителя Венецианской республики, существовавшей с 697 по 1797 г. *Канцона* (ит.) — песня. См. примеч. Блока на с. 361—362 наст. тома.

152. *Перуджия* — городок в Средней Италии, в области Умбрия.

153—159. *Святой монах* — Джироламо Савонарола (1452—1498) — проповедник и общественный реформатор, по приговору церковного суда повешенный, а затем сожженный, как еретик, на площади Синьории во Флоренции. *Лилии* — эмблема феодальной Флоренции. *Месса* — католическое богослужение. *Кашины* — парк во Флоренции, во время Блока изобиловавший ирисами. *Тосканские долины*. — Тоскана — область Средней Италии, в центре которой расположена Флоренция. *Христовы слезы* («*Lacrime Christi*») — марка итальянского вина. См. пояснение Блока на с. 362 наст. тома.

160. *Сеттиньяно* — местечко неподалеку от Флоренции.

161. См. пояснение Блока на с. 361 наст. тома.

162. *Фьёзоле* — городок в горах в окрестностях Флоренции. *Кампанилы* (ит.) — колокольни.

163. *Сиена* — древний город в Средней Италии.

164. *Сивиллы* — древнегреческие пророчицы; впоследствии в так называемых «Сивиллиных книгах» ранние христиане находили пророчества о пришествии, гибели и воскресении Иисуса Христа. См. пояснения Блока на с. 362 наст. тома.

165. В итальянском городке *Foligno* (Фолиньо) Блок случайно увидел в кинематографе французский фильм, который уже успел посмотреть за год до этого в Петербурге.

166. Полный текст четвертой строфы (Блоком не печатавшийся) такой:

Однако братьям надоело
(И не хватало больше сил)
Хранить нетронутое тело.
Один из них его растлил...

167. *Благовещение* — на церковном языке весть, которую принес деве Марии архангел Гавриил — о том, что ей суждено непорочно зачать сына божьего. См. пояснения Блока на с. 362 наст. тома.

168. *Успение* — на церковном языке кончина Богоматери. *Три царя*. — По евангельской легенде, новорожденного Иисуса Христа пришли приветствовать в Вифлеем три владыки из восточных земель, ведомые появившейся на небе звездой, возвестившей о появлении на свете Мессии. См. пояснение Блока на с. 362 наст. тома.

С разделом «Итальянские стихи» ср. итальянские впечатления Блока в неоконченной книге «Молнии искусств» (т. 5 наст. изд.).

170. *«Все пути приводят в Рим»* — латинская поговорка.

171–178. Стихи этого цикла в большинстве были набросаны в июне 1909 г. в Бад Наугейме (Германия), где за двенадцать лет до того, в 1897 г., Блок встретился с К. М. Садовской (см. наст. изд., т. 1, примеч. 29). *Градирни* — стены, сложенные из хвороста, который пропускает сквозь себя ветер и механически приводимую в движение соленую воду (сооружены в Бад Наугейме в лечебных целях). *Девичий лес* (нем. Frauenwald) — парк в Бад Наугейме. *Елагин остров* — парк в Петербурге, где после Бад Наугейма Блок встречался с К. М. Садовской. *Синий призрак умершей любовницы...* — До Блока дошел ложный слух о смерти К. М. Садовской.

181. Эпиграф — из цыганского романа.

182. *Возлюбленная поляна* — Шахматово, подмосковная усадьба Блока.

185. *Магдалина* (Мария из Магдалы) — упомянутая в Евангелии блудница, уверовавшая в Иисуса Христа; имя ее стало нарицательным в смысле: раскаявшаяся грешница.

187. По разъяснению Блока, в этом стих. «сделана попытка изобразить «инфернальность» (термин Достоевского), «вампиризм» нашего времени стилем Inferno», *Inferno* (ит.) — Ад; так озаглавлена первая часть «Божественной Комедии» Данте, написанной стихом особой формы — терцинами (трехстишиями), которые в данном случае применил и Блок. *День догорел...* — Так начинается вто-

рая песнь дантовского «Ада». *Беатриче* — возлюбленная Данте, воспеваемая в «Божественной Комедии» (поэт встречает ее в загробном мире).

190. *Острова* — парковый район Петербурга. *Часовня* — на Крестовском острове (ныне не существует). См. также стих. № 198.

191. Тема стих., вероятно, подсказана рассказом Л. Андреева «Ангелочек», о котором Блок писал в статье «Безвременье» (т. 4 наст. изд.); отдаленным источником сюжета могла послужить сказка Г.-Х. Андерсена «Стойкий оловянный солдатик».

193, 194. Оба эти стих. в черновиках тесно связаны с «Шагами Командора» (№ 229).

195. Обращено к В. А. Щеголевой (см. примеч. 92).

197. Блок познакомился с В. Ф. Коммиссаржевской в 1906 г., когда в ее театре была поставлена его первая лирическая драма «Балаганчик». Высоко ценивший неповторимое дарование великой актрисы, Блок сказал, что «с Коммиссаржевской умерла лирическая нота на сцене». (См. некрологическую статью Блока о Коммиссаржевской в т. 4 наст. изд.) *Серафимы* — ангелы высшего чина. *Камень бел-горючий* и *плакун-трава* — образы русского былинного, сказочного и песенного фольклора: первый пересиливает и уничтожает заговор, вторая — устрашает нечистую силу, заставляет плакать бесов и ведьм. *Тризна* — поминки.

198. *Крестовский остров* — часть паркового района Петербурга.

199. К 1910 г. относятся строфы третья и четвертая; начало было добавлено в мае 1914 г. В черновике 1910 г. — помета: «Что я слышу на Пасхе под гармонику; дворники будто поют».

200. Стих. было вызвано встречей с Марией Дмитриевной Нелидовой (ум. в 1951 г.) в известном петербургском ресторане «Вилла Родэ». Сама М. Д. Нелидова рассказывала (в 1948 г.): «Мы сидели за столиком. «Посмотри, — сказала мне *belle soeur* (невестка), — с тебя Блок глаз не спускает» (он сидел недалеко от нас). Я отвернулась так, чтобы он не видел моего лица. Он послал мне бокал с вином, и в нем — красную розу. В этом я увидела дерзость, мне не захотелось больше оставаться там, я встала и вышла. Потом я как-то была у А. М. Ремизова. К ним пришел Блок. «А-а, незнакомка, — сказал он. — Отчего вы тогда ушли?» Мы познакомились. Он прочел стихи: «Я сидел у окна в переполненном зале...» Мы встречались еще...» *Аи* — марка шампанского.

201. По разъяснению Блока, написано под впечатлением смерти любимого его художника — М. А. Врубеля, создавшего несколько вариантов картины «Демон» в том числе «Демон поверженный», который имеется в виду в стихах Блока), и содержит «намекы» на

«связь демонов Лермонтова и Врубеля». Речь Блока о Врубеле см. в т. 4 наст. изд. *Тамара* — героиня поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон», которую замечательно иллюстрировал М. А. Врубель. Ср. стих. № 338.

202. Эпиграф — из стих. А. А. Фета «Когда читала ты мучительные строки...».

203. Блок охарактеризовал это стих. как «бессознательное подражание эпизоду из «Воскресения» Толстого: Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне Нехлюдова в бархатном кресле ярко освещенного купе первого класса». *Молчали желтые и синие; В зеленых плакали и пели.* — В дореволюционное время пассажирские вагоны I класса окрашивали в синий цвет, II класса — в желтый, III класса — в зеленый.

204. В заключительном стихе — отзвук евангельской легенды (От Матфея, XXVIII, 2).

206. *Чудь и Меря* — древние племена, населявшие северные области России. *Царьградские святыни* — христианские памятники древнего Царьграда (Константинополя), столицы Византийской империи, впоследствии — турецкого Стамбула.

212. Связано с воспоминаниями о К. М. Садовской (о ней см. наст. изд., т. 1, примеч. 29) и ложным слухом о ее смерти. Написано в Шахматове.

213. В 1910 г. много говорили и писали о появлении Кометы Галлея, якобы угрожавшей существованию Земли, и идущей вслед за нею другой кометы, еще более грозной. *Бензол* — моторное топливо. *Матчи* — мотив популярного в свое время танца. *Симплон* — туннель в Швейцарских Альпах.

214. *Ессе Ното!* (Се — человек!) — по евангельскому преданию, слова, с которыми Понтий Пилат указал на приведенного к нему Иисуса Христа. В последней строфе — отражение эпизода музыкальной драмы Р. Вагнера «Тристан и Изольда»: умирающий Тристан срывает повязку с раны.

215. Обращено к В. А. Щеголевой (см. примеч. 92).

216. Блок был сильно увлечен первыми успехами авиации, часто наблюдал полеты (см. стих. 1912 г. «Авиатор»); он утверждал, что шум пропеллера «ввел в мир новый звук» и что, вместе с тем, «в полетах людей, даже неудачных, есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно — высокое». Ср. вступление в первую главу поэмы «Возмездие» и предисловие к поэме.

217. *Запомним оба...* и т. д. — обращение к единокровной сестре поэта (дочери А. Л. Блока от второго брака) Ангелине Александровне Блок (1892—1918), с которой он сблизился в декабре 1909 г. в Варшаве, на похоронах отца. См. также следующее стих. («Когда мы встретились с тобой...»). В дальнейшем Блок встречался с сестрой,

относился к ней с большой симпатией и был озабочен ее судьбой. В 1911 г. он посвятил Ангелине Александровне первую редакцию поэмы «Возмездие», а в 1919 г. ее памяти — сборник стихов «Ямбы».

219. Заключительное двустилие — цитата из стих. Ф. И. Тютчева «Silentium!» («Молчание!»).

220. В первой публикации — заглавие: «Современнику». В одной из промежуточных редакций («Знамя», 1920, апрель) после первого четверостишия — еще одно:

И я люблю сей мир ужасный:
За ним сквозит мне мир иной,
Обетованный и прекрасный,
И человечески-простой.

Во время заграничной поездки летом и осенью 1911 г. Блок с особенной остротой ощутил резкие противоречия буржуазно-капиталистического строя, «почувствовал всю чудовищную бессмыслицу, до которой дошла цивилизация». В одном из писем из Парижа он писал: «В сожженных скверах — масса детей — бледных, с английской болезнью. Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), или хватающие за сердце напряженностью и измученностью».

224. В записной книжке Блока 19 декабря 1910 г. было записано в Лесном (пригород Петербурга): «Тот же лес, почти ночь — и девочка поет в лесу. За снегом еле видны семафоры. Поезда ходят уже по высокой насыпи. Ланская неузнаваема». Воспоминание касалось стих. «Милый брат! Завечерело...», написанного 13 января 1906 г., в котором также отразился пейзаж возле станции Ланской. Все эти пригородные места — Удельный парк, Лесное, Ланская — с юности были любимы Блоком.

226. Черновой набросок относится к июню 1909 г.

227. Было написано в качестве заключения к Собранию стихотворений (1911—1912), третья (последняя) книга которого называлась: «Снежная ночь». В третьей строфе — обращение к Л. Д. Блок.

228. В рукописи посвящено памяти русского летчика В. Ф. Смита, разбившегося на глазах у Блока 14 мая 1911 г., во время «Авиационной недели», происходившей на Коломняжском ипподроме в Петербурге. *Летун* — в народном языке: огненный змей, летучий дух. С начала 80-х гг. слово «летун» встречается в специальной литературе как название воздухоплавательных аппаратов, но вряд ли в таком значении оно было известно Блоку. *Львица* — в буржуазном просторечии: модная светская дама.

229. Оригинальная вариация на тему общеевропейской легенды об испанском дворянине Дон Жуане, безбожнике и распутнике, обольстившем благочестивую дочь (по другим источникам — вдову).

командора Донну Анну и поплатившемся за это жизнью. Данный сюжет разработан во множестве произведений мировой литературы и искусства, в том числе в пьесах Тирсо де Молины и Мольера, в опере Моцарта, поэме Байрона, «Каменном госте» Пушкина, в повестях Гофмана, Мериме и Мюссе, в драматической поэме А. К. Толстого.

235. В дневнике Блока записано: «Книга новых стихов от Брюсова (отозвалось прежней радостью и болью)».

237. *В ту ночь...* — Блок познакомился с Вяч. Ивановым (незадолго перед тем вернувшимся в Россию после многолетнего пребывания за границей) в январе 1905 г., вскоре после Кровавого воскресенья (9 января). После тесного дружеского сближения, к 1912 г. Блок глубоко разочаровался в идейно-художественных исканиях Вяч. Иванова; нота разочарования звучит и в данном послании, которое Блок назвал «воспоминательными стихами».

239. Обращено к Л. Д. Блок.

243. В стих. отразились мотивы «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина

244—247. Было написано для детского чтения.

251. Эпиграф — из знаменитой баллады «Ворон» (в переводе В. Брюсова) американского поэта и прозаика Эдгара По (1809—1849). Защищая примененную им транскрипцию английского слова «сэр», Блок утверждал, что «сёр» звучит для него «тургеневским звуком с французским оттенком» (произносить надо: «сьёр» — сокращенное от «сеньор»).

256—260. В первой публикации — посвящение: «Посвящается моей жене». *Азраил* — ангел смерти в восточной мифологии. *Из ничего — фонтаном синим...* и т. д. — Воспоминание о фейерверке, который Блок наблюдал летом 1913 г. в Гётари (Южная Франция). *Вспомнил я старую сказку...* — Сюжет восходит к басне древнегреческого поэта Анакрсона «Непослушный мальчик»; ближайший источник — сказка Г.-Х. Андерсена «Нехороший мальчик». *Мальчик* — Эрот (Амур). *Богемия* — Чехия.

261. *Огневица* — лихорадка.

262. Эпиграф — из стих. И. С. Тургенева «В дороге», ставшего популярным романсом. В первой публикации между стихами 12 и 13 — еще четыре:

«Любила, барин, я тебя...
Цыганки мы — народ рабочий...»
И, вполовину разлюбя,
Смотрю в тускнеющие очи.

Может быть, в стих. отразилось воспоминание об одном эпизоде, описанном в письме Блока к матери от 5 июля 1911 г.: «В субботу я по-

ехал в Парголово, но не доехал; остался в Озерках на цыганском концерте, почувствовал, что здесь судьба. И, действительно, оказалось так. Цыганка, которая пела о множестве миров, потом говорила мне необыкновенные вещи, потом под проливным дождем в сумерках ночи на платформе сверкнула длинными пальцами в броне из острых колец, а вчера обернулась «кровавой зарей» («стихотворение»)).

263. В этом стих. отразилась сильно увлекавшая Блока идея «великого возрождения» России «под знаком мужественности и воли», залог которого он видел, между прочим, в подъеме национальной промышленности, в частности – горнозаводской. «Будущее России лежит в сле еще тронутых силах народных масс и подземных богатств», – записал он несколько позже. Когда «Новая Америка» была сочувственно процитирована и прокомментирована в журнале «Горнозаводское дело» (1914, № 1) в качестве произведения, выражающего «светлую животворящую идею огромного значения промышленности», Блок, по свидетельству близко знавшего его человека, «глубоко обрадовался, воочию увидев тут силу воздействия слова. поэзии – на действительность». В дальнейшем он хотел продолжить тему «Новой Америки» в своем творчестве – и в лирике, и в драматургии. (Долго увлекал Блока замысел драмы «Нелепый человек» – о «фабричном возрождении России»). *Новая Америка* в понимании и на языке Блока – это поэтический образ «нового света», «Великой Демократии», будущей России, которой предстоит сыграть решающую, всемирно-историческую роль в жизни человечества. *Ектенья* – один из разделов православного богослужения. *Орарь* – принадлежность дьяконского облачения (длинная лента, перекинута через плечо). *Крепъ* – здесь: крепость, неприступное место. *Феска* – турецкая шапка ярко-красного цвета. *Булчук* – конский хвост на древке, знак власти украинских гетманов (также – и турецких пашей).

264. *Сирини* – в русском фольклоре и древнерусской письменности сказочные райские птицы, символы радости и счастья.

265. Связано с воспоминаниями о К. М. Садовской (см. наст. изд., т. 1, примеч. 29).

268. Обращено к Л. Д. Блок. *Девятый день и день сороковой* – дни, установленные православной церковью для поминовения умерших.

271. *Ксюша* – известная в свое время в Петербурге цыганская певица К. К. Прохорова. В рукописи стих. посвящено ей.

272. *Чарая* (лесть) – от: чара, очарованность.

274. Первоначальный набросок относится к июню 1908 г.

276. Первоначальный набросок относится к осени 1909 г.

280. Первоначальный набросок относится к марту 1910 г.

284. Первоначальный набросок датирован 6 мая 1909 г.

285. Первоначальный набросок относится к февралю 1909 г. Обращено к Л. Д. Блок и связано с воспоминанием о шекспировском спектакле 1893 г. (см. наст. изд., т. 1, примеч. 12). Принц Гамлет в трагедии Шекспира, павший жертвой коварства и вероломства, был заколот отравленной шпагой.

286. Обращено к Л. Д. Блок и связано с воспоминанием о следующем эпизоде: в Аберврак (гавань на бретонском побережье Атлантического океана, где Блоки жили летом 1911 г.) неожиданно вошла французская военная эскадра; политическое положение в Европе в то время было крайне напряженным, и Блок истолковал это событие как предзнаменование близящейся мировой войны. *Кильватерная колонна* — походный строй военных судов, когда они идут друг за другом.

287. *Ни охнуть, ни вздохнуть* — цитата из басни И. А. Крылова «Волк и Журавль».

290. *Сыскное отделение* — полицейский участок.

292. Первоначальный набросок датирован 27 августа 1909 г.

293. В заповедном двустии — отзвук евангельского выражения «Да не преткнешься о камень ногою твоею» (От Луки, IV, 11).

295. Первоначальный набросок датирован 24 декабря 1907 г.

296. Первоначальный набросок датирован 5 февраля 1908 г. *Молилось и пело тебя...* — относится к Л. Д. Блок. *Ревность по дому* и *Что делаешь, делай скорее* — цитаты из Евангелия (От Иоанна, II, 17 и XIII, 27).

298—307. Цикл обращен к Любви Александровне Андреевой-Дельмас (1879—1969) — оперной актрисе, исполнительнице партии Кармен в одноименной опере Ж. Бизе. Блок увидел Л. А. Дельмас в этой роли в октябре 1913 г. на сцене петербургского Театра музыкальной драмы и, по словам его биографа (М. А. Бекетовой), «был сразу охвачен стихийным обаянием ее исполнения и соответствием всего ее облика с типом обольстительной и неукротимой испанской цыганки. Этот тип был всегда ему близок». В начале 1914 г. Блок неоднократно посещает спектакли, в которых участвовала Л. А. Дельмас, ищет встречи и знакомства с нею: 14 февраля пишет ей первое (анонимное) письмо; 2 марта видит ее во время спектакля «Кармен» в зрительном зале — играла ее партнерша (см. стих. № 303); 4 марта обрабатывает старый (относящийся к октябрю 1913 г.) набросок «Как океан меняет цвет...», ставший заглавным стих. цикла «Кармен»; 18 марта заносит в записную книжку: «Да, я напишу цикл стихов и буду просить принять от меня посвящение»; 28 марта состоялось их личное знакомство. В эти дни (24—31 марта) и были написаны стихи, составившие цикл «Кармен». К Л. А. Дельмас обращен также ряд более поздних стихотворений (1914—1916 и 1920 гг.); образ

ее отразился в поэме «Соловьиный сад»; ей посвящена драма «Роза и Крест».

299. В последнем этаже... — Л. А. Дельмас жила по соседству с Блоком в верхнем этаже большого петербургского дома, «высокая крыша» которого сохранилась до сих пор (ныне ул. Декабристов, 53).

300. Хитон — широкое, свободное одеяние, распространенное в древности.

301—303. Цунига, Хозе и Эскамильо — действующие лица в опере «Кармен». Лиллас-Пастья — трактирщик, о котором упоминается в либретто оперы. Сегидилья — испанские песня и танец. Курсивом (в стихах) выделены цитаты из русского текста либретто «Кармен».

304. Речь идет о сувенирах, которые Блок хранил в память встреч с Л. А. Дельмас (ветки вербы, ячменные колосья, розы).

306. Иерей — священнослужитель. Треба — богослужение.

309. В рукописи посвящено Л. А. Дельмас.

309. Елисейские поля (Элизиум) — античный рай.

310. Первоначальный набросок датирован 27 декабря 1908 г.

311. В окончательной редакции обращено к Л. А. Дельмас.

312. Обращено к Л. А. Дельмас.

314. Оклад — обрамление иконы. Купоны — отрезные талоны ценных бумаг (акций), дающие право на получение дохода в виде процентов.

315. Рубили деды сруб горячий. — Речь идет о старообрядцах-«самосожженцах». В 1907 г. Блок живо интересовался остатками старинной «народной веры».

316—317. Обращены к Л. А. Дельмас. Первоначальные наброски датированы 15 августа и летом 1910 г.

318. Схимник — монах строгого чина. Клобук — монашеская шапка.

319. Первоначальный набросок (одна первая строфа) датирован 31 января 1909 г. Начиная с 1911—1912 г. Блок переживал сильное увлечение творчеством и самой личностью Августа Стриндберга, в котором видел черты демократа и «нового человека» — волевого и мужественного (см. статью «Памяти Августа Стриндберга» в т. 4 наст. изд.). В данном стихе переданы характерные для позднего Стриндберга «женоненавистнические» настроения, в известной степени разделявшиеся и Блоком: протест против обезволивающего, размягчающего «женского начала».

320. Накануне, 30 августа, Блок провожал воинский эшелон, с которым уезжал на войну его отчим — генерал Ф. Ф. Кублицкий-Пиоттук («Эшелон уходил из Петергофа с песнями и ура», — отмечено

в записной книжке). *Галицийские поля*. — В Галиции (восточная область тогдашней Австро-Венгрии) в 1914 г. происходили кровопролитные сражения между русскими и австро-германскими войсками.

321. *Дни войны и дни свободы* — русско-японская война (1904) и революционные события 1904—1905 гг. О З. Н. Гиппиус — см. наст. изд., т. 1, с. 24 и 37, т. 2, примеч. 341 и в Указателе имен (т. 6 наст. изд.).

322. В Антверпене Блок был в сентябре 1911 г. Осенью 1914 г., в начале первой мировой войны, Антверпен, как и вся Бельгия, стал ареной военных действий. *Эскó* — французское название реки Шельды, на берегах которой расположен Антверпен. *Стимер* — морской торговый корабль. *Конго* — в начале века колония Бельгии в Африке. *Саломея* — см. примеч. 149—151.

323. *Жезл железный* — образ из Апокалипсиса (II, 27; XII, 5), связанный с идеей грядущего «страшного суда» над человечеством.

324. Первая строфа была набросана еще в декабре 1902 г. *Звезда Вифлеема* — см. примеч. 168.

325. Первоначальный набросок датирован 11 декабря 1908 г.

326. Первоначальный набросок датирован октябрём 1907 г.

327—330. Эти четыре стих. обращены к Л. Д. Блок, которая в это время работала сестрой милосердия в военном лазарете, расположенном в прифронтовой полосе, в Галиции.

331. Первоначальный набросок датирован 9 августа 1903 г.

332. *Вновь ты родишься из розовой пены...* — По греческой мифологии, из пены морских волн родилась богиня любви Афродита.

334. Обращено к Л. А. Дельмас, которая иногда переписывала рукописи Блока. *Ponte dei Sospiri* — Мост вздохов в Венеции; Блок так называл в шутку мост через речку Пряжку в Петербурге, протекающую под окнами дома, где он жил.

335. Обращено к Л. А. Дельмас.

339. В последней строфе отзвук Библии (Книга Бытия, III, 24).

340. Эпиграф — из стих. В. С. Соловьева «Панмонголизм» *Скифы* — кочевой воинственный народ, населявший в VII—III вв. до н. э. причерноморские степи. *Панмонголизм* — поддержанная В. С. Соловьевым идея неотвратимого якобы столкновения европейского Запада с объединенными силами азиатского Востока, угрожающего самому существованию арийской культуры. У Блока эта расистско-реакционная идея переосмыслена в плане противопоставления новой, революционной России старому миру буржуазно-капиталистического Запада, собирающего крестовый поход для уничтожения Советского

государства. *Провал и Лиссабона и Мессины*. — Дважды, в XIV и в XVIII вв., Лиссабон был до основания разрушен землетрясением в 1908 г. такая же участь постигла южноитальянский город Мессину и его окрестности. *Крылами бьет беда* — образ, заимствованный из «Слова о полку Игореве»: «Встала Обида... вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылами...» *Пестум* — древнегреческая колония в Южной Италии, в конце IX в. разгромленная сарацинами (арабами). *Эдип* — по древнегреческому сказанию, сын фиванского царя, сумевший разгадать загадку, заданную чудовищем *Сфинксом*, и тем самым спасший Фивы от уничтожения. *Галльский* — французский. *Гуны* — тюркское племя, которое в IV в. разорило юг России и восточные области Европы; в переносном значении гуны — варвар, безжалостно уничтожающий духовные и культурные ценности.

341. В мае 1918 г. З. Н. Гиппиус прислала Блоку свою книжку «Последние стихи» (П., 1918), проникнутую ненавистью к Октябрьской революции. Блок сперва хотел ответить письмом (черновик его сохранился в составе дневника Блока, — см. т. 5 наст. изд. — 31 мая 1918 г.), но передумал и ответил стихами. *У ирландских скал*. — В стих. З. Гиппиус «Почему» (в сборнике «Последние стихи») упоминаются «Ирландия океанная» и «лезвия ее острых скал». В черновике — другой текст третьей строфы:

Но в дали передо мною — море,
Незнакомый очерк новых стран,
Голос ваш бессилён в этом споре,
Вам не переспорить океан...

В сентябре 1918 г. Блок послал это стих. А. Белому для альманаха (не состоявшегося). Среди бумаг Блока 1919 г. сохранилась корректура журнала «Записки мечтателей» (№ 2), где на одной полосе слева было набрано контрреволюционное стих. З. Гиппиус «Идущий» (первая половина его была адресована А. Белому и Блоку), а справа — данное стих. Блока. Корректura перечеркнута, с пометой Блока: «Не надо», — вероятно, потому, что к тому времени З. Гиппиус с Д. Мережковским уже бежали из Советской России.

342. Блок несколько раз возвращался к этому неосуществленному замыслу, продолжающему выдвинутое в поэме «Двенадцать» тему революционно-сатирического разоблачения старого мира. Ср. запись в дневнике Блока от 4 марта 1919 г. (т. 5 наст. изд.). *Солея* — возвышение в церкви, расположенное перед иконостасом.

343. Ответ на злобное контрреволюционное стихотворение З. Гиппиус «Бывшему рыцарю Прекрасной Дамы» («Впереди двенадцати не шел Христос...»), которое, по поручению З. Гиппиус, передал Блоку Д. С. Мережковский 7 мая 1919 г. (о чем имеется помета Блока на автографе З. Гиппиус – ЦГАЛИ). В стихах З. Гиппиус, между прочим, говорится, что в Кронштадте матрос «танцевал польку с Прекрасной Дамой».

Блок написал ответ на экземпляре своей книжки «Катилина» (П., 1919), посланной З. Гиппиус. *Кикану* – танец, бывший модным в предреволюционные и первые пореволюционные годы.

344. Ответ на четверостишие Надежды Павлович (1895–1980), напечатанное позже в журнале «Записки мечтателей», № 2-3 (1921):

У сада есть яблони,
У женщины есть дети,
А у меня есть только песни,
И мне – больно.

345–346. «Седое утро» – пятый сборник лирики Блока (П., 1920). Первое стих. обращено к Марии Игнатьевне Бенкендорф (За-кревской, Будберг, 1892–1974), в то время секретарю и переводчице А. М. Горького. Второе – к Л. А. Дельмас; в сборнике «Седое утро» было несколько стих., обращенных к ней.

347. Последнее завершенное стих. Блока (не считая одного полу-шуточного восьмистишия), дописанное в день, когда он выступил с речью о Пушкине – «О назначении поэта» (см. т. 4 наст. изд.). *Пушкинский Дом* – сперва мемориальный музей А. С. Пушкина, ныне – Институт русской литературы Академии наук СССР. *Древний сфинкс* – см. примеч. 63. *Всадник бронзовый* – памятник Петру I (пуш-кинский Медный всадник). *Тайная свобода* – слова А. С. Пушкина (из стих. «К Н. Я. Плюсковой»). *Площадь Сената* – Сенатская пло-щадь (ныне площадь Декабристов), с которой видно на противопо-ложном берегу Невы «Главное здание» Академии наук, где в 1921 г помещался Пушкинский Дом.

ПОЭМЫ

348. В раннем черновике (1914) после набросков первых трех главков намечен следующий план «дальнейшего»: «Он услышит чу-жой язык, испугается, уйдет от нее, несмотря на ее страсти и слезы, и задумается о том, что счастью тоже надо учиться». В пейзаже по-эмы отразились воспоминания о местечке Гётари в Южной Франции

(на Бискайском побережье Атлантического океана), где Блок жил с женой летом 1913 г. «В Гетари была вилла, с ограды которой свешивались вьющиеся розы. Блоки часто проходили мимо нее и видели на скалистом берегу рабочего с киркой и ослом», — рассказывает (очевидно, со слов самого Блока) его биограф М. А. Бекетова. В письмах к матери из Гетари Блок сообщал: «Я провожу много времени с крабами». Как установлено, «Соловьиный сад» представляет собою в известном смысле полемику со стих. А. А. Фета «Ключ», повторяя и развивая его образную символику («зов соловьиный», «соловьиный покой» и т. п.), и содержит отзвуки некоторых других стих. Фета — «Соловей и Роза», «Зной» (см. В. Кирпотин. Полемический подтекст «Соловьиного сада». — «Вопросы литературы», 1959, № 6).

349. Над поэмой «Возмездие» Блок работал в общей сложности (со значительными перерывами) на протяжении двенадцати лет — с 1910 по 1921 г. Первоначальный замысел поэмы возник в начале 1910 г., под непосредственным впечатлением смерти отца, когда поэт задумал запечатлеть образ этого «интересного, цельного и даже сильного человека» (как охарактеризовал он А. Л. Блока в письме к матери). Первые наброски начала будущей третьей главы поэмы (приезд героя в Варшаву и похороны «отца») датированы 7 июня 1910 г. (Шахматово). Они обрабатывались в течение августа — сентября, когда в главных чертах уже сложился сюжет поэмы, озаглавленной: «1 декабря 1909 года» (дата смерти А. Л. Блока), — впоследствии заглавие было заменено другим: «Отец». Работа продлилась до 2 января 1911 г. К этому времени относится уже полностью оформленная первая редакция поэмы (будущая третья глава) — самостоятельное произведение, озаглавленное «Возмездие (Варшавская поэма)» и посвященное сестре поэта — Ангелине Блок. Эта редакция полностью опубликована в Собрании сочинений Блока, т. 3 (1960); две заключительные ее главки (в дальнейшем выпавшие из текста поэмы) см. на с. 363—365 наст. тома.

Но сразу вслед затем план поэмы сильно расширился, тема индивидуальной судьбы «отца» сменилась более общей темой — судьбы целого рода, нескольких сменяющих друг друга поколений (см. предисловие Блока к поэме). Попутно в поэму включались широкие общественно-исторические характеристики эпохи. В начале марта 1911 г. были написаны пролог и вступление ко второй главе. Работа продолжалась весной и летом 1911 г. и особенно интенсивно — осенью, когда было написано начало первой главы и заново переработана глава третья. В начале декабря выяснился новый план поэмы в четырех частях: «Демон», «Детство», «Смерть отца», «Война и революция — гибель сына». (В последней части имелись в виду русско-японская война, революция 1905 г. и гибель сына на революционных баррикадах.)

Однако в дальнейшем работа над «Возмездием» затормозилась: в течение четырех лет, отвлеченный другими замыслами (драма «Роза и Крест» и др.), Блок только эпизодически возвращался к поэме. Следующий этап активной работы над нею — период с 10 мая по 4 июня 1916 г., когда была полностью закончена и отделана первая глава. К этому времени план поэмы был рассмотрен и предусматривал уже не четыре, а три части (главы): детство и молодость героя должны были стать предметом второй главы, смерть «отца» и судьба «сына» — третьей (см. предисловие к поэме).

Наконец, после нового длительного перерыва, Блок вернулся к «Возмездию» в январе и, вторично, в мае — июне 1921 г., пытаясь продолжить вторую главу и закончить третью. Июльские, уже предсмертные, наброски — последнее, что Блок написал в стихах (см. с. 375—377 наст. тома).

При жизни Блока написанная часть поэмы была опубликована полностью, но вразбивку — в разных изданиях: пролог и первая глава — в «Русской мысли», 1917, № 1; вступление во вторую главу — в альманахе «Скрижаль» (1918); третья глава с общим предисловием к поэме — в «Записках мечтателей», 1921, № 2-3. Кроме того, несколько отдельных фрагментов поэмы было напечатано раньше — в газетах и альманахах 1914—1915 гг., а именно: 1) «Когда ты загнан и забит...» (конец третьей главы) — в альманахе «Сирин» III (1914), 2) «Народ и поэт» (пролог — «Жизнь без начала и конца...») — в «Русском слове», 1914, 7 апреля; 3) «Два века» (начало первой главы — «Век девятнадцатый, железный...») — в «Русском слове», 1914, 25 декабря; 4) «Над Варшавой» (из третьей главы — «Страна под бременем обид...») — в «Биржевых ведомостях», 1915, 25 декабря.

В работе над «Возмездием» Блок широко пользовался, кроме семейных преданий своих родных (Бекетовых), документальными историческими материалами и мемуарной литературой об эпохе 1870—1880-х гг. (русско-турецкая война 1877—1878 гг., правительственная деятельность, царь и придворная камарилья, общественное движение 70-х годов, кружок народолюбцев и пр.). Известно, что, работая над поэмой, он «скупил и перечитал очень много книг по истории революционного движения в России». Кое-что из прочитанного и изученного он законспектировал в особой тетради «Материалы для поэмы», которую начал составлять осенью 1911 г. (Тетрадь опубликована в Собрании сочинений Блока, т. 3, 1960.)

Эпиграф к поэме («Юность — это возмездие») — слова Сольнеса, героя драмы Генрика Ибсена «Строитель Сольнес». Смысл, который Блок вкладывал в это изречение, раскрыт им в предисловии к поэме.

Было написано для публичного чтения третьей главы поэмы в петербургском Доме искусств 12 июля 1919 г. Статья «*Близость большой войны*» (автор — А. П. Мертваго) была напечатана в газете «Утро России» 25 октября 1911 г.; в статье доказывалась неизбежность военного столкновения между Россией и Германией. Андрей Ющинский — мальчик, убитый киевскими черносотенцами в провокационных целях инсценировки «ритуального убийства», якобы совершенного евреями. Возникшее в связи с этим на шумевшее «дело Бейлиса» явилось одним из наиболее гнусных эпизодов реакционной политики царизма накануне его крушения. Блок подписал составленное В. Г. Короленко воззвание, разоблачавшее провокацию черносотенцев и требовавшее оправдания Бейлиса, а когда тот был оправдан, написал для какой-то газеты заметку «о том, что рад оправдательному приговору» (заметка не разыскана). Эпизод «Пантера» — Агадир. — В июле 1911 г. в порт Агадир (Марокко) вошел германский военный корабль «Пантера», что вызвало резкое обострение франко-германских и англо-германских отношений; тогда уже общеевропейская война казалась неотвратимой. *Апухтинские годы* — по имени А. Н. Апухтина (1840—1893), популярного в 80-е годы лирического поэта, писавшего в нервно-мелодраматической манере и в духе и формах надрывного «цыганского романса».

ПРОЛОГ

Ст. 17—24. *Зигфрид* — герой древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах». *Нотунг* — волшебный меч Зигфрида. После того как Зигфрид заново сковал расколотый в бою Нотунг, злой карлик *Миме*, пожелавший завладеть мечом, пытался убить Зигфрида, но сам пал от его руки. Весь этот эпизод в прологе поэмы связан с музыкально-драматическим циклом Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов», который еще в юные годы Блока произвел на него очень сильное впечатление. В 1910 г. Блок часто посещал вагнеровские спектакли и с увлечением перечитывал «Песнь о Нибелунгах».

Ст. 43—44. *Вот голову его на блюде...* — Имеется в виду библейская легенда о царевне Саломее (см. примеч. 149—151).

Ст. 55. *Притвор* — передняя часть церкви.

Ст. 57. *Денница* — упомянутый в Библии падший ангел, свергнутый с неба за гордыню и злость («Книга Исаии», XIV, 12). В некоторых библейских источниках — другое имя Люцифера (дьяво-

ла) и его женского двойника Лилит — первой (астральной) жены Адама и матери Каина.

Ст. 73. Угль превращается в алмаз. — Речь идет об искусственном образовании алмаза из угля и графита. В конце XIX — начале XX в. вопрос этот широко обсуждался в научных кругах. Блок мог узнать об этом из книги Д. И. Менделеева «Основы химии», которая была в библиотеке Блока.

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Ст. 1 — 52. Ср. характеристику «железного» XIX в. в статье Блока «Ирония» (т. 4 наст. изд.).

Ст. 6. Матерьялистских — здесь в смысле: материальных, узкопрактических, корыстных.

Ст. 10. Нейрастения — старинная форма произношения слова неврастения.

Ст. 15. Рента — нетрудовой доход с капитала или с земли.

Ст. 47. Роланд — доблестный рыцарь, герой французского средневекового эпоса «Песнь о Роланде».

Ст. 59. Кометы грозной и хаостатой... — См. примеч. 213.

Ст. 61. Безжалостный конец Мессины. — См. примеч. 340 и статью Блока «Горький о Мессине» (т. 4 наст. изд.).

Ст. 85. Столица севера — Петербург. Далее описано возвращение гвардии с русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Ст. 118. Под Плевной (трижды), Шипкой и Горным Дубняком (в Болгарии) происходили особенно ожесточенные сражения с турками.

Ст. 147. Ложементы — окопы.

Ст. 167. Кортия — перевязочный материал (нащипанная ветошь, употреблявшаяся вместо ваты).

Ст. 172. «Штрюк» — пренебрежительная кличка штатского человека, принятая в офицерской среде.

Ст. 187. Белый Генерал — прозвище генерала М. Д. Скобелева (1843—1882), героя русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

Ст. 198. Штык — здесь: рядовой, солдат.

Ст. 242. Ванька — распространенная в свое время кличка извозчика.

Ст. 283 и сл. В этой части поэмы Блок, основываясь на мемуарных источниках, описал новогоднюю пирушку народовольцев. В *ст. 300—338* изображены Софья Львовна Перовская (1853—1881) и Сергей Михайлович Степняк-Кравчинский (1852—1895).

Ст. 321. Наполеоновская бородка — борода особого фасона, введенная в моду французским императором Наполеоном III.

Ст. 365 и сл. Отсюда идет рассказ о родственной Блоку семье Бекетовых.

Ст. 414. Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» («Ах! боже мой, что станет говорить княгиня Марья Алексевна!»), ставшая ходячей поговоркой.

Ст. 447. Глава семьи — А. Н. Бекетов, дед Блока (о нем — см. наст. изд., т. 1, примеч. 379 и в Автобиографии Блока — т. 5 наст. изд.).

Ст. 474 и сл. В семье Бекетовых росли не три, а четыре дочери. Самая младшая (Мария) в поэме не упомянута. Старшая — Екатерина (по мужу — Краснова), писательница; вторая — Софья; меньшая — Александра, мать Блока. В портрете «вихрастого идеального малого» Блок, очевидно, запечатлел черты знакомого ему по рассказам некоего студента Шатца — типичного разночинца 70-х гг.

Ст. 476. *Кислук* — книга, иллюстрированная гравюрами.

Ст. 508. Перефразировка заглавия статьи Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве».

Ст. 580. *Не моего романа* — цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».

Ст. 616. Под именем Анны Вревской выведена А. П. Философова (1837—1912) — видная либеральная общественная деятельница.

Ст. 622—623. «Дневник» — «Дневник писателя», периодическое издание, выпускавшееся единолично Ф. М. Достоевским в 1873, 1876—1877 и 1880—1881 гг., в пору сближения его с правительственными кругами, в частности — с К. П. Победоносцевым, главным вдохновителем реакционной политики царизма.

Ст. 666 и сл. Отсюда идет рассказ об отце поэта — профессоре Александре Львовиче Блоке (1852—1909). Юрист и философ, отличавшийся широтой и самостоятельностью научных воззрений, удивлявший окружающих необъятной эрудицией и щедро наделенный художественными способностями, глубокий знаток музыки (сам отлично играл на рояле), тонкий стилист (поклонник Флопера), он был человеком психически полунормальным, со многими странностями и необыкновенно тяжелым характером. В молодости он пользовался в своем кругу репутацией «радикала» и «богоборца», но к старости превратился в убежденного, воинствующего реакционера и богомольного церковника. Блок отца знал мало (А. А. Бекетова рассталась с мужем, когда Блоку было всего несколько месяцев), встречался с ним редко и относился к нему, под влиянием Бекетовых, недоброжелательно. Только в декабре 1909 г., после похорон Александра Львовича, он написал матери: «Для меня выясняется внутреннее обличье отца — во многом совсем по-новому. Все свидетельствует

о благородстве и высоте его духа, о каком-то необыкновенном одиночестве и исключительной крупности натуры».

Ст. 869. «Глас народа — божий глас» — латинская поговорка: Vox populi — vox dei.

Ст. 906 — 913. Первого марта 1881 г. на Екатерининском канале в Петербурге по приговору Исполнительного комитета партии «Народная воля» был казнен Александр II.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Ст. 1 — 24. Говоря о красавице (России) и колдуне (Победоносцеве), Блок, возможно, отправлялся от статьи Андрея Белого «Луг зеленый» (впервые напечатанной в 1905 г.), где читаем: «Пелена черной смерти... занавешивает Россию, эту Красавицу, спавшую доселе глубоким сном... Россия уподоблялась символическому образу спящей пани Катерины, душу которой украл страшный колдун... В колоссальных образах Катерины и старого колдуна Гоголь бессмертно выразил томление спящей родины-красавицы». (Речь идет о повести Н. В. Гоголя «Страшная месть».) По поводу этой статьи Блок писал А. Белому: «Более близкого, чем у тебя о пани Катерине, мне нет ничего».

Ст. 30. Штык и куранты — шпиль собора Петропавловской крепости и часы с боем, установленные на колокольне собора.

Ст. 37 — 40. Относятся к В. А. Щеголевой (см. о ней примеч. 92).

Ст. 41. Востока страшная заря — предвестие русско-японской войны 1904 — 1905 гг.

Ст. 51. Царь огромный, водянистый — Александр III.

Ст. 64. «Князь» — в дореволюционное время распространенная кличка татарина-старьевщика.

Ст. 78. Сфинкс — см. примеч. 63.

Ст. 90. Державный основатель — Петр I.

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Ст. 11. Имеется в виду памятник Копернику в Варшаве, установленный в 1830 г. по модели датского скульптора Торвальдсена

Ст. 27. Решетчатые пролеты этого моста (ныне не существующего) напомнили Блоку тюремную решетку.

Ст. 288. Гарпагон — герой комедии Мольера «Скупой».

Ст. 303 — 312. Здесь имеется в виду картина М. А. Врубеля «Демон», известная в нескольких вариантах. В последние годы жизни

Врубель, будучи душевнобольным, лихорадочно искал наилучшего художественного решения своего замысла — писал Демона множество раз, переделывал и часто портил созданное.

Ст. 316—317. По рассказу одного из современников А. С. Грибоедова, замысел комедии «Горе от ума» возник у него якобы под впечатлением увиденного сна.

Ст. 358, 388 и 431. *Новый свет и Краковское предместье* — центральные улицы в Варшаве. *Саксонский сад* — парк в центре Варшавы.

350. Когда Блоку сказали как-то, что поэма «Двенадцать», вероятно, «рождена в муках», что на ней лежит «печать больших творческих усилий», Блок ответил: «Нет, наоборот, это сделано в порыве, вдохновенно, гармонически цельно». Другой современник (К. И. Чуковский) со слов Блока сообщил, что поэма была написана в течение двух дней: «Он начал писать ее с середины, со слов: «Уж я ножичком полосну, полосну!» — потому что... эти два «ж» в первой строчке показались ему весьма выразительными. Потом перешел к началу и в один день написал почти все: восемь песен, до того места, где сказано: „Упокой, господи, душу рабы твоея... Скучно!“» Эти свидетельства уточняются данными записной книжки Блока за январь 1918 г., из которых видно, что в работе над поэмой был длительный перерыв и что хотя в основном «Двенадцать» и были действительно написаны в течение двух дней, в целом процесс создания поэмы растянулся на три недели. Впервые Блок упоминает о поэме 8 января: «Весь день — „Двенадцать“»; 14 января отмечено: «Мои «Двенадцать» не двигаются»; под 27 и 28 января отмечена работа над поэмой (очевидно, это и были те два дня, о которых Блок говорил К. И. Чуковскому); 29 января Блок записал: «Страшный шум, возрастающий во мне и вокруг... Сегодня я — гений» и, наконец, 4(17) февраля: «„Двенадцать“ — отделка, интервалы». Таким образом, хронология выясняется точно: 8 января поэма была начата, 28-го — черне закончена (эта дата указана и в черновике поэмы). Именно потому, что «Двенадцать» были созданы «в порыве, вдохновенно», черновик почти не содержит существенных вариантов и разночтений сравнительно с окончательным текстом — при обильной чисто стилистической правке (черновик этот подробно описан в Собрании сочинений Блока, т. 5. Л., 1933, с. 111—130).

В первый раз поэма была опубликована 18 февраля (3 марта по н. ст.) 1918 г. в газете «Знамя труда», в апреле была перепечатана в журнале «Наш путь» (№ 1), в мае — вышла в свет отдельной книжкой (вместе со стих. «Скифы»). При жизни Блока поэма вышла еще в трех изданиях (1918 и 1921), не считая многих провинциальных и зарубежных, осуществленных без участия автора (Одесса, Тифлис, Баку, Ставрополь, Харьков, Киев, Чернигов, Красноярск, Чита, Па-

риж, Берлин, София), а также — в переводах на многие языки (французский, немецкий, итальянский, английский, польский, болгарский, еврейский, древнееврейский, украинский).

Круг мыслей, настроений и интересов Блока в дни, когда он писал «Двенадцать», очерчен в статье «Интеллигенция и Революция» (т. 4 наст. изд.), в дневниковых записях от января — марта 1918 г. (т. 5 наст. изд.), в письме к Ю. П. Анненкову от 12 августа 1918 г. (т. 6 наст. изд.), в составленной им в апреле 1920 г. специальной «Записке о „Двенадцати“» (см. с. 377 наст. тома). В конце ноября 1920 г. Блок сказал одному из своих собеседников: «„Двенадцать“ — какие бы они ни были — это лучшее, что я написал. Потому что тогда я жил современностью».

1-я песня. *Вития* — красноречивый оратор (здесь — в ироническом смысле).

2-я песня. *Бубновый туз* — красный или желтый лоскут (в форме карточного туза), который нашивали на спину одежды каторжников. *Керенки* — распространенное название (по фамилии министра Керенского) бумажных денежных знаков, выпущенных в 1917 г. Временным правительством. *Кондовая* — старинная, прочная, основательная.

9-я песня. Первая строфа — вариация начальных строк популярного народного романса «Не слышно шуму городского...», литературным источником которого послужило стих. Ф. Н. Глинки «Узнику» (авторство часто приписывали К. Ф. Рылееву). *Невская башня* — башня здания бывшей Городской думы на Невском проспекте. Блок колебался между эпитетами «Невская» и «старая»; остановился на первом по совету С. Есенина.

10-я и 11-я песни. «*Вперед, вперед, вперед, Рабочий народ!*» — вариация слов известной революционной песни 1890–1900-х гг. «Варшавянка» (вольный перевод с польского Г. М. Кржижановского, соратника В. И. Ленина).

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГЕЙНЕ

В январе 1909 г. Блок приступил к переводу стихов Генриха Гейне, задумав перевести целиком его «Книгу песен»; однако работа ограничилась переложением тринадцати стих. из раздела «Опять на родине»; двенадцать из них он включил особым разделом в свой четвертый сборник лирики «Ночные часы» (1911) и в III книгу «Стихотворений» (1916). В 1920–1921 гг., в связи с редакторской работой над собранием сочинений Гейне для изд-ва «Всемирная литера-

тура», Блок перевел еще несколько его стих. и радикально переработал ряд чужих переводов.

По поводу стих. «Не знаю, что значит такое...» Блок писал С. А. Венгеру 19 ноября 1909 г.: «Позвольте предложить Вам для Сборника Литературного фонда мой перевод знаменитой «Лорелей». Решаюсь остановиться именно на этом стихотворении, так как в нем мне удалось, кажется, передать все тонкости размера, и, насколько я знаю, впервые».

Три светлых царя... и т. д. — См. примеч. 168.

АВЕТИК ИСААКЯН

Блок переводил стихи Аветика Исаакяна для антологии «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней», изданной в 1916 г. под редакцией В. Брюсова. Всего Блок перевел двадцать стих. Исаакяна, из которых пять переводов вошло также в «Сборник армянской литературы» (1916), изданный по инициативе и под редакцией М. Горького.

Блок переводил стихи Исаакяна с большим увлечением и громадной взыскательностью к себе: «...Этот прекрасный поэт невероятно труден для передачи... я все недоволен переводом» (из письма от 30 ноября 1915 г.). В другом письме, от 1 декабря 1915 г., он писал: «Не мне судить, как вышло, но должен Вам сказать, что я полюбил этого поэта нежно», а в третьем письме, от 28 января 1916 г., утверждал: «...поэт Исаакян — первоклассный; может быть, такого свежего и непосредственного таланта теперь во всей Европе нет».

ПЛУДОНИС

«Реквием» Плудониса Блок перевел для «Сборника латышской литературы», изданного по инициативе и под редакцией М. Горького (1917).

В черновике перевода имеется следующая заметка Блока: «Своеобразный Requiem — лютеранский. «Я лютеран люблю богослуженье... сих голых стен, сей храмины пустой...» Никакой надежды за гробом. Нет Имени. Эпиграф Плудон цитирует неточно («Вечерний звон» Козлова). — Хотя издано по-декадентски — текст простой, почти везде отчетливый (мало метафор). Елки, вереск, снег, песок, пустырь, мать, брат, нищета. Не суетно, не гордо». («Я лютеран люблю богослуженье...» — стихи Ф. И. Тютчева).

«Реквием» был написан в 1912 г.

Стихи финских поэтов Блок переводил для «Сборника финской литературы», изданного по инициативе и под редакцией М. Горького (1917) в сотрудничестве с В. Брюсовым.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Первый эпитаф взят из неопубликованного стих. Л. Д. Блок «Venus ad Cometam» («Венера – Комете»), обращенного к Н. Н. Волоховой и датированного 15 августа 1907 г. Второй эпитаф – из стих. А. А. Григорьева «Комета». Стихи «Кто скажет нам, что жить мы не умели...» принадлежат А. А. Фету («А. Л. Бржеской»). Развитие образа Судьбы – цирковой наездницы – в драме Блока «Песня Судьбы» (картина III). Стихи «Ой, полна, полна коробушка...» взяты из поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники», – Блок называл ее «одним из самых магических произведений поэта, в котором он всегда чувствует буйную выюгу, разыгравшуюся на русских просторах».

II, 2. *Благовещение*. В заключительной фразе имеются в виду Леонардо да Винчи и А. С. Пушкин.

III, 1. «*Миллон терзаний*» – заглавие статьи И. А. Гончарова, посвященной анализу комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Он был... *печерским богомазом*. – М. А. Врубель в 1884 г. реставрировал и дописывал древние (XII в.) фрески в Кирилловской церкви в Киеве.

III, 2. Заметки расположены не в их хронологической последовательности, но в порядке перенумерованных самим Блоком листов, приложенных к черновику первой главы поэмы, – за исключением первой заметки (взятой из записной книжки 1911 г.) и последней (приложенной к черновику третьей главы). *С вечно смятой розой на груди...* – цитата из стих. Блока (№ 91 наст. тома). *Жандармы, рельсы, фонари...* – цитата из третьей главы поэмы. *Вдова Клик* – см. с. 366, 369 наст. тома. *Профессор лучших времен Петербургского университета* – А. Н. Бекетов, дед Блока. *Гроб качается хрустальный* – цитата из «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина. *Кот Мурлыка* – литературный псевдоним Н. П. Вагнера, автора популярных в свое время «Сказок Кота Мурлыки». *Страна под бременем обид...* – цитата из третьей главы поэмы.

III, 3. Листки, на которых сделаны эти наброски, остались после смерти Блока в его настольном бюваре в случайном порядке. Здесь они расположены в той последовательности, которая согласуется с развитием сюжета, поскольку он ясен из замысла. *Бастыльник сорная трава*. *Гимназия толстовская* – по фамилии гр. Д. А. Толсто-

го, реакционного министра народного просвещения (с 1866 по 1880 г.), поставившего во главу угла в гимназическом образовании изучение мертвых языков — древнегреческого и латинского. *Косые лучи заката... видение средневековой твердыни* — см. наст. изд., т. 1, примеч. 129.

IV. *Январь 1907 и март 1914.* — Блок имеет в виду создание стихотворных циклов «Снежная маска» и «Кармен». *Маркизова луна.* — Так в просторечии называли мелководный Финский залив (по ассоциации с титулом морского министра при Александре I — маркиза де Траверсе). О сложном и неоднозначном понимании А. Блоком политики см.: В л. О р л о в. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980, с. 688 — 690.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Фронтиспис – А. А. Блок (1907 г.).

Стр. 298. Черновик. Наброски продолжения второй главы поэмы «Возмездие».

Стр. 323. Черновик. Поэма «Двенадцать».

АЛФАВИТНО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

(К томам 1, 2)

Произведения зарегистрированы в указателе по заглавиям и по первым стихам. Отмечены также встречающиеся в тексте названия стихотворных циклов.

Библиографическая справка отсылает к первой публикации данного произведения.

При ссылках на *журналы* указаны год и номер журнала. При ссылках на *газеты* — дата публикации. При ссылках на *альманахи* и *авторские сборники* — год издания (в скобках).

В ссылках на текст настоящего издания римская цифра обозначает том, арабская — страницу.

За несколько библиографических указаний и уточнений составитель признателен Н. Г. Захаренко.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В УКАЗАТЕЛЕ

А — «Аполлон».

АДВ — «Альманах для всех».

АС — «Артист — солдату».

Б — Байрон. Полное собрание сочинений, т. III. СПб., Изд-во Брокгауз и Ефрон, 1906.

БВ — «Биржевые ведомости» (утр. вып.).

Бекетова — М. А. Бекетова. Александр Блок и его мать. Л., 1925.

БН — «Белые ночи. Петербургский альманах».

БС — «Бодрое слово».

В — «Весы».

ВВОПС — «Вестник Воронежского округа путей сообщения».

ВЕ — «Всеобщий ежемесячник».

ВЖ — «Вопросы жизни».

ВМИ — «В мире искусств».

ВП — «Всемирная панорама».
 Г — «Гриф».
 ГЖ — «Голос жизни».
 ГМ — «Голос Москвы».
 Д — «День».
 ДИ — «Дом искусств».
 ДП — «Дневники писателей».
 ЕЖ — «Ежемесячный журнал».
 ЕИТ — «Ежегодник императорских театров».
 Ж — «Жизнь».
 ЖДВ — «Журнал для всех».
 ЖН — «Живописная неделя».
 З — «Заветы».
 ЗГПД — Александр Блок. За гранью прошлых дней. Стихотворения. Пг., 1920.
 ЗК — «Записные книжки Ал. Блока». Л., 1930.
 ЗМ — «Записки мечтателей».
 ЗР — «Золотое руно».
 ЗС — Александр Блок. Земля в снегу. Третий сборник стихов. М., 1908.
 ЗТ — «Знамя труда».
 ЗЦ — «Зеленый цветок».
 И — «Италии».
 К — «Корона».
 КА — «Колядный альманах».
 КВ — «Киевские вести».
 КГ — Александр Блок. Круглый год. Стихотворения для детей. М., 1913.
 КГ — «Красная газета» (веч. вып.).
 КЗ — «Кривое зеркало».
 КМ — «Красный милиционер».
 КС — «Культура и свобода».
 Л — «Летопись».
 ЛПН — «Литературные приложения к „Ниве“».
 ЛТА — «Любовь к трем апельсинам».
 ЛХС — «Литературно-художественный сборник. Стихотворения студентов С.-Петербургского университета».
 М — «Москва».
 МА — «Московский альманах».
 Н — «Нива».
 НА — «Невский альманах».
 НВ — «Новое вино».
 НГ — «Наша газета».
 НЖ — «Наша жизнь».

- НЖДВ – «Новый журнал для всех».
- НЗ – «Новая земля».
- НО – «Новое образование».
- НП – «Новый путь».
- НР – Александр Блок. Нечаянная Радость. Второй сборник стихов. М., 1907.
- НС – «Новое слово».
- НС – А. Блок. Неизданные стихотворения (1897–1919). Л., 1926.
- НЧ – Александр Блок. Ночные часы. Четвертый сборник стихов (1908–1910). М., 1911.
- О – «Образование».
- ОБ – «Основы богатства».
- ОЛХА – «Общедоступные литературно-художественные альманахи».
- ОН – «Одесские новости».
- ОС – Александр Блок. Отроческие стихи. М., 1923.
- П – «Перевал».
- Перцов – П. Перцов. Ранний Блок. М., 1922.
- ПА – «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». М., 1916.
- ПБ – «Памяти Блока». Пг., 1922.
- ПЖ – «Правда жизни».
- ПК – «Приазовский край».
- Р – «Речь».
- РМ – «Русская молва» (газета).
- РМ – «Русская мысль» (журнал).
- РС – «Русское слово».
- С – «Слово» (газета).
- С – «Современник» (журнал).
- СЖ – «Студенческая жизнь».
- СЗ – «Северные записки».
- «Сказки» – Александр Блок. Сказки. Стихи для детей. М., 1913.
- СЛЛ – «Сборник латышской литературы». Пг., 1917.
- СЛФ – «Сборник Литературного Фонда».
- СМ – Александр Блок. Снежная маска. СПб., 1907.
- СП – «Столичная почта».
- СПД – Александр Блок. Стихи о Прекрасной Даме. М., 1905.
- СР – «Студенческая речь».
- СС I – Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга первая. Стихи о Прекрасной Даме (1898–1904). Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 1911.
- СС II – Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга вторая. Нечаянная Радость (1904–1906). Изд. 2-е, дополненное. М., 1912.

СС III – Александр Блок. Собрание стихотворений. Книга третья.

Снежная ночь (1907–1910). М., 1912.

СУ – «Столичное утро».

СУ – Александр Блок. Седое утро. Стихотворения. Пг., 1920.

СФЛ – «Сборник финляндской литературы». Пг., 1917.

СХ – «Свободным художествам».

СЦ – «Северные цветы».

Т – «Тропинка».

ТЖ – «Текущая жизнь».

Том IV – Александр Блок. Собрание сочинений. Том четвертый.
Л., 1932.

ТП – «Трудовой путь».

УР – «Утро России».

Х – «Хризопрас».

«Цевница» – «Альманахи стихов, выходящие в Петрограде», Изд-во
«Цевница». Вып. I.

ЦО – «Цветник ор. Кошница первая».

Ч – «Час».

Ш – «Шиповнику».

Э – «Эпоха».

Ю – «Юность».

Я – Александр Блок. Ямбы (Современные стихи). 1907–1914. Пг.,
1919.

А. М. Добролюбов («Из городского тумана...») БН (1907) – I,
275

«А под маской было звездно...» (Под масками) СМ (1907) –
II, 22

Авиатор («Летун отпущен на свободу...») З, 1912, № 1 –
II, 171.

”Аурафа Дóуmata («Я видел мрак дневной и свет ночной...»)
СС I (1911) – I, 109

«Ал-злат наряд – мой детка рад...» <Из Исаакяна> ПА (1916) –
II, 334.

Аметист («Порою в воздухе, согретом...») СС I (1911) – I, 111.

Ангел-Хранитель («Люблю Тебя, Ангел-Хранитель во мгле...»)
ТП, 1907, № 6 – I, 396

Анне Ахматовой («„Красота страшна“ – Вам скажут...») ЛТА,
1914, № 1 – II, 204.

Антверпен («Пусть это время далеко...») Д., 1914, 21.X –
II, 239.

- Артистке («Позволь и мне сгорать душою...») *Сирена*, 1918, № 2/3 – I, 115
- Балаган «Над черной слякотью дороги...») *О*, 1907, № 3 – I, 415.
- Балаганчик («Вот открыт балаганчик...») *НР* (1907) – I, 358
- «Барка жизни встала...» *НЖ*, 1905, 26.XI – I, 338
- «Бегут неверные дневные тени...» *СЦ* (1903) – I, 180
- «Бежим, бежим, дитя свободы...» *Рабочий мир*, 1919, № 6 – I, 98.
- «Без веры в бога, без участия...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 55
- «Без Меня б твои сны улетали...» *БВ*, 1912, 19.VIII – I, 227.
- «Без слова мысль, волнение без названья...» *З*, 1912, № 8 – II, 168.
- «Безмолвный призрак в терему...» *СЦ* (1903) – I, 242
- «Безрадостные всходят семена...» *Р*, 1908, 20.I – I, 229
- «Белой ночью месяц красный...» *Н*, 1907, № 15 – I, 141
- «Белоснежной не было зим...» (На зов метелей) *СМ* (1907) – II, 13
- «Белый конь чуть ступает усталой ногой...» *С*, 1906, 15.V – I, 354.
- «Бесплодные места, где был я сердцем молод...» (Отрывок) <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 450
- «Бесправный, как дитя, и мальчик по летам...» (Дамет) <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 451
- Благовещение («С детских лет – видения и грёзы...») *А*, 1910, № 4 – II, 129
- «Благословляю всё, что было...» *СС III* (1912) – II, 170
- «Благословляя свет и тень...» (Экклесиаст) *НП*, 1903, № 3 – I, 232
- «Благоуханных дней течение...» *ОБ*, 1910/1911, № 2 – I, 129
- «Блаженный, забытый в пустыне...» *БВ*, 1915, 22.III – I, 245
- Бледные сказанья («– Посмотри, подруга, эльф твой...») *СМ* (1907) – II, 23
- «Блеснуло в глазах. Метнулось в мечте...» *НР* (1907) – I, 331
- Боец («Я облачился перед битвой...») *УР*, 1916, 10.IV – I, 224
- «Божья мать Утоли мои печали...» (За гробом) *Сатирик*, 1908, № 17 – II, 89
- «Болотистым, пустынным лугом...» *РМ*, 1914, № 1 – II, 186
- Болотные чертенятки («Я прогнал тебя кнутом...») *ВЖ*, 1905, № 6 – I, 340
- Болотный попик («На весенней проталинке...») *В*, 1906, № 5 – I, 349
- «Болото – глубокая впадина...» *НР* (1907) – I, 355

- «Боль проходит понемногу...» (Последнее напутствие) *БВ*, 1914, 26.X – II, 230
- Бред («Я знаю, ты близкая мне...») *НР* (1907) – I, 377
- «Брожу в стенах монастыря...» *СПД* (1905) – I, 214
- «Будет день – и свершится великое...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 169
- «Будет день, словно миг веселья...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 244
- «Буду всегда я по-прежнему молод нетленной душою...» *Том IV* (1932) – I, 63
- «Бушевали ночные метели...» (Тишина в лесу) *Т*, 1912, № 12 – II, 185
- «Бушует снежная весна...» *ЛТА*, 1914, № 4/5 – II, 225
- «Бывают тихие минуты...» *БВ*, 1912, 2.XII – II, 134
- «Был бы на Аразе у меня баштан...» <Из Исаакяна> *ПА* (1916) – II, 335
- «Был вечер поздний и багровый...» *Р*, 1907, 25.XII – I, 235
- «Был скрипок вой в разгаре бала...» (Вячеславу Иванову) *РМ*, 1914, № 2 – II, 178
- «Была и страсть, но ум холодный...» *С*, 1908, 25.XII – I, 120
- «Была пора – в твоих глазах...» *С*, 1914, № 10 – I, 104
- «Была ты всех ярче, верней и прелестней...» *Вершины*, 1914, № 1 – II, 235
- «Было то в темных Карпатах...» *РМ*, 1915, № 2 – II, 196
- «Быстролетный и черный орел...» <Из Исаакяна> *ПА* (1916) – II, 335
- «В бездействии младом, в передрагсвечной лени...» *СПД* (1905) – I, 145
- «В бесконечной дали корридоров...» *В*, 1908, № 3 – II, 65
- «В болезни сердца мысля о Тебе...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 58
- «В высь изверженные дымы...» *Г* (1905) – I, 328
- «В глазах ненужный день так ярко...» *ЦО* (1907) – II, 33
- «В глубоких сумерках собора...» *Лебедь*, 1909, № 8 – II, 82
- «В голодной и больной неволе...» *ЕЖ*, 1914, № 3 – II, 111
- «В голубой далекой спаленке...» *В*, 1906, № 5 – I, 369
- «В городе колокол бился...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 230
- «В густой траве пропадешь с головой...» *ТП*, 1907, № 12 – II, 54
- «В дальних северных туманах...» (Черная Дева) *Сказки* (1913) – I, 77
- «В день холодный, в день осенний...» *БС*, 1909, № 1 – I, 138
- «В длинной сказке...» (Сквозь винный хрусталь) *СМ* (1907) – II, 24
- В дюнах («Я не люблю пустого словаря...») *ЗР*, 1907, № 10 – II, 52

- «В жаркое лето и в зиму метельную...» (Художник) *Сирин III* (1914) — II, 200
- «В зимний вечер, когда запыривались...» (Шаги) *Н*, 1907, № 1 (Из *Верхарна*) — I, 460
- «В кабаках, в переулках, в извивах...» *В*, 1906, № 5 — I, 337
- «В лапах косматых и страшных...» *ЗР*, 1906, № 4 — I, 366
- «В лоне площади пологой...» (Сиена) *РМ*, 1914, № 5 — II, 126
- «В минутном взрыве откровений...» *СС I* (1911) — I, 65
- «В небе — день, всех ночей суеверней...» *СЗ*, 1914, № 3 — II, 187
- «В неуверенном, зыбком полете...» *СС III* (1912) — II, 163
- «В ночи, исполненной грозою...» *МА* (1922) — I, 94
- «В ночи, когда уснет тревога...» *ЗГПД* (1920) — I, 53
- «В ночь, когда Мамай залег с ордою...» *ШХ* (1909) — II, 86
- «В ночь молчаливую чудесен...» *Д*, 1914, 6.IV — I, 103
- «В огне и холоде тревог...» *БВ*, 1915, 26.IV; *Знамя*, 1920, № 1 — II, 164
- «В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...» (Повесть) *ВЖ*, 1905, № 4/5 — I, 342
- В октябре («Открыл окно. Какая хмура...») *П*, 1907, № 7 — I, 401
- «В передзакатные часы...» *БВ*, 1915, 7.V — I, 139
- «В полночь глухую рожденная...» *Г* (1904) — I, 124
- «В посланьях к земным владыкам...» *НВ*, 1912, № 1 — I, 265
- «В пустом переулке весенние воды...» (Обман) *СПД* (1905) — I, 312
- «В пути — глубокий мрак, и страшны высоты...» *БВ*, 1916, 10.IV — I, 187
- «В пыльный город небесный кузнец прикатил...» (Гимн) *Г* (1905) — I, 327
- «В разливе утренних лучей...» (Из *Исааклина*) *Л.*, 1916, № 1 — II, 340
- В ресторане («Никогда не забуду (он был, или не был...)») *РМ*, 1910, № 11 — II, 152
- «В сапогах бутылками...» (На Пасхе) *Цевница I* (1915) — II, 151
- В северном море («Что сделали из берега морского...») *Ф III* (1908) — II, 50
- «В седую древность он ушел, мудрец...» *НС* (1926) — I, 110
- «В серебре росы трава...» *НЖДВ*, 1909, № 14 — I, 422
- «В синем небе, в темной глубине...» *ЛПН*, 1908, № 5 — I, 414
- В снегах («И я затянут...») *СМ* (1907) — II, 22

- «В снежной пене – предзакатная...» (Последний путь) *СМ* (1907) – II, 9
- «В соседнем доме окна желты...» (Фабрика) *Г* (1905) – I, 299
- «В сумерки девушку стройную...» *ЕЖ*, 1916, № 3 – I, 205
- «В сыром ночном тумане...» *РМ*, 1913, 3.III – II, 190
- «В те годы дальние, глухие...» (Возмездие. Вторая глава) *Скрижаль* (1918) – II, 299
- «В те дни, когда душа трепещет...» *М*, 1919, № 3 – I, 89
- «В те ночи светлые, пустые...» *Д*, 1914, 25.XII – II, 57
- «В те целомудренные годы...» *ВМИ*, 1909, № 1 – I, 117
- «В темной комнате ты обещана...» *Ч*, 1907, 21.XI – II, 38
- «В темном парке под ольхой...» *ВЕ*, 1911, № 10 – II, 132
- «В тихий вечер мы встречались...» *А*, 1911, № 3 – II, 134
- «В толпе, родной по вдохновенью...» *Вершины*, 1915, № 12 – I, 61
- «В туманах, над сверканьем рос...» *НР* (1907) – I, 361
- В углу дивана («Но в камине дозвнели...») *СМ* (1907) – II, 25
- «В фантазии рождаются порою...» *БВ*, 1915, 19.IV – I, 97
- «В час глухой разлуки с морем...» *ТП*, 1907, № 5 – I, 416
- «В час, когда пьянеют нарциссы...» *СПД* (1905) – I, 322
- «В часы безмолвия ночного...» *Утро*, 1914, 25.XII – I, 104
- «В часы вечернего тумана...» *С*, 1914, № 10 – I, 102
- «В черных сучьях дерев обнаженных...» (Унижение) *СЗ*, 1913, № 2 – II, 167
- «В чужбину по гудящей стали...» *Клич* (1915) – I, 228
- «В эти желтые дни меж домами...» *Стелсари* (1912) – II, 140
- «В этой жизни слишком темной...» <Из Гейне> *СЖ*, 1910, № 7 – II, 327
- «В этот серый летний вечер...» *Ш III* (1907) – II, 44
- Валерию Брюсову («И вновь, и вновь твой дух таинственный...») *РМ*, 1913, № 4 – II, 177
- Валкирия («Одинокый, одичалый...») *С*, 1908, 3.VIII – I, 126
- «Ваш взгляд – его мне подстеречь...» *Отчество*, 1915, № 12 – II, 202
- «Вдали мигнул огонь вечерний...» *ЕЖ*, 1916, № 3 – I, 186
- «Везде – над лесом и над пашней...» *К* (1908) – II, 54
- «Век девятнадцатый, железный...» (Возмездие. Первая глава) *РМ*, 1917, № 1 – II, 276
- Венеция (3 стих.) – II, 119
- Вербная суббота («Вечерние люди уходят в дома...») *ВЖ*, 1905, № 6 – I, 289

- Вербочки («Мальчики да девочки...») *Т*, 1906, № 6 – I, 384
- «Вербы – это весенняя таль...» *ЛТА*, 1914, № 4/5 – II, 227
- «Верю в Солнце Завета...» *НП*, 1903, № 3 – I, 191
- «Веселье в ночном кабаке...» (Невидимка) *БН* (1907) – I, 348
- «Весенний день прошел без дела...» *НС*, 1910, № 4 – II, 115
- «Весна в реке ломает льдины...» *Русь*, 1907, 6.IV – I, 200
- «Вёсны и зимы меняли убранство...» (Проклятый колокол) *Русь*, 1907, 18.VI – I, 413.
- «Весь день – как день: трудов исполнен малых...» *Голос*, 1915, 1.XI – II, 216
- «Ветер звал и гнал погоню...» (Здесь и там) *СМ* (1907) – II, 28
- «Ветер принес издалёка...» *Русь*, 1907, 2.VII – I, 130
- «Ветер стих, и слава заревая...» *ЕЖ*, 1914, № 10 – II, 236
- «Ветер хрипит на мосту меж столбов...» *Ч*, 1907, 21.XI – I, 306
- «Ветр налетит, завоюет снег...» *РМ*, 1913, № 4 – II, 169
- Ветхая избушка («Ветхая избушка...») *Т*, 1907, № 6 – I, 386
- «Вечер пришел безмолвный...» <Из Гейне> *НЧ* (1911) – II, 329
- «Вечереющий день, догорая...» *ПК*, 1913, 25.XII – I, 150
- «Вечереющий сумрак, поверь...» *СПД* (1905) – I, 174
- «Вечерние люди уходят в дома...» (Вербная суббота) *ВЖ*, 1905, № 6 – I, 289
- Вечерняя («Солнце сходит на запад. Молчанье...») *СПД* (1905) – I, 316
- «Вечность бросила в город...» *СПД* (1905) – I, 324
- «Вечный дух – властитель вышний тела...» *Том IV* (1932) – I, 121
- Взморье («Сонный вздох онемелой волны...») *Г* (1905) – I, 321
- «Видит лань – в воде...» <Из Исаакяна> *ПА* (1916) – II, 338
- «Видно, дни золотые пришли...» *ЛХС* (1903) – I, 156
- «Вися над городом всемирным...» *НЖ*, 1905, 26.XI – I, 373
- Владимиру Бестужеву («Да, знаю я: пронзили ночь отвеса...») *Гитсброрей*, 1912, № 2 – II, 178
- «Влачим мы дни свои уныло...» (Накануне XX века) *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 79
- Влюбленность («И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...») *СМ* (1907) – II, 15
- Влюбленность («Королевна жила на высокой горе...») *ЗР*, 1906, № 1 – I, 352
- «Внемлю голосу свободы...» *Русь*, 1907, 18.VI – I, 159
- «Внемля зову жизни смутной...» *Огонек*, 1909, № 12 – I, 148
- «Вновь богатый зол и рад...» *РМ*, 1915, № 12 – II, 176

- «Вновь оснежённые колонны...» (На островах) *АДВ II (1911)* – II, 145
- «Вновь у себя... Унижен, зол и рад...» *ГЖ, 1914, № 1* – II, 211
- «Во долине, в долине Сално́ боевой...» <Из Исаакяна> *БВ, 1916, 20.III* – II, 335
- «Возвратилась в полночь. До утра...» *ВМИ, 1909, № 1* – I, 292
- Возмездие. Пролог («Жизнь – без начала и конца...») и Первая глава («Век девятнадцатый, железный...») *РМ, 1917, № 1* – II, 274, 276
- Вторая глава <Вступление> («В те годы дальние, глухие...») *Скрижаль (1918)* – II, 299
- Третья глава («Отец лежит в «Аллее роз»...») *ЗМ, 1921, № 2/3* – II, 302
- Война («Вот поднялась. В железных лапах...») *КГ, 1929, 7.VIII* – I, 351
- «Война горит неукротимо...» *БВ, 1915, 7.I* – I, 186
- «Волновать меня снова и снова...» (Пляски осенние) *ЗР, 1906, № 6* – I, 367
- Вольное переложение оды Горация к Левконое («Милая дева, зачем тебе знать, что́ жизнь нам готовит?..») <Из Горация> *ЗЦ (1915)* – I, 447
- Вольные мысли (4 стих.) – II, 44
- Ворожба («Я могуч и велик ворожбою...») *УР, 1916, 10.IV* – I, 171
- Ворона («Вот ворона на крыше покато́й...») *КГ (1913)* – II, 184
- «Восходишь ты, что строгий день...» *СС I (1911)* – I, 90
- «Восходя на первые ступени...» *СС I (1911)* – I, 168
- «Вот – в изнурительной работе...» *БН (1907)* – I, 334
- «Вот ворона на крыше покато́й...» (Ворона) *КГ (1913)* – II, 184
- «Вот девушка, едва развившись...» *РМ, 1914, № 5* – II, 125
- «Вот моя песня – тебе, Коломбина...» (Двойник) *С, 1906, 3.VII* – I, 287
- «Вот на тучах пожелтелых...» *НР (1907)* – I, 351
- «Вот он – ветер...» *НГ, 1909, &II* – II, 99
- «Вот он – ряд гробовых ступеней...» *СПД (1905)* – I, 324
- «Вот он – Христос – в цепях и розах...» *В, 1906, № 5* – I, 370
- «Вот она – в налетевшей волне...» *С, 1909, 30.V* – I, 258
- «Вот они – белые звуки...» *Г (1904)* – I, 275
- «Вот открыт балаганчик...» (Балаганчик) *НР (1907)* – I, 358
- «Вот поднялась. В железных лапах...» (Война) *ЗК (1930)* – I, 351
- «Вот прошел король с зубчатым...» (Тени на стене) *СМ (1907)* – II, 25

- «Вот снова пошатнулись дали...» *СЗ*, 1913, № 4 – I, 215
- «Вот явилась. Заслонила...» *Ш II* (1907) – I, 423
- «Вполоборота ты встала ко мне...» *СЗ*, 1914, № 3 – II, 210
- «Все кричали у круглых столов...» *СПД* (1905) – I, 259
- «Все огни загораются здесь...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 238
- «Все отошли. Шумите, сосны...» *ВЖ*, 1905, № 6 – I, 336
- «Всё б тебе желать веселья...» *НГ*, 1909, 8.III – II, 103
- «Всё бсжит, мы пребываем...» *ВМИ*, 1907, № 13/14 – I, 331
- «Всё бытие и сущее согласно...» *СС I* (1911) – I, 140
- «– Всё ли спокойно в народе?...» *НР* (1907) – I, 270
- «Всё на земле умрет – и мать, и младость...» *А* (1912) – II, 139
- «Всё отлетают сны земные...» *СС I* (1911) – I, 139
- «Всё помнит о весле вздыхающем...» *ЗР*, 1908, № 11/12 – II, 83
- «Всё свершилось по писаньям...» *Э I* (1918) – II, 217
- «Всё та же озерная гладь...» *ВЕ*, 1911, № 10 – II, 132
- «Всё тихо на светлом лице...» *БН* (1907) – I, 273
- «Всё чаще я по городу брожу...» (О смерти) *Ф III* (1908) – II, 44
- «Всё, чем дышал я...» *С*, 1908, 25.XII – I, 224
- «Всё, что в море покоит волну...» *БВ*, 1916, 3.VII – I, 237
- «Всё, что минуто, всё, что бrenно...» (Равенна) *А*, 1910, № 4 – II, 117
- «Всё, что память сбросит мне старается...» *Огонек*, 1910, № 42 – II, 135
- «Всё это было, было, было...» *РМ*, 1911, № 11 – II, 137
- «Вспомнил я старую сказку...» *РМ*, 1915, № 2 – II, 194
- «Встала в сиянии. Крестила детей...» (Из газет) *ЖДВ*, 1904, № 4 – I, 303
- «Встали надежды пророка...» (Посвящение) *НС* (1926) – I, 161
- «Встану я в утро туманное...» *О*, 1908, № 5^a – I, 163
- «Встревожен мертвых сон – могу ли спать?...» (Из дневника в Кефалонии) <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 455
- «Встретив на горном тебя перевале...» (*Madonna da Settignano*) *НЧ* (1911) – II, 126
- Встречной («Я только рыцарь и поэт...») *Р*, 1909, 25.XII – II, 84
- «Всю жизнь ждала. Устала ждать...» *Ш IV* (1908) – II, 75
- «Всю зиму мы плакали, бедные...» *БВ*, 1916, 21.II – I, 194
- «Всюду ясность божия...» *СП*, 1908, 2.III – II, 57
- Второе крещение («Открыли дверь мою метели...») *СМ* (1907) – II, 10
- «Входите все. Во внутренних покоях...» *СС I* (1911) – I, 151
- «Вхожу наверх тропой кремнистой...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 57
- «Вхожу я в темные храмы...» *СЦ* (1903) – I, 243
- «Вы жизнь по-прежнему нисколько...» *Том IV* (1932) – II, 258
- «Вы предназначены не мне...» *ПБ* (1922) – II, 259

- «Высоко с темнотою сливается стена...» *Н*, 1908, № 10 – I, 181
- «Выхожу я в путь, открытый взорам...» (Осенняя воля) *Ф I* (1906) – I, 362
- «Вьюга пела...» (Настигнутый метелью) *СМ* (1907) – II, 11
- Вячеславу Иванову («Был скрипок вой в разгаре бала...») *РМ*, 1914, № 2 – II, 178
- «Гадай и жди. Среди полночи...» *НП*, 1903, № 3 – I, 195
- Гамаюн, птица вещая («На глазах бесконечных вод...») *КВ*, 1908, 27.IV – I, 68
- «Гармоника, гармоника...» *В*, 1908, № 3 – II, 69
- «Где отдастся в длинных затах...» *СХ*, 1910, № 1 – II, 157
- Георгу, графу Делавару («О, да, я признаюсь, мы с вами близки были...») <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 450
- Гимн («В пыльный город небесный кузнец прикатил...») *Г* (1905) – I, 327
- «Глаза, опущенные скромно...» *БВ*, 1916, 10.I – II, 128
- «Глухая полночь медленный кладет покров...» *К* (1903) – I, 276
- «Глухая полночь. Цепененье...» *НС* (1926) – I, 79
- «Глушь родного леса...» *ЛПН*, 1909, № 7 – I, 159
- «Говорили короткие речи...» *СПД* (1905) – I, 219
- «Год миновал. Мы пьем среди твоих владений...» (Цирцея) <Из Леконта> *С*, 1906, 8.V – I, 463
- Голос («Жарки зимние туманы») *ВМИ*, 1907, № 17/18 – I, 254
- Голос («Чей-то обманчивый голос поет...») *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 81
- Голос в тучах («Нас море примчало к земле одичалой...») *ТП*, 1907, № 3 – I, 431
- Голос из хора («Как часто плачем – вы и я...») *ЛТА*, 1916, № 1 – II, 223
- Голоса («Нет исхода вьюгам певучим!...») *СМ* (1907) – II, 20
- Голоса скрипок («Из длинных трав встанет луна...») *А*, 1911, № 3 – II, 149
- «Голубоватым дымом...» *НЧ* (1911) – II, 124
- «Горит мой день, будя ответы...» *ГМ*, 1907, 21.XII – I, 289
- «Город в красные пределы...» *СПД* (1905) – I, 325
- «Город спит, окутан мглою...» *СС I* (1911) – I, 80
- «Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?...» (Легенда) *Ш II* (1907) – I, 345
- «Готов ли ты на путь далекий...» *СС I* (1911) – I, 75
- «Греши, пока тебя волнуют...» *ВВОПС*, 1919, № 6/7 – II, 221
- «Грешить бесстыдно, непробудно...» *РС*, 1914, 21.IX – II, 233

- «Гроб невесты легкой тканью...» ВЖ, 1905, № 6 – I, 333
- «Гроза прошла, и ветка белых роз...» КС (1919) – I, 70
- «Грустно и тихо у берега сонного...» ЛПН, 1909, № 4 – I, 163
- «Грустя и плача и смеясь...» НГ, 1909, 18.I – II, 104
- «Густых кудрей откинув волны...» (Сирин и Алконост) ЗМ, 1919, № 1 – I, 68
- «Да, знаю я: пронзили ночь отвеса...» (Владимиру Бестужеву) Гитерберей, 1912, № 2 – II, 178
- «Да. Так диктует вдохновенье...» БВ, 1915, 8.XI – II, 166
- «Да, я знаю всегда – есть чужая страна...» (Из Исаакяна) ПА (1916) – II, 338
- «Да, я изведала все муки...» (Женщина) Д, 1915, 22.III – II, 236
- «Давно хожу я под окнами...» С, 1908, 17.VIII – I, 229
- «Даже имя твоё мне презренно...» ГЖ, 1914, № 1 – II, 211
- «Дали слепы, дни безгневны...» СПД (1905) – I, 319
- Дамет («Бесправный, как дитя, и мальчик по летам...») (Из Байрона) Б (1906) – I, 451
- Две любви («Любви и светлой, и туманной...») ЕЖ, 1917, № 2/4 – I, 124
- Две надписи на сборнике «Седое утро» (2 стих.) – II, 259
- Двенадцать («Черный вечер...») ЗГ, 1918, 18.II (3.III) – II, 313
- Двойник («Вот моя песня – тебе, Коломбина...») С, 1906, 3.VII – I, 287
- Двойник («Однажды в октябрьском тумане...») БВ, 1915, 25.X – II, 144
- Двойнику («Ты совершил над нею подвиг трудный...») СС I (1911) – I, 177
- Деве-Революции («О, Дева, иду за тобой...») НС (1926) – I, 397
- Девушка из Spoleto («Строен твой стан, как церковные свечи...») А, 1910, № 4 – II, 118
- «Девушка пела в церковном хоре...» НЖ, 1906, № 5/6 – I, 365
- Девушке («Ты перед ним – что стебель гибкий...») СШ III (1908) – II, 41
- «Дела свершились...» С, 1908, 22.VI – I, 270
- Демон («Иди, иди за мной – покорной...») Творчество I (1917) – II, 250
- Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...») РМ, 1910, № 11 – II, 152

- «День был нежно-серый, серый, как тоска...» Г (1904) — I, 285
- «День догорел на сфере той земли...» (Песнь Ада) Любовь (1910). — II, 141
- «День поблек, изящный и невинный...» НР (1907) — I, 336
- «День полувеселый, полустрадный...» (Перуджия) СС III (1912) — II, 121
- «День проходил, как всегда...» Стрелец I (1915) — II, 219
- «Дети Сули! Киньтесь в битву...» (Песнь к сулиотам) <Из Байрона> Б (1906) — I, 457
- «Дикий ветер...» РС, 1916, 10.IV — II, 248
- «Днем вершу я дела суеты...» СЦ (1903) — I, 204
- «Днем за нашей стеной молчали...» ВМИ, 1909, № 1 — I, 265
- «Дни и ночи я безволен...» (Поединок) БН (1907) — I, 310
- «Дни текут молчательно...» (Ожидание) БВ, 1915, 2.VIII — I, 160
- «До новых бурь, до новых молний...» К (1908) — I, 96
- «До утра мы в комнатах спорим...» (Утренняя) СПД (1905) — I, 315
- «Дождь мелкий, разговор неспешный...» (Юрию Верховскому) РМ, 1913, № 4 — II, 159
- Dolor Ante Lucem («Каждый вечер, лишь только погаснет заря...») СС I (1911) — I, 85
- «Дома растут, как желанья...» Г (1904) — I, 248
- «Дохнула жизнь в лицо могилой...» СЖ, 1910, № 14/15 — II, 114
- «Друг другу мы тайно враждебны...» (Друзьям) РМ, 1909, № 1 — II, 91
- «Друг, посмотри, как в равнине небесной...» (Моей матери) ЗМ, 1919, № 1 — I, 51
- Друзьям («Друг другу мы тайно враждебны...») РМ, 1909, № 1 — II, 91
- «Дух пряный марта был в лунном круге...» НЧ (1911) — II, 151
- «Дух человеческий властен земное покинуть жилище...» Том IV (1932) — I, 122
- «Душа! Когда устанешь верить?...» ЗР, 1908, № 11/12 — II, 79
- «Душа молчит. В холодном небе...» С, 1908, 28.IX — I, 132
- «Душа моя тиха. В натянутых струнах...» ЗМ, 1919, № 1 — I, 54
- «Дым от костра струею сизой...» На рассвете I (1910) — II, 137
- «Дышит утро в окошко твое...» СС I (1911) — I, 78

- Е. А. Баратынскому («Тебе, поэт, в вечерней тишине...») *НС* (1926) — I, 123
- «Его встречали повсюду...» *Огонек*, 1915, № 51 — I, 245
- «Едва в глубоких снах мне снова...» *ПБ* (1922) — II, 260
- Ее песни («Не в земной темнице душевной...») *СМ*, (1907) — II, 13
- Ее прибытие (7 стих.) — I, 429
- «Ее спеленутое тело...» (Успение) *А*, 1910, № 4 — II, 130
- «Ей было пятнадцать лет. Но по стуку...» *С*, 1909, 31.I — I, 284
- «Если только она подойдет...» *БН* (1907) — I, 280
- «Есть в дикой роще, у оврага...» *СЗ*, 1915, № 2 — I, 55
- «Есть в напевах твоих сокровенных...» (К Музе) *РМ*, 1913, № 11 — II, 189
- «Есть времена, есть дни, когда...» *РМ*, 1915, № 1 — II, 197
- «Есть демон утра. Дымно-светел он...» *ДП*, 1914, № 2 — II, 225
- «Есть игра: осторожно войти...» *ЕЖ*, 1914, № 2 — II, 204
- «Есть лучше и хуже меня...» *ЦО* (1907) — I, 399
- «Есть минуты, когда не тревожит...» *РМ*, 1912, 9.XII — II, 182
- «Есть много песен в светлых тайниках...» *С*, 1914, № 10 — I, 98
- «Еще бледные зори на небе...» *ЛПН*, 1907, № 6 — I, 251
- «Еще прекрасно серое небо...» *НР* (1907) — I, 374
- «Жарки зимние туманы...» (Голос) *ВМИ*, 1907, № 17/18 — I, 254
- «Жгут раскаленные камни...» *РМ*, 1914, № 5 — II, 123
- «Жду я смерти близ денницы...» *СПД* (1905) — I, 308
- «Жду я холодного дня...» *СС I* (1911) — I, 169
- «Жениха к последней двери...» *И* (1909) — II, 90
- Женщина («Да, я изведала все муки...») *Д*, 1915, 22.III — II, 236
- «Женщина, безумная горячка!..» (З. Гиппиус) *Беседа*, 1923, № 2 — II, 255
- «Жизнь — без начала и конца...» (Возмездие. Пролог) *РМ*, 1917, № 1 — II, 274
- «Жизнь была стремлением...» (Так было) *СР*, 1907, 22.XI — I, 430
- «Жизнь — как море она — всегда исполнена бури...» *Творчество*, 1919, № 5/6 — I, 54
- «Жизнь медленная шла, как старая гадалка...» *СЗ*, 1913, № 4 — I, 196
- Жизнь моего приятеля (8 стих.) — II, 216
- Жрец («Там — в синевах — была звезда...») *С*, 1908, 4.V — I, 251

- З. Г и п п и у с («Женщина, безумная гордячка!..») *Беседа*, 1923, № 2 – II, 255
- «За горами, лесами...» *ЕЖ*, 1918, № 1 – II, 243
- «За городом в полях весною воздух дышит...» *Г* (1913) – I, 150
- «За городом вырос пустынный квартал...» (Поэты) *КЗ*, 1909, № 5 – II, 92
- За гробом («Божья мать Утоли мои печали...») *Сатирик*, 1908, № 17 – II, 89
- «За краткий сон, что нынче снится...» *ЗГПД* (1920) – I, 86
- «За темной далью городской...» *СПД* (1905) – I, 222
- «За туманом, за лесами...» *К* (1908) – I, 145
- «За холмом отзвенели упругие латы...» *ЖН*, 1908, № 4 (Январь) – II, 36
- Забывшие Тебя («И час настал. Свой плащ скрутило время...») *ЕЖ*, 1915, № 12 – II, 95
- «Завтра в сумерки встретимся мы...» *Том IV* (1932) – I, 207
- «Завтра с первым лучом...» *БВ*, 1915, 8.II – I, 120
- «Загляжусь ли я в ночь на метелицу...» *О*, 1908, № 3 – I, 249
- «Задебранные лесом кручи...» *ЕЖ*, 1914, № 10 – II, 234
- «Зажигались окна узких комнат...» *НР* (1907) – I, 330
- Зайчик («Маленькому зайчику...») *Т*, 1907, № 20 – I, 387
- «Закат горел в последний раз...» (Перед грозой) *КА* (1919) – I, 76
- Заклинание («Луна взошла. На вздох родимый...») *Сирена*, 1919, № 4/5 – I, 286
- Заклучение спора («Ты кормчий – сам, учитель – сам...») *Проталина* (1907) – I, 300
- Заклятие огнем и мраком (11 стих.) – II, 61
- «Запевающий сон, зацветающий цвет...» *СПД* (1905) – I, 261
- «Заплетаем, расплетаем...» (Угар) *БН* (1907) – I, 407
- «Зарево белое, желтое, красное...» *Русь*, 1907, 20.III – I, 167
- «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...» *ЗР*, 1907, № 6 – II, 36
- «Зачем, зачем во мрак небытия...» *СС I* (1911) – I, 74
- «Зачинайся, русский бред...» (Русский бред) *НС* (1926) – II, 257
- «Звезда полночная скатилась...» *С*, 1908, 28.IX – I, 99
- «Звонким колокол ударом...» (Рождество) *Т*, 1907, № 1 – I, 411
- «Здесь в сумерки в конце зимы...» *ВП*, 1910, № 17 – II, 112
- Здесь и там («Ветер звал и гнал погоню...») *СМ* (1907) – II, 28.
- «Здесь на земле одиноцельны...» *НЗ*, 1912, № 3/4 – I, 121
- «Здесь ночь мертва. Слова мои дики...» *СПД* (1905) – I, 263

- «Здесь память волны святой...» *К* (1908) – I, 266
- «Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...» (Отшедшим) *С*, 1908, 8.VI – I, 264
- «Здесь тишина цветет и движет...» (Тишина цветет) *БН* (1907) – I, 408
- «Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...» (Эпитафия фра Филиппо Липпи) <Из Полициана> *РМ* 1914, № 5 – II, 131
- Земля есмь («Мечтать о небесном царстве...») <Из Тегенгрена> *СФЛ* (1917) – II, 353
- «Земное сердце стынет вновь...» *РС*, 1915, 22.III – II, 166
- «Зима прошла. Я болен...» *ЦО* (1907) – II, 34
- «Зимний ветер играет терновником...» *НП*, 1904, № 11 – I, 269
- «Знаю, бедная, тяжкое бремя...» *СС I* (1911) – I, 161
- «Знаю я твоё ластивое имя...» *НЧ* (1911) – II, 162
- «Зову тебя в дыму пожара...» *О*, 1908, № 6 – I, 220
- «Золотистую долиной...» *ЖДВ*, 1904, № 5 – I, 227
- «Золотисты лица купальниц...» (Твари весенние) *В*, 1906, № 5 – I, 343
- «Золотит моя страстная осень...» *КГ*, 1925, 18.XI – I, 254
- «Золотокудрый ангел дня...» *СС I* (1911) – I, 216
- «...И были при последнем издыханьи...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 187
- «И взвился костер высокий...» (На снежном костре) *СМ* (1907) – II, 31
- «И вновь, и вновь твой дух таинственный...» (Валерию Брюсову) *РМ*, 1913, № 4 – II, 177
- «И вновь – порывы юных лет...» *РМ*, 1913, № 4 – II, 181
- «И вновь, сверкнув из чаши винной...» (Снежное вино) *СМ* (1907) – II, 8
- «И вот уже ветром разбиты, убиты...» *В*, 1907, № 12 – II, 55
- «И жизнь, и смерть, я знаю, мне равны...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 74
- «И опять, опять снега...» (И опять снега) *СМ* (1907) – II, 19
- «И опять открыли солнца...» (Прочь!) *СМ* (1907) – II, 17
- И опять снега («И опять, опять снега...») *СМ* (1907) – II, 19
- «И опять твой сладкий сумрак, влюбленность...» (Влюбленность) *СМ* (1907) – II, 15
- «И поздно, и темно. Покину без желаний...» *НА* (1915) – I, 143
- «И пора уснуть, да жалко...» (Сны) *Огоньки* (1912) – II, 183
- «...И снова подхожу к окну...» *НП*, 1904, № 6 – I, 294

- «И ты, мой юный, мой печальный...» (31 декабря 1900 года)
Н, 1909, № 1 – I, 127
- «И час настал. Свой плащ скрутило время...» (Забывшие Тебя)
ЕЖ, 1915, № 12 – II, 95
- «И я затянут...» (В снегах) СМ (1907) – II, 22
- «И я любил. И я изведаль...» О, 1908, № 7 – II, 79
- «И я, неверный, тосковал...» СС I (1911) – I, 143
- «И я опять затих у ног...» В, 1908, № 3 – II, 70
- «И я провел безумный год...» С, 1908, 13.XII – II, 59
- Иванова ночь («Мы выйдем в сад с тобою, скромной...») НР
(1907) – I, 388
- «Играет буря танец...» <Из Гейне> НЧ (1911) – II, 329
- «Идем по жнивью, не спеша...» (Осенний день) СЛФ (1910) –
II, 107
- «Иди, иди за мной – покорной...» (Демон) Творчество I (1917) –
II, 250
- «Иду – и всё мимолетно...» НР (1907) – I, 344
- «Идут часы, и дни, и годы...» Антология (1911) – II, 161
- Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей...») ЖДВ, 1904,
№ 4 – I, 303
- «Из городского тумана...» (А. М. Добролюбов) БН (1907) –
I, 275
- «Из длинных трав встает луна...» (Голоса скрипок) А, 1911,
№ 3 – II, 149
- Из дневника в Кефалонии («Встревожен мертвых сон – могу
ли спать?») <Из Байрона> Б (1906) – I, 455
- «Из ничего – фонтаном синим...» РМ, 1915, № 2 – II, 194
- «Из хрустального тумана...» В, 1909, № 10/11 – II, 139
- «Из царства сна выходит безнадежность...» ЗМ, 1919, № 1 –
I, 183
- «Издаlesка в тиши ночной...» <Из Исаакяна> ПА (1916) –
II, 337
- «Измучен бурей вдохновенья...» БВ, 1916, 6.VIII – I, 116
- «Или устал ты до времени...» Русь, 1907, 9.VII – I, 190
- «Имя Пушкинского Дома...» (Пушкинскому Дому) ДИ, 1921,
№ 2 – II, 261
- Инок («Никто не скажет: я безумен...») Земля I (1908) –
II, 71
- «Инок шел и нес святые знаки...» РМ, 1914, № 10 – I, 222
- «Искусство – ноша на плечах...» ПК, 1915, 1.I – II, 127
- Испанке («Не лукавь же, себе признаваясь...») СЗ, 1914, № 3 –
II, 187
- «Испугом охвачена, влекома...» ГЖ, 1914, № 1 – II, 212
- «Испытанный, стою на грани...» БВ, 1916, 10.IV – I, 200

- «Их было много — дев прекрасных...» *Межа*, 1908, 20.X — II, 88
- «Ищи разгадку ожиданий...» *БВ*, 1916, 27.III — I, 201
- «Ищу огней — огней попутных...» *ВМИ*, 1907, № 11/12 — I, 410
- «Ищу спасенья...» *Русь*, 1907, 30.VII — I, 119
- «Июньский вечер в облаках...» (Лебедь) <Из И.-Л. Рунсберга> *СФЛ* (1917) — II, 348
- «К вечеру вышло тихое солнце...» *ЗС* (1908) — I, 405
- «К зеленому лугу, взывая, внимая...» (Э хо) *ЗР*, 1906, № 4 — I, 369
- К Музе («Есть в напевах твоих сокровенных...») *РМ*, 1913, № 11 — II, 189
- «К ногам презренного кумира...» *БВ*, 1914, 28.XII — I, 97
- «К чему бесцельно охранять...» *БВ*, 1915, 12.VII — I, 106
- «К чему скорбеть больной душою...» (*L'amitié est l'amour sans ailes*) <Из Байрона> *Б* (1906) — I, 452
- «Каждый вечер, лишь только погаснет заря...» (*Dolor Ante Lucem*) *СС I* (1911) — I, 85
- «Как всякий год, ночной порою...» *ЗМ*, 1919, № 1 — I, 86
- «Как день, света, но непонятна...» *НЖДВ*, 1915, № 1 — II, 222
- «Как из сумрачной гавани...» *ЗК* (1930) — II, 147
- «Как мимолетна тень осенних ранних дней...» *НС* (1926) — I, 88
- «Как мучительно думать о счастье былом...» *Утро*, 1915, 22.III — I, 53
- «Как океан меняет цвет...» *ЛТА*, 1914, № 4/5 — II, 224
- «Как прощались, страстно клялись...» *БВ*, 1910, 16.V — II, 138
- «Как растет тревога к ночи!...» *Сирин III* (1914) — II, 208
- «Как свершилось, как случилось?...» *Сирин III* (1914) — II, 206
- «Как сон молитвенно-бесстрастный...» *СС I* (1911) — I, 86
- «Как сон, уходит летний день...» *НС* (1926) — I, 221
- «Как старинной легенды слова...» *БВ*, 1916, 29.VI — I, 231
- «Как тяжело ходить среди людей...» *РМ*, 1914, № 8/9 — II, 153
- «Как тяжело мертвецу среди людей...» *С*, 1912, № 1 — II, 174
- «Как часто плачем — вы и я...» (Голос из хора) *ЛТА*, 1916, № 1 — II, 223
- «Какая дивная картина...» *РМ*, 1911, № 4 — II, 115
- «Какому богу служишь ты?...» *ВМИ*, 1909, № 1 — I, 145
- «Караван мой бренчит и плетется...» <Из Исаакяна> *ПА* (1916) — II, 337
- Кармен (10 стих.) — II, 224
- «Качаюсь на верхней ветке...» (Летний день в Кангасала) <Из Топелиуса> *СФЛ* (1917) — II, 352

- Клеопатра («Открыт паноптикум печальный...») *Ш IV (1908)* – II, 73
- «Когда в листе сырой и ржавой...» *В, 1907, № 12* – II, 55
- «Когда, вступая в мир огромный...» *Антология (1911)* – II, 114
- «Когда вы стоите на моем пути...» *ЗС (1908)* – II, 76
- «Когда докучливые стоны...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 84
- «Когда же смерть? Я всё перестрадал...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 71
- «Когда замрут отчаянье и злоба...» *ЕЖ, 1914, № 1* – II, 95
- «Когда кончается тетрадь моих стихов...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 74
- «Когда мучительно восстали...» *Вершины, 1915, № 7* – II, 133
- «Когда мы встретились с тобой...» *ЕЖ, 1914, № 4* – II, 165
- «Когда мы любим безотчетно...» *СС I (1911)* – I, 67
- «Когда невзначай в воскресенье...» *Э I (1918)* – II, 218
- «Когда осилила тревога...» *ВВОПС, 1919, № 6/7* – II, 221
- «Когда под заступом холодным...» (На смерть младенца) *РМ, 1910, № 2* – II, 112
- «Когда с безжалостным страданьем...» *СС I (1911)* – I, 87
- «Когда святого забвения...» *НП, 1903, № 3* – I, 212
- «Когда страшиться смерти скорой...» (Сиенский собор) *СС III (1912)* – II, 127
- «Когда-то гордый и надменный...» *БВ, 1906, 6.III* – II, 156
- «Когда-то долгие печали...» *ЕЖ, 1918, № 4/6* – I, 158
- «Когда толпа вокруг кумирам рукоплещет...» *СС I (1911)* – I, 68
- «Когда торжественно тщеславный кесарь Рима...» (Сочувственное послание Сарре, графине Джерсей...) <Из Байрона> *Б (1906)* – I, 458
- «Когда я вспоминал о прошлом, о забытом...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 58
- «Когда я вышел – были зори...» *СС I (1911)* – I, 234
- «Когда я одинок и погружен в молчанье...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 128
- «Когда я презревал впервые...» *Искорки, 1910, № 25* – II, 113
- «Когда я создавал героя...» *ТЖ, 1909, № 1* – II, 57
- «Когда я стал дряхлеть и стынуть...» *НЖ, 1906, 11.III* – I, 281
- «Когда я уйду на покой от времен...» *СПД (1905)* – I, 295
- Колыбельная песня («Спят луга, спят леса...») *Т, 1906, № 11* – I, 330
- «Кольцо существования тесно...» *РМ, 1914, № 8/9* – II, 131
- Комета («Ты нам грозишь последним часом...») *Гамаюн (1911)* – II, 160

- «Кому назначен темный жребий...» (Усталость) ЦО (1907) – II, 32
- «Кончил учитель урок...» (Учитель) КВ, 1908, 4.I – I, 385
- Корабли идут («О, светоносные стебли морей, маяки!...») П, 1906, № 2 – I, 432
- Корабли пришли («Океан дремал зеркальный...») ЛПН, 1907, № 2 – I, 433
- Королевна («Не было и нет во всей подлунной...») БВ, 1915, 4.I – II, 232
- «Королевна жила на высокой горе...» (Влюбленность) ЗР, 1906, № 1 – I, 352
- Коршун («Черта за кругом плавный круг...») РС, 1916, 10.IV – II, 249
- «Косы Мэри распущены...» И (1909) – II, 91
- Кошмар («Я проснулся внезапно в ночной тишине...») СС I (1911) – I, 80
- «Красавица рыбачка...» <Из Гейне> СЖ, 1910, № 8 – II, 329
- «„Красота страшна“ – Вам скажут...» (Анне Ахматовой) ЛТА, 1914, № 1 – II, 204
- «Кругом далекая равнина...» ЛПН, 1909, № 2 – I, 157
- «Крыльцо Ее словно паперть...» ВЖ, 1905, № 6 – I, 296
- Крылья («Крылья легкие раскину...») СМ (1907) – II, 14
- «Кто заметил огненные знаки...» НС (1926) – I, 276
- «Кто плачет здесь? На мирные ступени...» РМ, 1912, 5.XII – I, 202
- «Кто-то вздохнул у могилы...» Театр, 1912, 25.XII – I, 201
- «Кто-то с богом шепчется...» ЗР, 1908, № 1 – I, 192
- «Кто-то шепчет и смеется...» НС, 1909, № 5 – I, 140
- «Курятся алтари, дымят паникадила...» Русь, 1907, 30.IV – I, 112
- L'amitié est l'amour sans ailes («К чему скорбеть больной душою...») <Из Байрона> Б (1906) – I, 452
- «Лазурью бледной месяц плыл...» НР (1907) – I, 383
- Лебедь («Июньский вечер в облаках...») <Из И.-Л. Рунеберга> СФЛ (1917) – II, 348
- Легенда («Господь, ты слышишь? Господь, простишь ли?...») Ш II (1907) – I, 345
- «Лежат холодные туманы...» (Ночь на Новый год) ЖДВ, 1904, № 1 – I, 178
- «Лениво и тяжело плывут облака...» РС, 1916, 10.IV – I, 91
- «Леса вдаль виднее...» (На лугу) КГ (1913) – II, 184
- Летний вечер («Последние лучи заката...») Творчество II (1917) – I, 59

- Летний день в Кангасала («Качаюсь на верхней ветке...»)
 <Из Топелиуса> *СФЛ* (1917) — II, 352
- «Летун отпущен на свободу...» (Авиатор) *З*, 1912, № 1 — II, 171
- «Ловлю дрожащие, хладеющие руки...» *УР*, 1915, 25.XII — I, 202
- «Ловлю я тонкий прах надежды...» *РМ*, 1914, № 10 — I, 166
- «Ловя мгновенья сумрачной печали...» *Сегодня*, 1922, № 1 — I, 49
- «Лошадь влекли под уздцы на чугунный...» (Статуя) *Г* (1905) — I, 304
- «Луна взошла. На вздох родимый...» (Заклинание) *Сирена*, 1919, № 4/5 — I, 286
- «Луна проснулась. Город шумный...» *СС I* (1911) — I, 59
- «Любви и светлой, и туманной...» (Две любви) *ЕЖ*, 1917, № 2/4 — I, 124
- «Любил я нежные слова...» *ЗР*, 1908, № 1 — I, 242
- «Люблю высокие соборы...» *СС I* (1911) — I, 205
- «Люблю тебя, Ангел-Хранитель во мгле...» (Ангел-Хранитель) *ТП*, 1907, № 6 — I, 396
- Любовь и смерть («Я на тебя взирав, когда наш враг шел мимо...») <Из Байрона> *Б* (1906) — I, 456
- «Любопытство напрасно глазело...» *ВМИ*, 1909, № 2/3 — I, 257
- Люсьетта («Люсьетта, голубка...») <Из Байрона> *Б* (1906) — I, 455
- «Маг, простерт над миром брений...» (Ночь) *С*, 1906, 12.VI — I, 334
- Madonna da Settignano («Встретив на горном тебя перевале...») *НЧ* (1911) — II, 126
- «Май жестокий с белыми ночами!..» *ЗР*, 1908, № 11/12 — II, 83
- «Маленькому зайчику...» (Зайчик) *Т*, 1907, № 10 — I, 387
- «Мальчики да девочки...» (Вербочки) *Т*, 1906, № 6 — I, 384
- Марш мертвецов («Упорной колонной мы строимся там...») <Из Н. Рунеберга> *Л*, 1916, № 2 — II, 349
- Маски (14 стих.) — II, 22
- «Медленно в двери церковные...» *С*, 1908, 18.V — I, 166
- «Медленно, тяжело и верно...» *Русь*, 1907, 16.IV — I, 119
- «Медлительной чредой нисходит день осенний...» *СС I* (1911) — I, 88
- «Между страданиями земными...» *СС I* (1911) — I, 67
- «Меня пытали в старой вере...» *КГ*, 1925, 18.XI — II, 71

- «Места родимые! Здесь ветви вздохов полны...» (Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу) <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 454
- «Мечтать о небесном царстве...» (Земля есмь) <Из Тегенгрена> *СФЛ* (1917) – II, 353
- «Милая дева, зачем тебе знать, что жизнь нам готовит?..» (Вольное переложение оды Горация к Левконею) <Из Горация> *ЗЦ* (1915) – I, 447
- «Милая девушка, что ты колдуешь...» *БВ*, 1916, 24.I – II, 246
- «Миллионы – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы...» (Скифы) *ЗТ*, 1918, 20(7).II – II, 253
- «Милый брат! Завечерело...» *Корабли* (1907) – I, 381
- «Милый друг, и в этом тихом доме...» *РМ*, 1915, № 2 – II, 194
- «Милый друг! Ты юною душою...» *СС I* (1911) – I, 65
- «Миновали случайные дни...» (Ночная Фиалка) *НР* (1907) – I, 436
- «Миры летят. Годы летят. Пустая...» *РМ*, 1913, 10.II – II, 181
- Митинг («Он говорил умно и резко...») *НР* (1907) – I, 371
- Млечный Путь («Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна...») <Из Топелиуса> *СФЛ* (1917) – II, 350
- «Мне битва сердце веселит...» *СУ*, 1907, 13.X – I, 172
- «Мне гадалка с морщинистым ликом...» *СПД* (1905) – I, 301
- «Мне грезится: вечер мирен и тих...» <Из Исаакяна> *ПА* (1916) – II, 333
- «Мне снилась смерть любимого создания...» *СС I* (1911) – I, 56
- «Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене...» *СС I* (1911) – I, 61
- «Мне снились веселые думы...» *ЖДВ*, 1904, № 5 – I, 271
- «Мне страшно с Тобой встречаться...» *Г* (1904) – I, 247
- «Многое замолкло. Многие ушли...» *К* (1908) – I, 284
- Моей матери (2 стих.) <Из Исаакяна> – II, 333
- Моей матери («Друг, посмотри, как в равнине небесной...») *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 51
- Моей матери («Помнишь думы? Они улетели...») *ВЖ*, 1905, № 6 – I, 335
- Моей матери («Спустилась мгла, туманами чревата...») *СС I* (1911) – I, 84
- Моей матери («Тихо. И будет всё тише...») *НР* (1907) – I, 360
- Моей матери («Чем больней душе мятежной...») *ЛХС* (1903) – I, 135
- «Мой бедный, мой далекий друг!...» *РМ* 1913, № 4 – II, 190

- «Мой вечер близок и безволен...» *СПД (1905)* – I, 198
- «Мой любимый, мой князь, мой жених...» *СПД (1905)* – I, 314
- «Мой месяц в царственном зените...» *СПД (1905)* – I, 292
- «Мой милый, будь смелым...» *НЖДВ, 1909, № 4* – II, 108
- «Мой монастырь, где я томлюсь безбожно...» *СС I (1911)* – I, 118
- «Мой остров чудесный...» *Ч, 1907, 25.XII* – I, 278
- «Мой путь страстями затемнен...» *БВ, 1916, 3.I* – I, 133
- «Молитву тайную твори...» *РМ, 1913, 14.IV* – I, 144
- Молитвы (5 стих.) – I, 315
- «Молчи, как встарь, скрывая свет...» *ЛПН, 1909, № 6* – I, 174
- «Моя душа в смятении страха...» *Ч, 1907, 16.XI* – I, 225
- «Моя сказка никем не разгадана...» *ВМН, 1907, № 17/18* – I, 279
- «Мрак. Один я. Тревожит мой слух тишина...» *ОС (1923)* – I, 56
- «Муза в уборе весны постучалась к поэту...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 49
- «Мчит меня мертвая сила...» *БВ, 1915, 3.V* – I, 160
- «Мы были вместе, помню я...» *Творчество, 1919, № 5/6* – I, 69
- «Мы вместе ждали смерти или сна...» (На смерть деда) *НС, 1910, № 6* – I, 217
- «Мы все уйдем за грань могил...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 95
- «Мы всё простим – и не нарушим...» *СС I (1911)* – I, 192
- «Мы встретились с тобою в храме...» (Холодный день) *О, 1908, № 3* – I, 400
- «Мы встречались с тобой на закате...» *НП, 1904, № 6* – I, 210
- «Мы всюду. Мы нигде. Идем...» *ЗР, 1908, № 1* – I, 256
- «Мы выйдем в сад с тобою, скромной...» (Иванова ночь) *НР (1907)* – I, 388
- «Мы, два старца, бредем одинокие...» *БВ, 1910, 3.X* – I, 178
- «Мы живем в старинной келье...» *Русь, 1907, 13.III* – I, 191
- «Мы забыты, одни на земле...» *РМ, 1915, № 2* – II, 192
- «Мы ли – пляшущие тени?...» (Смятение) *СМ (1907)* – II, 29
- «Мы не торопимся заране...» *ЕЖ, 1918, № 1* – I, 97
- «Мы отошли и стали у кормила...» *К (1908)* – I, 206
- «Мы отошли – и тяжело поднимали...» *ЗР, 1908, № 1* – I, 261
- «Мы подошли – и воды синие...» *С, 1906, 20.II* – I, 383
- «Мы преклонились у завета...» *СПД (1905)* – I, 184
- «Мы проснулись в полном забвении...» *К (1908)* – I, 253
- «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...» *Ш X (1909)* – II, 85

- «Мы странствовали с Ним по городам...» *СЗ*, 1913, № 4 – I, 195
- «Мы – чернецы, бредущие во мгле...» *ЛПН*, 1908, № 8 – I, 232
- «Мы шли заветною тропею...» *БВ*, 1915, 5.VII – I, 197
- «Мы шли на Лидо в час рассвета...» *ВЖ*, 1905, № 6 – I, 301
- «Мысли мои утопают в бессилии...» *БВ*, 1916, 10.IV – I, 246
- Мэри (3 стих.) – II, 90
- «На Вас было черное закрытое платье...» *ЛПН*, 1908, № 2 – I, 279
- «На весенней проталинке...» (Болотный попик) *В*, 1906, № 5 – I, 349
- «На весеннем пути в теремок...» *В*, 1906, № 5 – I, 350
- «На весенний праздник света...» *ТП*, 1907, № 3 – I, 188
- На вечере в честь Л. Толстого («В толпе, родной по вдохновенью...») *Вершины*, 1915, № 12 – I, 61
- «На глядах бесконечных вод...» (Гамаюн, птица вещая) *КВ*, 1908, 27.IV – I, 68
- «На дальнем горизонте...» <Из Гейне> *Прогресс* (1911) – II, 330
- На железной дороге («Под насыпью, во рву некошенном...») *Новая жизнь*, 1911, № 3 – II, 154
- На зов метелей («Белоснежной не было зим...») *СМ* (1907) – II, 13
- На лугу («Леса вдали виднее...») *КГ* (1913) – II, 184
- На могиле друга («Удалены от мира на кладбище...») *СС I* (1911) – I, 184
- «На небе зарево. Глухая ночь мертва...» *СС I* (1911) – I, 102
- «На небе – празелень, и месяца осколок...» *ДП*, 1914, № 2 – II, 224
- «На обряд я спешил погребальный...» *С*, 1909, 26.V – I, 260
- На островах («Вновь оснеженные колонны...») *АДВ*, II (1911) – II, 145
- На Пасхе («В сапогах бутылками...») *Цеслица I* (1915) – II, 151
- «На перекрестке...» *НР* (1907) – I, 317
- На поле Куликовом (5 стих.) – II, 84
- «На разукрашенную елку...» (Сусальный ангел) *З*, 1912, № 2 – II, 146
- «На ржавых петлях открываю ставни...» *СС I* (1911) – I, 216
- На рождение Джона Вильяма Риццо Гопнера («Пусть прелесть матери с умом отца...») <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 457
- «На серые камни ложилась дремота...» *Проталина* (1907) – I, 420

- На смерть деда («Мы вместе ждали смерти или сна...») *НС*, 1910, № 6 – I, 217
- На смерть Коммиссаржевской («Пришла порою полуночной...») *ЕИТ*, 1910, № 2 – II, 149
- На смерть младенца («Когда под заступом холодным...») *РМ*, 1910, № 2 – II, 112
- На снежном костре («И взвился костер высокий...») *СМ* (1907) – II, 31
- На страже («Я – непокорный и свободный...») *СМ* (1907) – II, 10
- «На темном пороге тайком...» *Р*, 1908, 3.VII – I, 199
- «На улице – дождик и слякоть...» *РС*, 1916, 10.IV – II, 247
- На чердаке («Что на свете выше...») *О*, 1907, № 7 – I, 421
- «Навстречу вешнему расцвету...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 137
- «Над лучшим созданием божьим...» *ГЖ*, 1914, № 1 – II, 214
- Над озером («С вечерним озером я разговор веду...») *Ф III* (1908) – II, 47
- «Над синевой просторной дали...» *С*, 1908, 1.VI – I, 131
- «Над старым мраком мировым...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 63
- «Над черной слякотью дороги...» (Балаган) *О*, 1907, № 3 – I, 415
- «Над этой осенью – во всем...» *Юность*, 1907, № 2 – I, 289
- Накануне XX века («Влачим мы дни свои уныло...») *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 79
- Накануне Иванова дня... («Накануне Иванова дня...») *НС* (1926) – I, 73
- «Напрасно, дева, ты бежала...» *ЕЖ*, 1918, № 1 – I, 95.
- «Напрасно я боролся с богом...» *С*, 1914, № 10 – I, 113
- «Нас море примчало к земле одичалой...» (Голос в тучах) *ТП*, 1907, № 3 – I, 431
- «Нас старость грустная настигнет без труда...» *НС* (1926) – I, 153
- Насмешница («Подвела мне брови красным...») *СМ* (1907) – II, 26
- Настигнутый метелью («Вьюга пела...») *СМ* (1907) – II, 11
- «Наступает пора небывата...» *БВ*, 1914, 25.XII – I, 155
- «Натянулись гитарные струны...» *Отечество*, 1915, № 14 – II, 205
- Наш край («Наш край, наш край, наш край родной...») (Из И.-Л. Рунеберга) *СФЛ* (1917) – II, 346
- «Не бойся умереть в пути...» *РМ*, 1913, 14.IV – I, 218
- «Не было и нет во всей подлунной...» (Королевна) *БВ*, 1915, 4.I – II, 232

- «Не в земной темнице душевной...» (Ее песни) *СМ* (1907) – II, 13
- «Не венчал мою голову траурный лавр...» *Искорки*, 1910, № 1/2 – II, 108
- «Не глядись в черный взор...» <Из Исаакяна> *ПА* (1916) – II, 339
- «Не доверяй своих дорог...» *Д*, 1914, 6.IV – I, 105
- «Не жаль мне дней ни радостных, ни знойных...» *РМ*, 1914, № 10 – I, 152
- «Не жди последнего ответа...» *С*, 1914, № 10 – I, 151
- «Не затем величал я себя паладином...» *НЖДВ*, 1909, № 8 – II, 106
- «Не знаю, что значит такое...» <Из Гейне> *Gaudeamus*, 1911, № 2 – II, 327
- «Не легли еще тени вечерние...» *СС I* (1911) – I, 82
- «Не лукавь же, себе признаваясь...» (Испанке) *СЗ*, 1914, № 3 – II, 187
- «Не мани меня ты, воля...» *О*, 1908, № 3 – I, 363
- «Не могу тебя не звать...» *УР*, 1915, 25.XII – II, 102
- Не надо («Не надо кораблей из дали...») *СМ* (1907) – II, 15
- «Не нарушай гармонии моей...» *М*, 1918, № 1 – I, 124
- «Не отравляй души своей...» *Вершины*, 1914, № 6 – I, 117
- «Не пой ты мне и сладостно, и нежно...» *СС I* (1911) – I, 152
- «Не поймут бескорбные люди...» *СПД* (1905) – I, 189
- «Не призывай. И без призыва...» *Servus – Reginae НС*, 1909, № 9 – I, 83
- «Не призывай и не сули...» *КВ*, 1908, 18.VI – I, 101
- Не пришел на свиданье («Поздним вечером ждала...») *ЗС* (1908) – II, 78
- «Не проливай горячих слез...» *СС I* (1911) – I, 72
- «Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...» *КВ*, 1910, 18.IV – I, 144
- «Не спят, не помнят, не торгуют...» *НЧ* (1911) – II, 113
- Не страшусь («Не страшусь, пускай могила...») <Из Онервы> *Л*, 1916, № 2 – II, 346
- «Не строй жилищ у речных излучин...» *НР* (1907) – I, 355
- «Не ты ли душу оживишь?» (Неведомому богу) *СС I* (1911) – I, 82
- «Не ты ль в моих мечтах, певучая, прошла...» *Г* (1913) – I, 149
- «Не утоленная кровавыми струями...» *БВ*, 1915, 25.I – I, 109
- «Небесное умом не измеримо...» *СС I* (1911) – I, 141
- Неведомому богу («Не ты ли душу оживишь?..») *СС I* (1911) – I, 82

- Невидимка («Веселье в ночном кабаке...») *БН* (1907) – I, 348
- «Недосказанной речи тревогу...» *Том IV* (1932) – I, 171
- «Нежный! У ласковой речки...» *С*, 1906, 6.II – I, 332
- Незнакомка («По вечерам, над ресторанами...») *НР* (1907) – I, 391
- Неизбежное («Тихо вывела из комнат...») *СМ* (1907) – II, 28
- «Немало времени прошло уже с тех пор...» *ОС* (1923) – I, 62
- Ненужная весна (3 стих.) – II, 33
- Неоконченная поэма («Я видел огненные знаки...») *Х* (1906) – I, 427
- «Неотвязный стоит на дороге...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 173
- «Неправда, неправда, я в бурю влюблен...» *Лебедь*, 1909, № 1 – I, 282
- «Нет имени тебе, мой дальний...» *ЗР*, 1907, № 2 – I, 404
- Нет исхода («Нет исхода из व्यог...») *СМ* (1907) – II, 30
- «Нет исхода व्यогам певучим...» (Голоса) *СМ* (1907) – II, 20
- «Нет исхода из व्यог...» (Нет исхода) *СМ* (1907) – II, 30
- «Нет конца лесным тропинкам...» *НС*, 1909, № 6 – I, 159
- «Нет ни слезы, ни дерзновенья...» *БВ*, 1916, 14.II – I, 126
- «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...» *ЛТА*, 1914, № 4/5 – II, 229
- «Нет, я не отходил. Я только тайны ждал...» *ВМИ*, 1907, № 22/23 – I, 274
- «Никогда не забуду (он был, или не был...)» (В ресторане) *РМ*, 1910, № 11 – II, 152
- «Никто не скажет: я безумен...» (Инок) *Земля I* (1908) – II, 71
- «Никто не умирал. Никто не кончил жить...» *Проталина* (1907) – I, 271
- «Но в камине дозвенели...» (В углу дивана) *СМ* (1907) – II, 25
- «Но прощай, о, прощай, человеческий род!..» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 183
- Новая Америка («Праздник радостный, праздник великий...») *РС*, 1913, 25.XII – II, 198
- «Новый блеск излило небо...» *БВ*, 1915, 22.III – I, 107
- Noli tangere circulos meos* («Символ мой знаком отметить...») *ВМИ*, 1909, № 1 – I, 272
- Ночная («Спи. Да будет твой сон спокоен...») *СПД* (1905) – I, 317
- Ночная («Тебе, Чей Сумрак был так ярок...») *БН* (1907) – I, 316

- Ночная Фиалка («Миновали случайные дни...») *НР* (1907) – I, 436
- «Ночной туман застал меня в дороге...» *Творчество I* (1917) – I, 66
- Ночь («Маг, простерт над миром бранный...») *С*, 1906, 12.VI – I, 334
- «Ночь. Город утомился...» *ЗС* (1908) – I, 406
- «Ночь грозой бушевала, и молний огни...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 112
- «Ночь – как века, и томный трепет...» *ГЖ*, 1914, № 1 – II, 212
- «Ночь – как ночь, и улица пустынна...» *Р*, 1909, 29.III – II, 99
- Ночь на Новый год («Лежат холодные туманы...») *ЖДВ*, 1904, № 1 – I, 178
- «Ночь теплая одела острова...» *М*, 1919, № 2 – I, 92
- «Ночь, улица, фонарь, аптека...» *РМ*, 1914, № 3 – II, 175
- «Ночью в саду у меня...» <Из Исаакяна> *Л*, 1916, № 1 – II, 340
- «Ночью вьюга снежная...» *СС I* (1911) – I, 170
- «Ночью сумрачной и дикой...» *Г* (1904) – I, 137
- «Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...» *РМ*, 1914, № 12 – II, 223
- «Ныне, полный блаженства...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 133
- «О, весна без конца и без краю...» *В*, 1908, № 3 – II, 61
- «О, да, любовь вольна, как птица...» *ЛТА*, 1914, № 4/5 – II, 228
- «О, да, я признаюсь, мы с вами близки были...» (Георгу, графу Делавару) <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 450
- «О, Дева, иду за тобой...» (Деве-Революции) *НС* (1926) – I, 397
- «О доблестях, о подвигах, о славе...» *НЖДВ*, 1910, № 15 – II, 105
- «О жизни, догоревшей в хоре...» *ЗР*, 1907, № 2 – I, 413
- «О, как безумно за окном...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 81
- «О, как смеялись вы над нами...» *РС*, 1915, 22.III – II, 165
- «О легендах, о сказках, о мигах...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 242
- «О легендах, о сказках, о тайнах...» *Р*, 1908, 21.IX – I, 239
- «О, наконец! Былой тревоге...» (Песня за стеной) *НС* (1926) – I, 83
- «О, не просите скорбных песен!..» *Ю*, 1955, № 6 – I, 62
- «О, не тебя люблю глубоко...» *Ж*, 1918, 30.VI – I, 92
- «О, нет! не расколдуешь сердца ты...» *Сирин III* (1914) – II, 203
- «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...» *Новая студия*, 1912, № 1 – II, 211
- «О, презирать я вас не в силах...» *БВ*, 1915, 1.XI – I, 67
- «О, светоносные стебли морей, маяки!..» (Корабли идут) *П*, 1906, № 2 – I, 432
- О смерти («Все чаще я по городу брожу...») *Ф III* (1908) – II, 44

- «О, только б огонь этих глаз целовать...» (Подражание Катуллу) <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 448
- О чем поет ветер (6 стих.) – II, 192
- «О, что мне закатный румянец...» *В*, 1908, № 3 – II, 67
- «О, я хочу безумно жить...» *РС*, 1915, 22.III – II, 214
- «Облака небывалой улады...» *НР* (1907) – I, 298
- «Облит последними лучами...» *Утро*, 1914, 25.XII – I, 103
- Обман («В пустом переулке весенние воды...») *СПД* (1905) – I, 312
- Обреченный («Тайно сердце просит гибели...») *СМ* (1907) – II, 30
- «Один порыв – безвластный и плакучий...» *БВ*, 1910, 14.XI – I, 168
- «Одинокий, к тебе прихожу...» *Г* (1904) – I, 142
- «Одинокий, одичалый...» (Валкирия) *С*, 1908, 3.VIII – I, 126
- Одиночество («Река несла по ветру льдины...») *Сирена*, 1918, № 1 – I, 64
- «Одна мне осталась надежда...» (Окна во двор) *ЗР*, 1907, № 6 – I, 410
- «Однажды в октябрьском тумане...» (Двойник) *БВ*, 1915, 25.X – II, 144
- «Одной тебе, тебе одной...» *ОС* (1923) – I, 45
- Ожидание («Дни текут молчаливо...») *БВ*, 1915, 2.VIII – I, 160
- «Озарен таинственной улыбкой...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 183
- «Окаймлен летучей пеной...» (Рабочие на рейде) *П*, 1906, № 2 – I, 429
- «Океан дремал зеркальный...» (Корабли пришли) *ЛПН*, 1907, № 2 – I, 433
- Окна во двор («Одна мне осталась надежда...») *ЗР*, 1907, № 6 – I, 410
- «Окна ложные на небе черном...» *РМ*, 1914, № 5 – II, 123
- «Окрай небес – звезда омега...» *Вершины*, 1915, № 20 – I, 65
- «Он входил простой и скудный...» *СС I* (1911) – I, 240
- «Он вчера нашептал мне много...» (Песня Офелии) *НП*, 1904, № 11 – I, 252
- «Он говорил умно и резко...» (Митинг) *НР* (1907) – I, 371
- «Он занесен – сей жезл железный...» *Огонек*, 1914, № 52 – II, 240
- «Он спит, пока закат румян...» (Петр) *БН* (1907) – I, 309
- «Он уходил, а там глубоко...» *СС I* (1911) – I, 140
- «Она веселой невестой была...» *ЗР*, 1906, № 4 – I, 353
- «Она ждала и билась в смертной муке...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 261
- «Она, как прежде, захотела...» *ПЖ*, 1908, 1.XII – II, 94
- «Она молода и прекрасна была...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 50

- «Она поет в печной трубе...» (Песенка) *НР* (1907) – I, 345
- «Она пришла из дикой дали...» (Снежная Дева) *В*, 1907, № 12 – II, 58
- «Она пришла с заката...» *О*, 1908, № 2 – II, 72
- «Она пришла с мороза...» *ЗС* (1908) – II, 77
- «Она росла за дальними горами...» *СПД* (1905) – I, 146
- «Она стройна и высока...» *СЦ* (1903) – I, 233
- «Они говорили о ранней весне...» *НА* (1915) – I, 234
- «Они давно меня томили...» (Сытые) *НЖ*, 1905, 23.XI – I, 378
- «Они живут под серой тучей...» *Грех* (1911) – I, 246
- «Они звучат, они ликуют...» *С*, 1914, № 7 – I, 142
- «Они расстались без печали...» *Вершины*, 1914, № 6 – I, 106
- Они читают стихи («Смотри: я спутал все страницы...») *СМ* (1907) – II, 27
- «Опустись, занавеска линиялая...» *БВ*, 1910, 1.VIII – II, 104
- «Опять, как в годы золотые...» (Россия) *НС*, 1910, № 1 – II, 97
- Опять на родине (12 стих.) <Из Гейне> – II, 327
- «Опять над полем Куликовым...» *Ш X* (1909) – II, 88
- «Опять с всковою тоскою...» *Ш X* (1909) – II, 87
- «Опять у этой двери...» *И* (1909) – II, 90
- «Осанна! Ты входишь в терем!..» (7 – 8 ноября 1902 года) *ЗР*, 1908, № 1 – I, 248
- «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...» *СЗ*, 1913, № 11 – II, 188
- Осенний день («Идем по жнивью, не спеша...») *СЛФ* (1910) – II, 107
- Осенняя воля («Выхожу я в путь, открытый взорам...») *Ф I* (1906) – I, 362
- Осенняя любовь (3 стих.) – II, 55
- Осенняя элегия (2 стих.) – I, 88
- «Осень поздняя. Небо открытое...» *НР* (1907) – I, 365
- «Оставь меня в мой далі...» *С*, 1906, 6.III – I, 364
- «От алой розы, розы любви...» <Из Исаакяна> *ПА* (1916) – II, 339
- «От знающего почерк ясный...» *Том IV* (1932) – II, 247
- «От родимой страны удалится...» <Из Исаакяна> *ПА* (1916) – II, 333
- Ответ («Сквозь тонкий пар сомнения...») *ВМИ*, 1909, № 2/3 – I, 291
- «Отворяются двери – там мерцанья...» *СПД* (1905) – I, 272
- «Отдых напрасен. Дорога крута...» *СПД* (1905) – I, 306
- «Отец лежит в «Аллее роз»...» (Возмездие. Третья глава) *ЗМ*, 1921, № 2/3 – II, 302
- «Отзвучала гармония дня...» *НС* (1926) – I, 136

- «Открыл окно. Какая хмурая...» (В октябре) *П*, 1907, № 7–I, 401
- «Открыли дверь мою метели...» (Второе крещение) *СМ* (1907) – II, 10
- «Открыт паноптикум печальный...» (Клеопатра) *Ш IV* (1908) – II, 73
- «Отрекись от любимых творений...» *СС I* (1911) – I, 116
- Отрывок («Бесплодные места, где был я сердцем молод...») <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 450
- «Отсеребрилась; отзвучала...» *ЦО* (1907) – II, 33
- Отшедшим («Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду...») *С*, 1908, 8.VI – I, 264
- «Офелия в цветах, в уборе...» *СЗ*, 1915, № 2 – I, 57
- «Очарованный вечер мой долог...» *Мелод*, 1908, 27.X – I, 282
- Перед грозой («Закат горел в последний раз...») *КА* (1919) – I, 76
- Перед судом («Что же ты потупилась в смущеньи?») *РМ*, 1916, № 1 – II, 244
- «Передвечернюю порою...» *ОН*, 1908, 7.III – I, 399
- «Передо мной – моя дорога...» *Перцов* (1922) – I, 237
- «Перехожу от казни к казни...» *В*, 1908, № 3 – II, 63
- Перстень-Страданье («Шел я по улице, горем убитый...») *НР* (1907) – I, 375
- Перуджия («День полувеселый, полустрадный...») *СС III* (1912) – II, 121
- Песельник («Я – песельник. Я девок вывожу...») *Путь*, 1908, № 2 – II, 43
- Песенка («Она поет в печной трубе...») *НР* (1907) – I, 345
- Песнь Ада («День догорел на сфере той земли...») *Любовь* (1910) – II, 141
- Песнь к сулиотам («Дети Сули! Киньтесь в битву...») <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 457
- Песня за стеной («О, наконец! Былой тревоге...») *НС* (1926) – I, 83
- Песня матросов («Подарило нам море...») *ТП*, 1908, № 1 – I, 431
- Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...») *НП*, 1904, № 11 – I, 252
- Песня Офелии («Разлучаясь с девой милой...») *К* (1908) – I, 66
- «Петербургские сумерки снежные...» *Вершины*, 1914, № 1 – II, 230
- Петр («Он спит, пока закат румян...») *БН* (1907) – I, 309
- «Петроградское небо мутилось дождем...» *РС*, 1914, 21.IX – II, 238

- «Петуха упустила старушка...» (Сказка о петухе и старушке)
НЖ, 1906, № 3/4 – I, 380
- «Плачет ребенок. Под лунным серпом...» *СПД (1905) – I, 302*
- «Племена уходят в могилу...» <Из Гейне> *НЧ (1911) – II, 332*
- Пляски осенние («Волновать меня снова и снова...») *ЗР, 1906, № 6 – I, 367*
- Пляски смерти (5 стих.) – II, 174
- «По берегу плелся больной человек...» *СПД (1905) – I, 304*
- «По вечерам над ресторанами...» (Незнакомка) *НР (1907) – I, 391*
- «По городу бегал черный человек...» *Г (1904) – I, 277*
- «По улицам метель метет...» *В, 1908, № 3 – II, 66*
- Победа («Пою дитя любви, вождя войны кровавой...») <Из Байрона> *Б (1906) – I, 457*
- «Побывала старушка у Троицы...» (Старушка и чертенята)
С, 1906, 2.IV – I, 357
- «Повеселясь на буйном шире...» *З, 1912, № 2 – II, 170*
- Повесть («В окнах, занавешенных сетью мокрой пыли...») *ВЖ, 1905, № 4/5 – I, 342*
- «Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна...» (Млечный Путь) <Из Топелиуса> *СФЛ (1917) – II, 350*
- «Погибло всё. Палящее светило...» *СС I (1911) – I, 106*
- «Поглядите, вот бессильный...» *Солнце России, 1916, № 6 – II, 217*
- «Погружался я в море клевера...» *НП, 1904, № 6 – I, 268*
- «Под алмазным венцом...» <Из Исаакяна> *ПА (1916) – II, 336*
- «Под величавые раскаты...» (После грозы) *БВ, 1915, 28.VI – I, 101*
- «Под ветром холодные плечи...» *В, 1907, № 12 – II, 56*
- «Под вечер лет с немым вниманьем...» *ПК, 1913, 25.XII – I, 111*
- «Под зноем флорентийской лени...» *РМ, 1914, № 5 – II, 124*
- Под масками («А под маской было звездно...») *СМ (1907) – II, 22*
- «Под насыпью, во рву нескошенном...» (На железной дороге)
Новая жизнь, 1911, № 3 – II, 154
- «Под старость лет, забыв святое...» (Старик) *НП, 1903, № 3 – I, 235*
- «Под шум и звон однообразный...» *НЖДВ, 1909, № 12 – II, 109*
- «Подарило нам море...» (Песня матросов) *ТП, 1908, № 1 – I, 431*
- «Подвела мне брови красным...» (Насмешница) *СМ (1907) – II, 26*
- «Поднимались из тьмы погребов...» *НР (1907) – I, 328*
- Подражание Катуллу («О, только б огонь этих глаз целовать...») <Из Байрона> *Б (1906) – I, 448*

- Подражание Тибуллу («Серинф жестокий! Ты ль неверным
сердцем рад...») <Из Байрона> Б (1906) – I, 448
- Поединок («Дни и ночи я безволен...») БН (1907) – I, 310
- «Поет, краснея, медь. Над горном...» ВМН, 1908, № 1 – I, 326
- «Поет, поет...» РМ, 1915, № 2 – II, 193
- Пожар («Понеслись, блеснули в очи...») Жизнь (1908) – I, 418
- «Позволь и мне сгорать душою...» (Артистке) Сирена, 1918,
№ 2/3 – I, 115
- «Поздней осенью из гавани...» Новая жизнь, 1910, № 1 – II, 145
- «Поздним вечером ждала...» (Не пришел на свиданье) ЗС
(1908) – II, 78
- «Поздно. В окошко закрытое...» НС (1926) – I, 213
- «Пойми же, я спутал, я спутал...» В, 1908, № 3 – II, 64
- «Пока спокойною стопою...» СС I (1911) – I, 85
- «Поклонник эллинов – я лиру забывал...» СС I (1911) – I, 114
- «Покойник спать ложится...» Остров, 1909, № 2 – II, 110
- «Покраснели и гаснут ступени...» СПД (1905) – I, 260
- «Полна усталого томленья...» Д, 1914, 6.IV – I, 103
- «Полный месяц встал над лугом...» Т, 1908, № 11 – I, 49
- «Полюби эту вечность болот...» С, 1906, 26.VI – I, 354
- «Помнишь думы? Они улетели...» (Моей матери) ВЖ, 1905,
№ 6 – I, 335
- «Помнишь ли город тревожный...» СС I (1911) – I, 80
- «Понеслись, блеснули в очи...» (Пожар) Жизнь (1908) – I, 418
- «Пора вернуться к прежней битве...» СС I (1911) – I, 115
- «Пора забыться полным счастья сном...» ОС (1923) – I, 48
- «Порою в воздухе, согретом...» (Аметист) СС I (1911) – I, 111
- «Порою вновь к твоим ногам...» Утро, 1914, 25.XII – I, 109
- Посвящается Мэрион («Что ты, Мэрион, так грустна?...»)
<Из Байрона> Б (1906) – I, 448
- Посвящение («Встали надежды пророка...») НС (1926) – I,
161
- Посещение («То не ели, не тонкие ели...») Антология (1911) –
II, 160
- После битвы («Я возвращусь стопой тяжелой...») БВ, 1915,
18.I – I, 123
- После грозы («Под величавые раскаты...») БВ, 1915, 28.VI –
I, 101
- После дождя («Сирени бледные дождем к земле прибиты...»)
Творчество II (1917) – I, 71
- Последнее напутствие («Боль проходит понемногу...») БВ,
1914, 26.X – II, 230
- «Последние лучи заката...» (Летний вечер) Творчество II (1917) –
I, 59

- Последний день («Ранним утром, когда люди ленились шевелиться...») *П*, 1907, № 7 — I, 308
- «Последний пурпур догорал...» *ЗР*, 1908, № 1 — I, 108
- Последний путь («В снежной пене — предзакатная...») *СМ* (1907) — II, 9
- Последняя часть философской поэмы («Ты, о, Афина бессмертная...») «*Красная газета*» (веч. выпуск) 1926, 6.VIII — I, 122
- «— Посмотри, подруга, эльф твой...» (Бледные сказанья) *СМ* (1907) — II, 23
- «Потемнели, поблекли залы...» *НП*, 1904, № 6 — I, 266
- «Потеха! Рокочет труба...» *НР* (1907) — I, 356
- «Похоронят, зароят глубоко...» *Солнце России*, 1916, № 4 — II, 246
- «Почиет в мире Теодорих...» *РМ*, 1914, № 5 — II, 118
- Поэма философская (4 стих.) — I, 121
- Поэт («Сидят у окошка с папой...») *НЖ*, 1906, № 9 — I, 359
- «Поэт в изгнании и в сомненьи...» *ЗМ*, 1919, № 1 — I, 94
- Поэты («За городом вырос пустынный квартал...») *КЗ*, 1909, № 5 — II, 92
- «Пою дитя любви, вождя войны кровавой...» (Победа) <Из Байрона> *Б* (1906) — I, 457
- «Праздник радостный, праздник великий...» (Новая Америка) *РС*, 1913, 25.XII — II, 198
- «Превратила всё в шутку сначала...» *БВ*, 1916, 24.VII — II, 248
- «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо...» *НП*, 1903, № 3 — I, 142
- Преображение («Разверзаются туманы...») *РМ*, 1914, № 10 — I, 153
- «При жолтом свете веселились...» *ВМII*, 1909, № 1 — I, 239
- При посылке роз («Смотрел отвеса бог лукавый...») *Эхо*, 1918, 21.V — I, 176
- «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» *РМ*, 1913, № 4 — II, 180
- «Приветный Лель, не жду рассвета...» *ЗМ*, 1919, № 1 — I, 89
- «Придут незаметные белые ночи...» *ЦО* (1907) — II, 34
- «Прижмись ко мне крепче и ближе...» (Демон) *РМ*, 1910, № 11 — II, 152
- «Признак истинного чуда...» *СС I* (1911) — I, 153
- «Прискакала дикой степью...» *НР* (1907) — I, 376
- «Прислушайся к земле в родных полях...» (Смерть) *НС* (1926) — I, 110
- «Пристал ко мне нищий дурак...» *ГЖ*, 1915, № 16 — II, 219
- «Пристань безмолвна. Земля близка...» *О*, 1908, № 1 — I, 286

- «Пришла порою полуночной...» (На смерть Коммиссаржевской) *СЛФ (1910)* – II, 149
- «Приявший мир, как звонкий дар...» *В, 1908, № 3* – II, 62
- «Пробивалась певучим потоком...» *Р, 1908, 10.II* – I, 217
- «Прозрачные, неведомые тени...» *РМ, 1914, № 10* – I, 148
- «Пройдет зима – увидишь ты...» *БВ, 1911, 13.II* – I, 162
- Проклятый колокол («Вёсны и зимы меняли убранство...») *Русь, 1907, 18.VI* – I, 413
- «Пророк земли – венец творенья...» *НС (1926)* – I, 104
- «Прости. Я холодность заметил...» *РМ, 1914, № 10* – I, 226
- «Просыпаюсь я – и в поле туманно...» *СПД (1905)* – I, 278
- «Протекли за годами года...» *ЕЖ, 1918, № 1* – II, 243
- «Протянуты поздние нити минут...» *Р, 1907, 25.XII* – I, 305
- «Проходят сны и женственные тени...» *НС (1926)* – I, 212
- Прочь! («И опять открыли солнца...») *СМ (1907)* – II, 17
- «Прошедших дней немеркнущим сияньем...» *ЗР, 1908, № 1* – I, 100
- «Прошли года, но ты – всё та же...» *ТП, 1907, № 12* – I, 395
- «Пустая улица. Один огонь в окне...» *РМ, 1914, № 3* – II, 175
- «Пусть прелесть матери с умом отца...» (На рождение Джона Вильяма Ричцо Гопнера) <Из Байрона> *Б (1906)* – I, 457
- «Пусть рассвет глядит нам в очи...» *ОС (1923)* – I, 48
- «Пусть светит месяц – ночь темна...» *СС I (1911)* – I, 45
- «Пусть это время далекó...» (Антверпен) *Д, 1914, 21.X* – II, 239
- «Пусть я и жил, не любя...» *БВ, 1916, 1.I* – II, 244
- «Пусть я покину этот град...» *ЗГПД, 1920* – I, 100
- «Путник, ропщи...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 60
- Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...») *ДП, 1921, № 2* – II, 261
- «Пытался сердцем отдохнуть я...» *СЦ (1903)* – I, 226
- «Пять изгибов сокровенных...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 136
- «Работай, работай, работай...» *В, 1908, № 3* – II, 70
- Рабочая песня («Рабочие-друзи, наш радостен труд...») <Из Топелиуса> *Л, 1916, № 2* – II, 350
- Рабочие на рейде («Окаймлен летучей пеной...») *П, 1906, № 2* – I, 429
- Равенна («Всё, что минутно, всё, что бrenно...») *А, 1910, № 4* – II, 117
- «Разверзаются туманы...» (Преображение) *РМ, 1914, № 10* – I, 153
- «Разверзлось утреннее око...» *ЗМ, 1919, № 1* – I, 93
- «Разгадал я, какие цветы...» *НГ, 1908, 16.III* – I, 267

- «Разгораются тайные знаки...» *СЗ*, 1913, № 4 – I, 247
- «Разлетаясь по всему небосклону...» *БВ*, 1914, 28.XII – II, 241
- «Разлучалась с девой милой...» (Песня Офелии) *К* (1908) – I, 66
- «Ранний час. В пути незрима...» *ЛХС* (1903) – I, 163
- «Ранным утром, когда люди ленились шевелиться...» (Последний день) *П*, 1907, № 7 – I, 308
- «Распушилась, раскачнулась...» *БВ*, 1915, 12.IV – II, 241
- Рассвет («Тихо рассыпалась в небе ракета...») *О*, 1907, № 11 – I, 434
- Рассвет («Я встал и трижды поднял руки...») *Русь*, 1907, 16.VIII – I, 297
- «Река несла по ветру льдины...» (Одиночество) *Сирена*, 1918, № 1 – I, 64
- «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» *Ш X* (1909) – II, 84
- Реквием («Сон мой храните, возницы!..») <Из Плудониса> *СЛЛ* (1917) – II, 342
- Religio* (2 стих.) – I, 242
- «Ризу накрест обвязав...» (Сочельник в лесу) *Огоньки* (1912) – II, 185
- «Рожденные в года глухие...» *А*, 1914, № 10 – II, 239
- Рождество («Звонким колокол ударом...») *Т*, 1907, № 1 – I, 411
- Россия («Опять, как в годы золотые...») *БВ*, 1910, 17.I – II, 97
- Русский бред («Зачинайся, русский бред...») *НС* (1926) – II, 257
- Русь («Ты и во сне необычайна...») *ЗР*, 1907, № 6 – I, 397
- «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..» *НЧ* (1911) – II, 156
- «С вечерним озером я разговор веду...» (Над озером) *Ф III* (1908) – II, 47
- «С детских лет – видения и грезы...» (Благовещение) *А*, 1910, № 4 – II, 129
- «С каждой весной пути мои круче...» *БН* (1907) – II, 39
- «С мирным счастьем покончены счеы...» *ГЖ*, 1915, № 5 – II, 148
- «С ней уходил я в море...» *РМ*, 1914, № 5 – II, 119
- «Сама судьба мне завещала...» *СС I* (1911) – I, 70
- «Сбежал с горы и замер в чаще...» *Г* (1904) – I, 220
- «Сбылось пророчество мое...» *СС I* (1911) – I, 135
- «Сверкни, последняя игла...» (Сердце предано метели) *СМ* (1907) – II, 31

- «Свет в окошке шатался...» *Г* (1904) – I, 223
- «Светлый сон, ты не обманешь...» *СПД* (1905) – I, 311
- «Свирель запела на мосту...» *ЗР*, 1908, № 11/12 – II, 81
- «Свобода смотрит в синеву...» *СПД* (1905) – I, 241
- «Свободны дали. Небо открыто...» *НС* (1926) – I, 379
- «Своими горькими слезами...» *Прибой I* (1909) – II, 100
- «Сгустился мрак церковного порога...» *РМ*, 1912, 25.XII – I, 181
- «Сегодня в ночь одной тропею...» *СС I* (1911) – I, 93
- «Сегодня ты на тройке звонкой...» *РМ*, 1910, № 11 – II, 157
- «Сегодня шла Ты одиноко...» *СЖ*, 1910, № 2 – I, 146
- Седое утро («Утреет. С богом! По домам!...») *Сирин III* (1914) – II, 197
- «Седые сумерки легли...» *ГЖ*, 1915, № 5 – II, 148
- 7 – 8 ноября 1902 года («Осанна! Тыходишь в терем!...») *ЗР*, 1908, № 1 – I, 248
- Servus – Reginae* («Не призывай. И без призыва...») *НС*, 1909, № 9 – I, 83
- «Сердито волновались нивы...» *С*, 1908, 27.VII – I, 283
- «Сердитый взор бесцветных глаз...» *ЛТА*, 1914, № 4/5 – II, 226
- Сердце предано метели («Сверкни, последняя игла...») *СМ* (1907) – II, 31
- «Сердце, слышишь...» (Тревога) *СМ* (1907) – II, 16
- «Серинф жестокий! Ты ль неверным сердцем рад...» (Подражание Тибуллу) <Из Байрона> *Б* (1906) – I, 448
- «Сидят у окошка с папой...» (Поэт) *НЖ*, 1906, № 9 – I, 359
- Сиена («В лоне площади пологой...») *РМ*, 1914, № 5 – II, 126
- Сиенский собор («Когда страшишься смерти скорой...») *СС III* (1912) – II, 127
- «Сижу за ширмой. У меня...» *ВМИ*, 1909, № 1 – I, 294
- «Символ мой знаком отметить...» (*Noli tangere circulos meos*) *ВМИ*, 1909, № 1 – I, 272
- «Синеокая, бог тебя создал такой...» *Вершины*, 1915, № 7 – II, 133
- «Синие горы вдаль...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 158
- «Сирени бледные дождем к земле прибиты...» (После дождя) *Творчество II* (1917) – I, 71
- Сирин и Алконост («Густых кудрей откинув волны...») *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 68
- Сказка о петухе и старушке («Петуха упустила старушка...») *НЖ*, 1906, № 3/4 – I, 380
- Сквозь винный хрусталь («В длинной сказке...») *СМ* (1907) – II, 24
- «Сквозь серый дым от краю и до краю...» *ПК*, 1915, 1.I – II, 180
- «Сквозь тонкий пар сомнения...» (Ответ) *ВМИ*, 1909, № 2/3 – I, 291

- Скифы («Миллионы — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...») *ЗТ, 1918, 20(7).II — II, 253*
- «Скрипка стонет под горой...» *ЛПН, 1907, № 3 — I, 282*
- «Скрипнула дверь. Задрожала рука...» *СС I (1911) — I, 167*
- «Слабеет жизни гул упорный...» *А, 1910, № 4 — II, 129*
- «Словно молнии луч, словно гром из туч...» <Из Исаакяна> *Л, 1916, № 1 — II, 339*
- Случайному («Ты мне явился, темнокудрый...») *БВ, 1915, 21.XI — I, 236*
- «Слышу колокол. В поле весна...» *СПД (1905) — I, 209*
- Смерть («Прислушайся к земле в родных полях...») *НС (1926) — I, 110*
- «Смесь бедные невежды...» *Вершины, 1914, № 6 — I, 105*
- «Смолкали и говор, и шутки...» *С, 1908, 25.V — I, 230*
- «Смотрел отвеса бог лукавый...» (При посылке роз) *Эхо, 1918, 21.V — I, 176*
- «Смотри приветно и легко...» *НЗ, 1912, № 3/4 — I, 173*
- «Смотри — я отступаю в тень...» *НГ, 1909, 22.III — I, 162*
- «Смотри: я спутал все страницы...» (Они читают стихи) *СМ (1907) — II, 27*
- «Смычок запел. И облак душный...» *АС (1915) — II, 232*
- Смятение («Мы ли — пляшущие тени?») *СМ (1907) — II, 29*
- Снега (16 стих.) — *II, 8*
- Снег да снег («Снег да снег. Всю избу занесло...») *КВ, 1908, 7.I — I, 385*
- Снежная вязь («Снежная мгла взвилась...») *СМ (1907) — II, 8*
- Снежная Дева («Она пришла из дикой дали...») *В, 1907, № 12 — II, 58*
- «Снежная мгла взвилась...» (Снежная вязь) *СМ (1907) — II, 8*
- Снежное вино («И вновь сверкнув из чаши винной...») *СМ (1907) — II, 8*
- «Снилось мне — у соленой волны...» <Из Исаакяна> *Л, 1916, № 1 — II, 340*
- «Снова ближе вечерние тени...» *ЗР, 1908, № 1 — I, 165*
- «Снова иду я над этой пустынной равниной...» *ВЖ, 1905, № 6 — I, 269*
- Сны («И пора уснуть, да жалко...») *Огоньки (1912) — II, 183*
- «Сны безотчетны, ярки краски...» *ЗР, 1908, № 1 — I, 190*
- «Сны раздумий небывалых...» *Г (1904) — I, 188*
- «Солнце сходит на запад. Молчанье...» (Вечерняя) *СПД (1905) — I, 316*
- Соловьиный сад («Я ломаю слоистые скалы...») *РС, 1915, 25.XII — II, 265*

- «Сольвейг! О, Сольвейг! О, Солнечный Путь!..» *Проталина* (1907) – I, 419
- Сольвейг («Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...») *С*, 1906, 18.IV – I, 389
- «Сольвейг! Ты прибежала на лыжах ко мне...» (Сольвейг) *С*, 1906, 18.IV – I, 389
- «Сомкни уста. Твой голос полн...» *СС I* (1911) – I, 76
- «Сомнения нет: мои печали...» *СС I* (1911) – I, 77
- Сон («Я видел сон: мы в древнем склепе...») *А* (1912) – II, 155
- «Сон мой храните, возницы!..» (Реквием) (Из Плудониса) *СЛЛ* (1917) – II, 342
- «Сонный вздох онемелой волны...» (Взморье) *Г* (1905) – I, 321
- Сочельник в лесу («Ризу накрест обвязав...») *Огоньки* (1912) – II, 185
- Сочувственное послание Сарре, графине Джерсей... («Когда торжественно тщеславный кесарь Рима...») (Из Байрона) *Б* (1906) – I, 458
- «Спи. Да будет твой сон спокоен...» (Ночная) *СПД* (1905) – I, 317
- «Сплетались времена, сплетались страны...» *НС* (1926) – I, 213
- «Спустилась мгла, туманами чревата...» (Моей матери) *СС I* (1911) – I, 84
- «Спустились в подземные ущелья...» *ВМН*, 1909, № 2/3 – I, 298
- «Спят луга, спят леса...» (Колыбельная песня) *Т*, 1906, № 11 – I, 330
- «Среди гостей ходил я в черном фраке...» *ВМН*, 1909, № 1 – I, 302
- «Среди поклонников Кармен...» *ЛТА*, 1914, № 4/5 – II, 225
- Старик («Под старость лет, забыв святое...») *НП*, 1903, № 3 – I, 235
- «Старинные розы...» *Д*, 1914, 25.XII – II, 98
- «Старость мертвая бродит вокруг...» *С*, 1906, 20.III – I, 361
- «Старуха гадала у входа...» *Русь*, 1908, 1.I – I, 267
- Старушка и чертенята («Побывала старушка у Троицы...») *С*, 1906, 2.IV – I, 357
- «Старый год уносит сны...» *Ч*, 1908, 1.I – I, 176
- «Старый, старый сон. Из мрака...» *БВ*, 1915, 4.X – II, 176
- Статуя («Лошадь влекли под уздцы на чугунный...») *Г* (1905) – I, 304
- «Стоит полукруг зари...» (У моря) *НР* (1907) – I, 358
- «Сторожим у входа в терем...» *СПД* (1905) – I, 315
- «Стою на царственном пути...» *Р*, 1908, 25.XII – I, 154
- «Стою у власти, душой одинок...» *Проталина* (1907) – I, 250
- «Станных и новых ищу на страницах...» *НП*, 1903, № 3 – I, 204

- «Страстью длинной, безмятежной...» *РМ*, 1914, № 5 – II, 123
- «Стремленья сердца непомерны...» *Р*, 1908, 23.III – I, 236
- «Строен твой стан, как церковные свечи...» (Девушка из Сро-
Ieto) *А*, 1910, № 4 – II, 118
- Строки, написанные под вязом на кладбище в Гар-
роу («Места родимые! Здесь ветви вздохов полны...») (Из Байрона)
Б (1906) – I, 454
- «Стучит топор, и с кампанил...» (Фьёзоле) *РМ*, 1914, № 5 –
II, 126
- «Стучится тихо. Потом погромче...» *С*, 1909, 19.IV – II, 80
- «Сумерки, сумерки вешние...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 155
- «Сумрак дня несет печаль...» *Русь*, 1907, 23.IV – I, 175
- Сусальный ангел («На разукрашенную елку...») *З*, 1912, № 2 –
II, 146
- Сфинкс («Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...») *Р*, 1908,
1.I – I, 249
- «Схороните, когда я умру...» (Из Исаакяна) *Л*, 1916, № 1 – II, 341
- Сын и мать («Сын осеняется крестом...») *БН* (1907) – I, 403
- «Сын осеняется крестом...» (Сын и мать) *БН* (1907) – I, 403
- «Сырая ночь и буря...» (Из Гейне) *НЧ* (1911) – II, 328
- «Сырое лето. Я лежу...» *КГ*, 1929, 7.VIII – II, 42
- Сытые («Они давно меня томили...») *НЖ*, 1905, 23.XI – I, 378
- «Та жизнь прошла...» *Вершины*, 1914, № 1 – II, 235
- «Тайно сердце просит гибели...» (Обреченный) *СМ* (1907) – II,
30
- «Так. Буря этих лет прошла...» *РС*, 1915, 22.III – II, 110
- Так было («Жизнь была стремленьем...») *СР*, 1907, 22.XI – I,
430
- «Так. Неизменно всё, как было...» *В*, 1906, № 5 – I, 371
- «Так – одинокой, легкой тенью...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 135
- «Так окрыленно, так напевно...» *БН* (1907) – I, 408
- «Так. Я знал. И ты задул...» *СПД* (1905) – I, 295
- «Там, в ночной завывающей стуже...» *ЗР*, 1906, № 11/12 – I, 367
- «Там, в полусумраке собора...» *ЛПН*, 1907, № 3 – I, 182
- «Там – в синеве – была звезда...» (Жрец) *С*, 1908, 4.V – I, 251
- «Там – в улице стоял какой-то дом...» *Г* (1904) – I, 209
- «Там дамы щеголяют модами...» *СС II* (1912) – I, 394
- «Там жили все мои надежды...» *ПК*, 1913, 25.XII – I, 118
- «Там, за далью бесконечной...» *Сирена*, 1918, № 2/3 – I, 72
- «Там неба освещенный край...» *Знание XXXVIII* (1912) – II, 159
- «Там сумерки невинно трепетали...» *СЗ*, 1913, № 4 – I, 194
- Твари весенние («Золотисты лица купальниц...») *В*, 1906, № 5 –
I, 343

- «Твое лицо бледней, чем было...» *Корабли* (1907) – I, 390
- «Твое лицо мне так знакомо...» *О*, 1908, № 9/10 – II, 96
- «Твой образ чудится невольно...» *С*, 1908, 6.VIII – I, 112
- «Твоя гроза меня умчала...» *ЛПН*, 1907, № 3 – I, 416
- «Тебе, поэт, в вечерней тишине...» (Е. А. Баратынскому) *НС* (1926) – I, 123
- «Тебе, Тебе с иного света...» *ОЛХА* (1911) – I, 225
- «Тебе, Чей Сумрак был так ярком...» (Ночная) *БН* (1907) – I, 316
- «Тебя в страны чужие звали...» *ТП*, 1907, № 1 – I, 147
- «Тебя скрывали туманы...» *СЦ* (1903) – I, 211
- «Темная, бледно-зеленая...» *Г* (1904) – I, 299
- «Темнеет небо. Туч грядет...» *СС I* (1911) – I, 69
- Тени на стене («Вот прошел король с зубчатым...») *СМ* (1907) – II, 25
- «Теряет берег очертанья...» *КВ*, 1908, 5.VI – I, 98
- «Тёмно в комнатах и душно...» *С*, 1908, 25.V – I, 172
- «Тихая ночь. На улицах дрема...» <Из Гейне> *Прогресс* (1911) – II, 331
- «Тихо вечерние тени...» *ЖДВ*, 1904, № 4 – I, 131
- «Тихо вывела из комнат...» (Неизбежное) *СМ* (1907) – II, 28
- «Тихо. И будет всё тише...» (Моей матери) *НР* (1907) – I, 360
- «Тихо рассыпалась в небе ракета...» (Рассвет) *О*, 1907, № 11 – I, 434
- Тишина в лесу («Бушевали ночные метели...») *Т*, 1912, № 12 – II, 185
- Тишина цветет («Здесь тишина цветет и движет...») *БН* (1907) – I, 408
- «То не ели, не тонкие ели...» (Посещение) *Антология* (1911) – II, 160
- «То отголосок юных дней...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 108
- «Травы спят красивые...» *Луч*, 1907, № 2 – I, 197
- Тревога («Сердце, слышишь...») *СМ* (1907) – II, 16
- «Три светлых царя из восточной страны...» <Из Гейне> *НЧ* (1911) – II, 332
- 31 декабря 1900 года («И ты, мой юный, мой печальный...») *Н*, 1909, № 1 – I, 127
- «Тропами тайными, ночными...» *Я* (1919) – II, 41
- «Туман скрывает берег отдаленный...» *НС* (1926) – I, 182
- «Ты – божий день. Мои мечты...» *Р*, 1908, 15.VI – I, 191
- «Ты – буйный зов рогов призывных...» *БВ*, 1914, 21.XII – II, 208
- «Ты был осыпан звездным цветом...» *НР* (1907) – I, 390
- «Ты была светла до странности...» *СС I* (1911) – I, 189
- «Ты была у окна...» *ОН*, 1908, 25.XII – I, 113
- «Ты в комнате один сидишь...» *Антология* (1911) – II, 116

- «Ты в поля отошла без возврата...» *НР* (1907) — I, 347
- «Ты говоришь, что я дремлю...» *Отечество*, 1914, № 7 — II, 201
- «Ты горишь над высокой горою...» *НП*, 1903, № 9 — I, 156
- «Ты далека, как прежде, так и ныне...» *РМ*, 1914, № 10 — I, 154
- «Ты — думы вечной, вдохновенной...» *НС*, 1909, № 8 — I, 129
- «Ты жил один! Друзей ты не искал...» *ГЖ*, 1915, № 16 — II, 233
- «Ты — злая колдунья. Мой вечер в огне...» *ВМН*, 1907, № 22/23 — I, 198
- «Ты знаешь, что живу я...» <Из Гейне> *НЧ* (1911) — II, 331
- «Ты и во сне необычайна...» (Русь) *ЗР*, 1907, № 6 — I, 397
- «Ты из шепота слов родилась...» *Русь*, 1909, 1.I — II, 106
- «Ты — как отзвук забытого гимна...» *ЛТА*, 1914, № 4/5 — II, 227
- «Ты кормчий — сам, учитель — сам...» (Заключение спора) *Проталина* (1907) — I, 300
- «Ты ли это прозвучала...» *ЗМ*, 1919, № 1 — I, 140
- «Ты мне явился, темнокудрый...» (Случайному) *БВ*, 1915, 21.XI — I, 236
- «Ты много жил. Негодоваешь...» *СС I* (1911) — I, 85
- «Ты много жил, я больше пел...» *Вершины*, 1915, № 17 — I, 47
- «Ты, может быть, не хочешь угадать...» *ОС* (1923) — I, 52
- «Ты можешь по траве зеленой...» *БН* (1907) — I, 409
- «Ты — молитва лазурная...» *ОН*, 1918, 25.XII — I, 208
- «Ты нам грозишь последним часом...» (Комета) *Гамаюн* (1911) — II, 160
- «Ты не научишь меня проклинать...» *СС I* (1911) — I, 82
- «Ты не обманьшь, призрак бледный...» *НС*, 1909, № 3 — I, 125
- «Ты не пленишь. Не жди меня...» *Луч*, 1907, № 2 — I, 196
- «Ты не ушла. Но, может быть...» *РМ*, 1913, № 4 — I, 211
- «Ты, о, Афина бессмертная...» (Последняя часть философской поэмы) *КГ*, 1926, 6.VIII — I, 122
- «Ты оденешь меня в серебро...» *ВЖ*, 1905, № 6 — I, 318
- «Ты отошла, и я в пустыне...» *К* (1908) — II, 40
- «Ты отходишь в сумрак алый...» *Г* (1904) — I, 134
- «Ты, отчаянье жизни моей...» *РМ*, 1914, № 10 — I, 203
- «Ты перед ним — что стебель гибкий...» (Девушке) *Ш III* (1908) — II, 41
- «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» *РМ*, 1914, № 4 — II, 215
- «Ты придешь и обнимешь...» *НР* (1907) — I, 382
- «Ты пробуждалась утром рано...» *Русь*, 1907, 2.VI — II, 39
- «Ты проходишь без улыбки...» *НР* (1907) — I, 374
- «Ты прошла голубыми путями...» *Н*, 1906, № 49 — I, 151
- «Ты свята, но я Тебе не верю...» *СЦ* (1903) — I, 244
- «Ты смотришь в очи ясным зорям...» *БН* (1907) — I, 420

- «Ты совершил над нею подвиг трудный...» (Двойнику) *СС I (1911)* – I, 177
- «Ты страстно ждешь. Тебя зовут...» *ПК, 1915, 1.I* – I, 169
- «Ты так светла, как снег невинный...» *НЖДВ, 1909, № 3* – II, 100
- «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...» *СУ (1920)* – II, 251
- «Ты у камина, склонив седины...» *НП, 1904, № 6* – I, 296
- «Ты уходишь от земной юдоли...» *СС I (1911)* – I, 164
- «Тяжелый занавес упал...» *СС I (1911)* – I, 78
- «Тяжкий, плотный занавес у входа...» (Шаги Командора) *РМ, 1912, № 11* – II, 172
- «Тяжко нам было под выюгами...» *НЖ, 1906, № 14* – I, 333
- «У берега зеленого на малой могиле...» *СПД (1905)* – I, 277
- У дверей («Я один шепчу заклатья...») *УР, 1916, 10.IV* – I, 193
- «У забытых могил пробивалась трава...» *НП, 1904, № 6* – I, 274
- У моря («Стоит полукруг зари...») *НР (1907)* – I, 358
- «У окна не ветер бродит...» *НС (1926)* – I, 202
- «Увижу я, как будет погибать...» *С, 1914, № 10* – I, 105
- Угар («Заплетаем, расплетаем...») *БН (1907)* – I, 407
- «Удалены от мира на кладбище...» (На могиле друга) *СС I (1911)* – I, 184
- «Уж вечер светлой полосой...» *БС, 1909, № 7* – II, 111
- «Уж солнце за вершиной гор...» (Из Исаакяна) *ПА (1916)* – II, 336
- «Ужасен холод вечеров...» *Р, 1908, 17.VIII* – I, 221
- «Уже бледнеет день прощальный...» *Утро, 1915, 22.III* – I, 102
- «Уже над морем вечерест...» *С, 1909, 1.II* – II, 102
- «Уже померкла ясность взора...» *НЧ (1911)* – II, 135
- «Улица, улица...» *Ч, 1907, 21.XI* – I, 339
- «Уми, Флоренция, Иуда...» *НЧ (1911)* – II, 122
- Унижение («В черных сучьях деревьев обнаженных...») *СЗ, 1913, № 2* – II, 167
- «Упоительно встать в ранний час...» (Утро в Москве) *ГЖ, 1914, № 3* – II, 136
- «Упорной колонной мы строимся там...» (Марш мертвецов) (Из Н. Рунеберга) *Л, 1916, № 2* – II, 349
- «Усните блаженно, заморские гости, усните...» *Лебедь, 1908, № 3* – II, 94
- Успение («Ее спеленутое тело...») *А, 1910, № 4* – II, 130
- «Успокоительны и чудны...» *Бекетова (1925)* – I, 195
- Усталость («Кому назначен темный жребий...») *ЦО (1907)* – II, 32
- «Усталый от дневных блужданий...» *БВ, 1915, 22.II* – I, 54
- «Утихает светлый ветер...» *В, 1906, № 5* – I, 364

- «Утомленный, я терял надежды...» *ПК*, 1913, 4.IV – I, 203
- «Утрет. С богом! По домам!..» (Седое утро) *Сирин III* (1914) – II, 197
- Утренняя («До утра мы в комнатах спорим...») *СПД* (1905) – I, 315
- «Утро брезжит. День грозит ненастьем...» *НС* (1926) – I, 92
- Утро в Москве («Упоительно встать в ранний час...») *ГЖ*, 1914, № 3 – II, 136
- «Уходит день. В пыли дорожной...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 187
- Учитель («Кончил учитель урок...») *КВ*, 1908, 4.I – I, 385
- «Ушел он, скрылся в ночи...» *Солнце России*, 1916, № 7 – I, 241
- «Ушел я в белую страну...» *Русь*, 1907, 13.IV – I, 250
- «Ушла. Но гиацинты ждали...» *ЦО* (1907) – II, 35
- «Ушли в туман мечтания...» *Русь*, 1907, 23.IV – I, 214
- Фабрика («В соседнем доме окна желты...») *Г* (1905) – I, 299
- «Фиолетовый запад гнетет...» *НР* (1907) – I, 319
- Флоренция (7 стих.) – II, 122
- «Флоренция, ты ирис нежный...» *СС III* (1912) – II, 122
- Фьезоле («Стучит топор, и с кампанил...») *РМ*, 1914, № 5 – II, 126
- «Ходит месяц по волне...» *НС* (1926) – I, 164
- «Хожу, брожу понурый...» *ТП*, 1907, № 10 – I, 417
- «Хожу по камням старых плит...» *БВ*, 1916, 31.I – I, 96
- «Холодный ветер от лагуны...» *А*, 1910, № 4 – II, 120
- Холодный день («Мы встретились с тобою в храме...») *О*, 1908, № 3 – I, 400
- «Хоронил я тебя, и, тоскуя...» *КМ*, 1921, № 2/3 – I, 215
- «Хоть всё по-прежнему *невесть*...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 95
- «Хранила я среди младых созвучий...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 165
- Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...») *Сирин III* (1914) – II, 200
- «Царица смотрела заставки...» *НП*, 1903, № 3 – I, 257
- «Целый год не дрожало окно...» *НП*, 1904, № 6 – I, 263
- «Целый день передо мною...» *ОН*, 1907, 25.XII – I, 193
- «Целый день – суета у могил...» *СЗ*, 1913, № 4 – I, 185
- Цирцея («Год миновал. Мы пьем среди твоих владений...») (Из Леконта) *С*, 1908, 8.V – I, 463
- «Часовая стрелка близится к полночи...» *Отчество*, 1915, № 1 – II, 98
- «Часто в мысли гармония спит...» *НС* (1926) – I, 130

- «Чей-то обманчивый голос поет...» (Голос) *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 81
- «Чем больней душе мятежной...» (Моей матери) *ЛХС* (1903) – I, 135
- «Чем больше хочешь отдохнуть...» *Знание XXXVIII* (1912) – II, 136
- Через двенадцать лет (8 стих.) – II, 132
- Черная Дева («В дальних северных туманах...») *Сказки* (1913) – I, 77
- Черная кровь (9 стих.) – II, 210
- «Черный ветер...» (Двенадцать) *ЗГ*, 1918, 18.II (3.III) – II, 313
- «Черный ворон в сумраке снежном...» *РМ*, 1910, № 11 – II, 148
- «Черты знакомых лиц...» *М*, 1920, № 4 – I, 177
- «Черты за кругом плавный круг...» (Коршун) *РС*, 1916, 10.IV – II, 249
- «Что же ты потупилась в смущеньи?...» (Перед судом) *РМ*, 1916, № 1 – II, 244
- «Что на свете выше...» (На чердаке) *О*, 1907, № 7 – I, 421
- «Что с тобой – не знаю и не скрою...» *СПД* (1905) – I, 300
- «Что сделали из берега морского...» (В северном море) *Ф III* (1908) – II, 50
- «Что ты, Мэрион, так грустна?...» (Посвящается Мэрион) (Из Байрона) *Б* (1906) – I, 448
- Шаги («В зимний вечер, когда запирались...») (Из Верхарна) *Н*, 1907, № 1 – I, 460
- Шаги Командора («Тяжкий, плотный занавес у входа...») *РМ*, 1912, № 11 – II, 172
- «Шар раскаленный, золотой...» *РМ*, 1913, № 4 – II, 169
- «Шевельнулась безмолвная сказка пустынь...» (Сфинкс) *Р*, 1908, 1.I – I, 249
- «Шел я по улице, горем убитый...» (Перстень-Страданье) *НР* (1907) – I, 375
- «Шлейф, забрызганный звездами...» *Корабли* (1907) – I, 402
- «Шли мы стезею лазурною...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 91
- «Шли на приступ. Прямо в грудь...» *НЖ*, 1905, 26.XI – I, 339
- Экклесиаст («Благословляя свет и тень...») *НП*, 1903, № 3 – I, 232
- Эпитафия фра Филиппо Липпи («Здесь я покоюсь, Филипп, живописец, навеки бессмертный...») (Из Полициана) *РМ*, 1914, № 5 – II, 131
- Эхо («К зеленому лугу, взывая, внимая...») *ЗР*, 1906, № 4 – I, 369
- Юрию Верховскому («Дождь мелкий, разговор неспешный...») *РМ*, 1913, № 4 – II, 159

- «Я Атлас злополучный! Целый мир...» <Из Гейне> НЧ (1911) – II, 331
- «Я бежал и спотыкался...» СПД (1905) – I, 293
- «Я бремя похитил, как тать...» Вершины, 1914, № 4 – I, 165
- «Я буду факел мой блюсти...» К (1908) – I, 255
- «Я был весь в пестрых лоскутьях...» Г (1904) – I, 277
- «Я был влюблен. И лес ночной...» МА (1922) – I, 73
- «Я был невенчан. Премудрость храня...» К (1908) – I, 290
- «Я был смущенный и веселый...» Ш II (1907) – I, 424
- «Я в дольний мир вошла, как в ложу...» Ш II (1907) – II, 7
- «Я в четырех стенах – убитый...» Русь, 1907, 26.V – I, 406
- «Я вам поведал неземное...» БН (1907) – I, 348
- «Я видел мрак дневной и свет ночной...» (Гурьмак) А (1911) – I, 109
- «Я видел огненные знаки...» (Неоконченная поэма) Х (1906) – I, 427
- «Я видел сон: мы в древнем склепе...» (Сон) А (1912) – II, 155
- «Я вижу блеск, забытый мной...» Сириус III (1914) – II, 201
- «Я возвращусь стопой тяжелой...» (После битвы) БВ, 1915, 18.I – I, 123
- «Я восходил на все вершины...» К (1908) – I, 314
- «Я всё гадаю над тобою...» ЗР, 1908, № 1 – I, 157
- «Я встал и трижды поднял руки...» (Рассвет) Русь, 1907, 16.VIII – I, 297
- «Я вырезал посох из дуба...» НП, 1904, № 6 – I, 273
- «Я вышел в ночь – узнать, понять...» СЦ (1903) – I, 228
- «Я вышел. Медленно сходили...» ОН, 1907, 25.XII – I, 130
- «Я – Гамлет. Холодеет кровь...» СЗ, 1915, № 2 – II, 215
- «Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...» ГЖ, 1914, № 1 – II, 210
- «Я долго ждал – ты вышла поздно...» ЗР, 1908, № 1 – I, 170
- «Я думал, что умру сегодня к ночи...» ЗМ, 1919, № 1 – I, 60
- «Я ее победил, наконец!...» ГЖ, 1914, № 1 – II, 213
- «Я жалобной рукой сжимаю свой костыль...» НР (1907) – I, 325
- «Я жалок в глубоком бессильи...» БВ, 1916, 4.IX – I, 200
- «Я ждал под окнами в тени...» НС (1926) – I, 238
- «Я жду призыва, ищу ответа...» СЦ (1903) – I, 149
- «Я живу в глубоком покое...» НР (1907) – I, 323
- «Я живу в отдаленном скиту...» ВЖ, 1905, № 6 – I, 341
- «Я знаю день моих проклятий...» БС, 1909, № 1 – I, 206
- «Я знаю, смерть близка. И ты...» РМ, 1913, 14.IV – I, 115
- «Я знаю, ты близкая мне...» (Бред) НР (1907) – I, 377
- «Я и мир – снега, ручьи...» Русь, 1907, 4.IX – I, 210
- «Я и молод, и свеж, и влюблен...» Лебедь, 1908, № 1 – I, 221

- «Я, изнуренный и премудрый...» *НП*, 1904, № 6 – I, 254
- «Я искал голубую дорогу...» *СПД (1905)* – I, 260
- «Я их хранил в приделе Иоанна...» *СПД (1905)* – I, 248
- «Я к людям не выйду навстречу...» *НП*, 1903, № 3 – I, 264
- «Я коротаю жизнь мою...» *Огонек*, 1912, № 26 – II, 158
- «Я кую мой меч у порога...» *БН (1907)* – I, 306
- «Я ли пишу, или ты из могилы...» *СС I (1911)* – I, 168
- «Я ломаю слоистые скалы...» (Соловьиный сад) *РС*, 1915, 25.XII – II, 265
- «Я медленно сходил с ума...» *Всришны*, 1914, № 4 – I, 199
- «Я – меч, заостренный с обеих сторон...» *СПД (1905)* – I, 287
- «Я миновал закат багряный...» *О*, 1908, № 6 – II, 77
- «Я мог бы ярче просиять...» *Ч*, 1907, 25.XII – I, 291
- «Я могуч и велик ворожбою...» (Ворожба) *УР*, 1916, 10.II – I, 171
- «Я на тебя взирал, когда наш враг шел мимо...» (Любовь и смерть) <Из Байрона> *Б (1906)* – I, 456
- «Я надел разноцветные перья...» *О*, 1907, № 4 – I, 252
- «Я насадил мой светлый рай...» *ЦО (1907)* – II, 38
- «Я не звал тебя – сама ты...» *А*, 1911, № 3 – II, 103
- «Я не люблю пустого словаря...» (В дюнах) *ЗР*, 1907, № 10 – II, 52
- «Я не предал белое знамя...» *БВ*, 1914, 25.XII – II, 240
- «Я неверную встретил у входа...» *В*, 1908, № 3 – II, 63
- «Я недаром боялся открыть...» *Вершины*, 1914, № 4 – I, 137
- «Я – непокорный и свободный...» (На страже) *СМ (1907)* – II, 10
- «Я никогда не понимал...» *НС (1926)* – I, 128
- «Я ношусь во мраке, в ледяной пустыне...» *Рабочий мир*, 1918, № 14 – I, 50
- «Я облачился перед битвой...» (Боец) *УР*, 1916, 10.IV – I, 224
- «Я один шепчу заклятья...» (У дверей) *УР*, 1916, 10.IV – I, 193
- «Я, отрок, зажигаю свечи...» *НП*, 1903, № 3 – I, 218
- «Я – песельник. Я девок вывожу...» (Песельник) *Путь*, 1908, № 2 – II, 43
- «Я помню длительные муки...» *Северное сияние*, 1908, № 2 – II, 88
- «Я помню нежность ваших плеч...» *Свободный журнал*, 1918, № 2 – II, 233
- «Я помню час глухой, бессонной ночи...» *СС I (1911)* – I, 147
- «Я понял смысл твоих стремлений...» *СПД (1905)* – I, 134
- «Я пригвожден к трактирной стойке...» *НО*, 1910, № 1 – II, 98
- «Я прогнал тебя кнутом...» (Болотные чертенятки) *ВЖ*, 1905, № 6 – I, 340
- «Я проснулся внезапно в ночной тишине...» (Кошмар) *СС I (1911)* – I, 80
- «Я просыпался и всходил...» *Г (1904)* – I, 231

- «Я сегодня не помню, что было вчера...» *P*, 1909, 22.II – II, 109
- «Я смотрел на слепое людское строение...» *СПД* (1905) – I, 256
- «Я стар душой. Какой-то жребий черный...» *СС I* (1911) – I, 71
- «Я стремлюсь к роскошной воле...» *СС I* (1911) – I, 52
- «Я сходил в стремнины горные...» *ПЖ*, 1909, 19.I – I, 132
- «Я – тварь дрожащая. Лучами...» *СС I* (1911) – I, 208
- «Я тишиною очарован...» *ЕЖ*, 1916, № 1 – I, 207
- «Я только рыцарь и поэт...» (Встречной) *P*, 1909, 25.XII – II, 84
- «Я увидел во сне: колыхаясь, внясь...» (Из Исаакяна) *ПА* (1916) – II, 338
- «Я укрыт до времени в приделе...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 185
- «Я умер. Я пал от раны...» *C*, 1908, 28.XII – I, 280
- «Я умирал. Ты расцветала...» *СС I* (1911) – I, 88
- «Я ухо приложил к земле...» *Луч*, 1907, № 1 – II, 40
- «Я – человек и мало богу равен...» *ЗМ*, 1919, № 1 – I, 75
- «Я шел во тьме дождливой ночи...» *СС I* (1911) – I, 93
- «Я шел во тьме к заботам и веселью...» *СС I* (1911) – I, 51
- «Я шел – и вслед за мною шли...» *СС I* (1911) – I, 180
- «Я шел к блаженству. Путь блестел...» *СС I* (1911) – I, 70
- «Яблони сада вырваны...» *Феникс I* (1922) – II, 259
- «Явился он на стройном бале...» *ЗР*, 1908, № 1 – I, 240
- «Ярким солнцем, синей далью...» *СС I* (1911) – I, 90

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1907

1. «Я в дольний мир вошла, как в ложу...» 7

СНЕЖНАЯ МАСКА

Снега

2. Снежное вино («И вновь, сверкнув из чаши винной...») 8
3. Снежная вязь («Снежная мгла взвилась...») 8
4. Последний путь («В снежной пене — предзакатная...») . . . 9
5. На страже («Я — непокорный и свободный...») 10
6. Второе крещение («Открыли дверь мою метели...») . . . 10
7. Настигнутый метелью («Вьюга пела...») 11
8. На зов метелей («Белоснежней не было зим...») 13
9. Ее песни («Не в земной темнице душевной...») 13
10. Крылья («Крылья легкие раскину...») 14
11. Влюбленность («И опять твой сладкий сумрак, влюблен-
ность...») 15
12. Не надо («Не надо кораблей из дали...») 15
13. Тревога («Сердце, слышишь...») 16
14. Прочь! («И опять открыли солнца...») 17
15. И опять снега («И опять, опять снега...») 19
16. Голоса («Нет исхода вьюгам певучим!...») 20
17. В снегах («И я затянут...») 22

Маски

18. Под масками («А под маской было звездно...») 22
19. Бледные сказанья («— Посмотри, подруга, эльф твой...») 23
20. Сквозь винный хрусталь («В длинной сказке...») 24
21. В углу дивана («Но в камине дозвенели...») 25
22. Тени на стене («Вот прошел король с зубчатым...») 25
23. Наемщица («Подвела мне брови красным...») 26
24. Они читают стихи («Смотри: я спутал все страницы...») . . . 27
25. Неизбежное («Тихо вывела из комнат...») 28
26. Здесь и там («Ветер звал и гнал погоню...») 28
27. Смятение («Мы ли — пляшущие тени?...») 29

28. Обреченный («Тайно сердце просит гибели...»)	30
29. Нет исхода («Нет исхода из вьюг...»)	30
30. Сердце предано метели («Сверкни, последняя игла...»)	31
31. На снежном костре («И взвился костер высокий...»)	31
32. Усталость («Кому назначен темный жребий...»)	32

33–35. Ненужная весна

1. «Отсеребрилась; отзвучала...»	33
2. «В глазах нснужный день так ярко...»	33
3. «Зима прошла. Я болен...»	34
36. «Придут незаметные белые ночи...»	34
37. «Ушла. Но гиацинты ждали...»	35
38. «За холмом отзвенели упругие латы...»	36
39. «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...»	36
40. «В темной комнате ты обещена...»	38
41. «Я насадил мой светлый рай...»	38
42. «Ты пробуждалась утром рано...»	39
43. «С каждой весною пути мои круче...»	39
44. «Ты отошла, и я в пустыне...»	40
45. «Я ухо приложил к земле...»	40
46. «Тропами тайными, ночными...»	41
47. Девушке («Ты перед ним – что стебель гибкий...»)	41
48. «Сырое лето. Я лежу...»	42
49. Песельник («Я – песельник. Я девок вывожу...»)	43
50. «В этот серый летний вечер...»	44

51–54. Вольные мысли

1. О смерти («Всё чаще я по городу брожу...»)	44
2. Над озером («С вечерним озером я разговор веду...»)	47
3. В северном море («Что сделали из берега морского...»)	50
4. В дюнах («Я не люблю пустого словаря...»)	52
55. «Везде – над лесом и над пашней...»	54
56. «В густой траве пропадешь с головой...»	54

57–59. Осенняя любовь

1. «Когда в листе сырой и ржавой...»	55
2. «И вот уже ветром разбиты, убиты...»	55
3. «Под ветром холодные плечи...»	56
60. «Когда я создавал героя...»	57
61. «Всюду ясность божия...»	57
62. «В те ночи светлые, пустые...»	57
63. Снежная Дева («Она пришла из дикой дали...»)	58
64. «И я провел безумный год...»	59

65–75. Заклятие огнем и мраком

1. «О, весна без конца и без краю...»	61
2. «Привявший мир, как звонкий дар...»	62

3. «Я неверную встретил у входа...»	63
4. «Перехожу от казни к казни...»	63
5. «Пойми же, я спутал, я спутал...»	64
6. «В бесконечной дали корридоров...»	65
7. «По улицам метель метет...»	66
8. «О, что мне закатный румянец...»	67
9. «Гармоника, гармоника!...»	69
10. «Работай, работай, работай!...»	70
11. «И я опять затих у ног...»	70
76. «Меня пытали в старой вере...»	71
77. Инок («Никто не скажет: я безумен...»)	71
78. «Она пришла с заката...»	72
79. Клеопатра («Открыт паноптикум печальный...»)	73
80. «Стучится тихо. Потом погромче...»	74

1908

81. «Всю жизнь ждала. Устала ждать...»	75
82. «Когда вы стоите на моем пути...»	76
83. «Она пришла с мороза...»	77
84. «Я миновал закат багряный...»	77
85. Не пришел на свиданье («Поздним вечером ждала...»)	78
86. «Душа! Когда устанешь верить?..»	79
87. «И я любил. И я изведаль...»	79
88. «Их было много — дев прекрасных...»	80
89. «Свирель запела на мосту...»	81
90. «В глубоких сумерках собора...»	82
91. «Май жестокий с белыми ночами!..»	83
92. «Всё помнит о весле вздыхающем...»	83
93. Встречной («Я только рыцарь и поэт...»)	84
94—98. На поле Куликовом	
1. «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...»	84
2. «Мы, сам-друг, над степью в полночь стали...»	85
3. «В ночь, когда Мамай залег с ордою...»	86
4. «Опять с вековой тоскою...»	87
5. «Опять над полем Куликовым...»	88
99. «Я помню длительные муки...»	88
100. За гробом («Божья мать Утоли мои печали...»)	89
101—103. Мэри	
1. «Опять у этой двери...»	90
2. «Жениха к последней двери...»	90
3. «Косы Мэри распущены...»	91
104. Другьям («Друг другу мы тайно враждебны...»)	91

105. Поэты («За городом вырос пустынный квартал...»)	92
106. «Она, как прежде, захотела...»	94
107. «Усните блаженно, заморские гости, усните...»	94
108. «Когда замрут отчаянье и злоба...»	95
109. Забывшие Тебя («И час настал. Свой плащ скрутило время...»)	95
110. «Твое лицо мне так знакомо...»	96
111. Россия («Опять, как в годы золотые...»)	97
112. «Я пригвожден к трактирной стойке...»	98
113. «Часовая стрелка близится к полночи...»	98
114. «Старинные розы...»	98
115. «Вот он — ветер...»	99
116. «Ночь — как ночь, и улица пустынна...»	99
117. «Ты так светла, как снег невинный...»	100
118. «Своими горькими слезами...»	100
119. «Уже над морем вечереет...»	102
120. «Не могу тебя не звать...»	102
121. «Всё б тебе желать веселья...»	103
122. «Я не звал тебя — сама ты...»	103
123. «Грустя и плача и смеясь...»	104
124. «Опустись, занавеска линиялая...»	104
125. «О доблестях, о подвигах, о славе...»	105
126. «Не затем величал я себя паладином...»	106
127. «Ты из шепота слов родилась...»	106

1909

128. Осенний день («Идем по жнивью, не спеша...»)	107
129. «Мой милый, будь смелым...»	108
130. «Не венчал мою голову траурный лавр...»	108
131. «Под шум и звон однообразный...»	109
132. «Я сегодня не помню, что было вчера...»	109
133. «Покойник спать ложится...»	110
134. «Так. Буря этих лет прошла...»	110
135. «В голодной и больной неволе...»	111
136. «Уж вечер светлой полосой...»	111
137. На смерть младенца («Когда под заступом холодным...»)	112
138. «Здесь в сумерки в конце зимы...»	112
139. «Не спит, не помнят, не торгуют...»	113
140. «Когда я прозревал впервые...»	113
141. «Дохнула жизнь в лицо могилой...»	114
142. «Когда, вступая в мир огромный...»	114
143. «Весенний день прошел без дела...»	115

144. «Какая дивная картина...»	115
145. «Ты в комнате один сидишь...»	116

ИТАЛЬЯНСКИЕ СТИХИ

146. Равенна («Всё, что минутно, всё, что брсно...»)	117
147. «Почиет в мире Теодорих...»	118
148. Девушка из Spoleto («Строен твой стан, как церковные свечи...»)	118
149–151. Венеция	
1. «С ней уходил я в море...»	119
2. «Холодный ветер от лагуны...»	120
3. «Слабеет жизни гул упорный...»	120
152. Перуджия («День полувеселый, полустрадный...»)	121
153–159. Флоренция	
1. «Умри, Флоренция, Иуда...»	122
2. «Флоренция, ты ирис нежный...»	122
3. «Страстью длинной, безмятежной...»	123
4. «Жгут раскаленные камни...»	123
5. «Окна ложные на небе черном...»	123
6. «Под зноем флорентийской лени...»	124
7. «Голубоватым дымом...»	124
160. «Вот девушка, едва развившись...»	125
161. Madonna da Settignano («Встретив на горном тебя пере- вале...»)	125
162. Фьезоле («Стучит топор, и с кампанил...»)	126
163. Сиена («В лоне площади пологой...»)	126
164. Сиснский собор («Когда страшишься смерти скорой...»)	127
165. «Искусство – ноша на плечах...»	127
166. «Глаза, опущенные скромно...»	128
167. Благовещение («С детских лет – видения и грезы...»)	129
168. Успение («Ее спеленутое тело...»)	130
169. Эпитафия фра Филиппо Липпи («Здесь я покоюсь, Филипп, живописец навеки бессмертный...»)	131
170. «Кольцо существования тесно...»	131
171–178. Через двенадцать лет	
1. «Всё та же озерная гладь...»	132
2. «В темном парке под ольхой...»	132
3. «Когда мучительно восстали...»	133
4. «Синеокая, бог тебя создал такой...»	133
5. «Бывают тихие минуты...»	134
6. «В тихий вечер мы встречались...»	134

7. «Уже померкла ясность взора...»	135
8. «Всё, что память сберечь мне старается...»	135
179. Утро в Москве («Упоительно встать в ранний час...»)	136
180. «Чем больше хочешь отдохнуть...»	136
181. «Дым от костра струею сизой...»	137
182. «Всё это было, было, было...»	137
183. «Как прощались, страстно клялись...»	138
184. «Всё на земле умрет — и мать, и младость...»	139
185. «Из хрустального тумана...»	139
186. «В эти желтые дни меж домами...»	140
187. Песнь Ада («День догорел на сфере той земли...»)	141
188. Двойник («Однажды в октябрьском тумане...»)	144
189. «Поздней осенью из гавани...»	145
190. На островах («Вновь оснеженные колонны...»)	145
191. Сусальный ангел («На разукрашенную елку...»)	147
192. «Как из сумрачной гавани...»	147

1910

193. «С мирным счастьем покончены счеты...»	148
194. «Седые сумерки легли...»	148
195. «Черный ворон в сумраке снежном...»	148
196. Голоса скрипок («Из длинных трав встает луна...»)	149
197. На смерть Коммиссаржевской («Пришла порою полуночной...»)	149
198. «Дух пряный марта был в лунном круте...»	151
199. На Пасхе («В сапогах бутылками...»)	151
200. В ресторане («Никогда не забуду (он был, или не был...»)	152
201. Демон («Прижмись ко мне крепче и ближе...»)	152
202. «Как тяжело ходить среди людей...»	153
203. На железной дороге («Под насыпью, во рву некошенном...»)	154
204. Сон («Я видел сон: мы в древнем склепе...»)	155
205. «Когда-то гордый и надменный...»	156
206. «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...»	156
207. «Где отдастся в длинных залах...»	157
208. «Сегодня ты на тройке звонкой...»	157
209. «Я коротаю жизнь мою...»	158
210. «Там неба освещенный край...»	159
211. Юрию Верховскому («Дождь мелкий, разговор неспешный...»)	159
212. Посещение («То не ели, не тонкие ели...»)	160
213. Комета («Ты нам грозишь последним часом...»)	160
214. «Идут часы, и дни, и годы...»	161

215. «Знаю я твое льстивое имя...»	162
216. «В неуверенном, зыбком полете...»	163

1911

217. «В огне и холоде тревог...»	164
218. «Когда мы встретились с тобой...»	165
219. «О, как смеялись вы над нами...»	165
220. «Да. Так диктует вдохновение...»	166
221. «Земное сердце стынет вновь...»	166
222. Унижение («В черных сучьях дерев обнаженных...») . . .	167
223. «Без слова мысль, волненье без названья...»	168

1912

224. «Ветр налетит, завоет снег...»	169
225. «Шар раскаленный, золотой...»	169
226. «Повеселясь на буйном пире...»	170
227. «Благословляю всё, что было...»	170
228. Авиатор («Летун отпущен на свободу...»)	171
229. Шаги Командора («Тяжкий, плотный занавес у входа...») .	172
230—234. Пляски смерти	
1. «Как тяжело мертвецу среди людей...»	174
2. «Ночь, улица, фонарь, аптека...»	175
3. «Пустая улица. Один огонь в окне...»	175
4. «Старый, старый сон. Из мрака...»	176
5. «Вновь богатый зол и рад...»	176
235. Валерию Брюсову («И вновь, и вновь твой дух таинствен- ный...»)	177
236. Владимиру Бестужеву («Да, знаю я: пронзили ночь отвека...»)	178
237. Вячеславу Иванову («Был скрипок вой в разгаре бала...») .	178
238. «Сквозь серый дым от края и до краю...»	180
239. «Приближается звук. И, покорна щемящему звуку...» . . .	180
240. «И вновь — порывы юных лет...»	181
241. «Миры летят. Года летят. Пустая...»	181
242. «Есть минуты, когда не тревожит...»	182
243. Сны («И пора уснуть, да жалко...»)	183
244. На лугу («Леса вдали виднее...»)	184
245. Ворона («Вот ворона на крыше покатои...»)	184
246. Сочельник в лесу («Ризу накрест обвязав...»)	185
247. Тишина в лесу («Бушевали ночные метели...»)	185
248. «Болотистым, пустынным лугом...»	186
249. Испанке («Не лукавь же, себе признаваясь...»)	187

250. «В небе — день, всех ночей суеверней...»	187
251. «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...»	188
252. К Музе («Есть в напевах твоих сокровенных...»)	189
253. «Мой бедный, мой далекий друг!..»	190
254. «В сыром ночном тумане...»	190

1913

255—260. О чем поет ветер	
1. «Мы забыты, одни на земле...»	192
2. «Поет, поет...»	193
3. «Милый друг, и в этом тихом доме...»	194
4. «Из ничего — фонтаном синим...»	194
5. «Вспомнил я старую сказку...»	194
6. «Было то в темных Карпатах...»	196
261. «Есть времена, есть дни, когда...»	197
262. Седое утро («Утреет. С богом! По домам!..»)	197
263. Новая Америка («Праздник радостный, праздник вели- кий...»)	198
264. Художник («В жаркое лето и в зиму метельную...»)	200
265. «Я вижу блеск, забытый мной...»	201
266. «Ты говоришь, что я дремлю...»	201
267. «Ваш взгляд — его мне подстеречь...»	202
268. «О, нет! не расколуешь сердца ты...»	203
269. Анне Ахматовой («„Красота страшна“ — Вам скажут...»)	204
270. «Есть игра: осторожно войти...»	204
271. «Натянулись гитарные струны...»	205
272. «Как свершилось, как случилось?...»	206
273. «Как растет тревога к ночи!..»	208
274. «Ты — буйный зов рогов призывных...»	208

1914

275—283. Черная кровь	
1. «Вполоборота ты встала ко мне...»	210
2. «Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне...»	210
3. «Даже имя твоё мне презренно...»	211
4. «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой...»	211
5. «Вновь у себя... Унижен, зол и рад...»	211
6. «Испугом схвачена, влекома...»	212
7. «Ночь — как века, и томный трепет...»	212
8. «Я её победил, наконец!..»	213
9. «Над лучшим созданием божьим...»	214
284. «О, я хочу безумно жить...»	214

285. «Я – Гамлет. Холодест кровь...» . . .	215
286. «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...» . . .	215
287–294. Жизнь моего друга	
1. «Весь день – как день: трудов исполнен малых...» . . .	216
2. «Поглядите, вот бессильный...»	217
3. «Всё свершилось по писаньям...»	217
4. «Когда невзначай в воскресенье...»	218
5. «Пристал ко мне нищий дурак...»	219
6. «День проходил, как всегда...»	219
7. «Греши, пока тебя волнуют...»	221
8. «Когда осилила тревога...»	221
295. «Как день, светла, но непонятна...»	222
296. «Ну, что же? Устало заломлены слабые руки...»	223
297. Голос из хора («Как часто плачем – вы и я...»)	223
298–307. Кармен	
1. «Как оксан меняет цвет...»	224
2. «На небе – празелень, и месяца осколок...»	224
3. «Есть демон утра. Дымно-светел он...»	225
4. «Бушует снежная весна...»	225
5. «Среди поклонников Кармен...»	225
6. «Сердитый взор бесцветных глаз...»	226
7. «Вербы – это весенняя таль...»	227
8. «Ты – как отзвук забытого гимна...»	227
9. «О да, любовь вольна, как птица...»	228
10. «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь...»	229
308. «Петербургские сумерки снежные...»	230
309. Последнее напутствие («Боль проходит понемногу...»)	230
310. «Смычок запел. И облак душный...»	232
311. Королевна («Не было и нет во всей подлунной...»)	232
312. «Я помню нежность ваших плеч...»	233
313. «Ты жил один! Друзей ты не искал...»	233
314. «Грешить бесстыдно, непробудно...»	233
315. «Задебренные лесом кручи...»	234
316. «Та жизнь прошла...»	235
317. «Была ты всех ярче, верней и прелестней...»	235
318. «Ветер стих, и слава зарева...»	236
319. Женщина («Да, я извела все муки...»)	236
320. «Петроградское небо мутилось дождем...»	238
321. «Рожденные в года глухие...»	239
322. Антверпен («Пусть это время далеко...»)	239
323. «Он занесен – сей жезл железный...»	240
324. «Я не предал белое знамя...»	240
325. «Разлетясь по всему небосклону...»	241
326. «Распушилась, раскатулась...»	241

1915

327. «Протекли за годами года...»	243
328. «За горами, лесами...»	243
329. «Пусть я и жил, не любя...»	244
330. Перед судом («Что же ты потупилась в смущеньи?...»).	244
331. «Похоронят, заркоут глубоко...»	246
332. «Милая девушка, что ты колдуешь...»	246
333. «На улице — дождик и слякоть...»	247
334. «От знающего почерк ясный...»	247

1916

335. «Превратила всё в шутку сначала...»	248
336. «Дикий ветер...»	248
337. Коршун («Черта за кругом плавный круг...»)	249
338. Демон («Иди, иди за мной — покорной...»)	250
339. «Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух...»	251

1918

340. Скифы («Милыоны — вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы...»)	253
341. З. Гиппиус («Женщина, безумная гордячка!...»)	255

1919

342. Русский бред («Зачинайся, русский бред...»)	257
343. «Вы жизнь по-прежнему нисколько...»	258

1920

344. «Яблоки сада вырваны...»	259
345—346. Две надписи на сборнике «Седое утро»	
1. «Вы предназначены не мне...»	259
2. «Едва в глубоких снах мне снова...»	260

1921

347. Пушкинскому Дому («Имя Пушкинского Дома...») . . .	261
---	-----

ПОЭМЫ

348. Соловьиный сад («Я ломаю слоистые скалы...») . . .	265
---	-----

349. Возмездие	
Предисловие	270
Пролог («Жизнь — без начала и конца...»)	274
Первая глава («Век девятнадцатый, железный...»)	276
Вторая глава «Вступление» («В те годы дальние, глухие...»)	299
Третья глава («Отец лежит в «Аллее роз»...»)	302
350. Двенадцать («Черный вечер...»)	313

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ГЕЙНЕ

351 — 362. Опять на родине (Die Heimkehr)	
1. «В этой жизни слишком темной...»	327
2. «Не знаю, что значит такое...»	327
3. «Сырая ночь и буря...»	328
4. «Красавица рыбачка...»	329
5. «Играет буря танец...»	329
6. «Вечер пришел безмолвный...»	329
7. «На дальнем горизонте...»	330
8. «Тихая ночь, на улицах дрема...»	331
9. «Ты знаешь, что живу я...»	331
10. «Я Атлас злополучный! Целый мир...»	331
11. «Племена уходят в могилу...»	332
12. «Три светлых царя из восточной страны...»	332

АВЕРКИ ИСААКЯН

363 — 364. Моей матери	
1. «От родимой страны удалился...»	333
2. «Мне грезится: вечер мирен и тих...»	333
365. «Ал-злат наряд — мой детка рад...»	334
366. «Был бы на Аразе у меня баштан...»	335
367. «Быстролетный и черный орел...»	335
368. «Во долине, в долине Сално боевой...»	335
369. «Под алмазным венцом...»	336
370. «Уж солнце за вершиной гор...»	336
371. «Караван мой бренчит и плетется...»	337
372. «Издалека в тиши ночной...»	337
373. «Я увидел во мне: колыхаясь, внясь...»	338
374. «Да, я знаю всегда — есть чужая страна...»	338
375. «Видит лань — в воде...»	338
376. «Словно молнии луч, словно гром из туч...»	339

377. «От алой розы, розы любви...»	339
378. «Не глядись в черный взор...»	339
379. «Снилось мне — у соленой волны...»	340
380. «Ночью в саду у меня...»	340
381. «В разливе утренних лучей...»	340
382. «Схороните, когда я умру...»	341

ПЛУДОНИС

383. Реквием («Сон мой храните, возницы!...»)	342
---	-----

ФИНСКИЕ ПОЭТЫ

Л. Оне́рва

384. Не страшусь («Не страшусь, пускай могила...»)	346
--	-----

И.-Л. Руне́берг

385. Наш край («Наш край, наш край, наш край родной...»)	346
386. Лебедь («Июньский вечер в облаках...»)	348

Н. Рунсбе́рг

387. Марш мертвецов («Упорной колонной мы строимся там...»)	349
---	-----

З. Топелиус

388. Рабочая песня («Рабочие-друзи, наш радостен труд...»)	350
389. Млечный Путь («Погашен в лампе свет, и ночь спокойна и ясна...»)	350
390. Летний день в Кангасала («Качаюсь на верхней ветке...»)	352

Я. Тегенге́рен

391. Земля есмь («Мечтать о небесном царстве...»)	353
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Вместо предисловия (к сборнику «Земля в снегу»)	357
--	-----

II. Из примечаний к книге третьей «Собрания стихотворений» —	
«Снежная ночь».	360
1. <Введение>	360
2. <Примечания к «Итальянским стихам»>	360
III. К поэме «Возмездие»	363
1. <Две заключительные главки первой редакции поэмы>	363
13. «Тебе, читатель, надоело...»	363
14. «С тобою связь я стал терять...»	364
2. <Планы поэмы>	365
3. <Наброски продолжения Второй главы>	370
4. <Наброски окончания Третьей главы>	375
IV. Из «Записки о „Двенадцати“»	377
Примечания	379
Алфавитно-библиографический указатель стихотворных	
произведений (К томам 1, 2)	409

- Блок А.**
Б70 Собрание сочинений: В 6-ти т./Редкол.:
М. Дудин и др.; Оформ. худож. Н. Нефедова. — Л.: Худож. лит., 1980 — 1981.
Т.2. Стихотворения и поэмы. 1907 — 1921./Сост. и примеч. Вл. Орлова. 1980. — 472 с.

Во второй том включены стихотворения А. Блока, входившие во второй и третий тома собрания его лирики, в том числе циклы «Снежная маска», «Вольные мысли», «На поле Куликовом», «Итальянские стихи», «Пляски смерти», «Кармен» и др., а также поэмы «Соловьиный сад», «Возмездие», «Двенадцать» и переводы из Г. Гейне, Аветика Исаакяна, Плудониса и финской поэзии.

Александр Александрович Блок

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ
ТОМ 2

Редактор Т. Мельникова
Художественный редактор Р. Чумаков
Технический редактор Н. Литвина
Корректор Л. Никольшина

ИБ № 1566

Сдано в набор 16.11.79. Подписано к печати 17.09.80. Формат 84 × 108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Плэнтин». Печать высокая. 24,78 + вкл. 0,052 = 24,832 усл. печ. л. 22,958 + 1 вкл. = 23,017 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 960. Цена 2 руб. Издательство «Художественная литература», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28. Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.